

Letum non omnia finit

Sextus Propertius

Lomonosov Moscow
State University
Faculty of Journalism

**IN MEMORY
OF PROFESSOR
E.P. PROKHOROV**

**Collection of Scientific
Articles and Memoirs**

**Moscow
University Press
2013**

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Факультет журналистики

КНИГА ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА Е.П. ПРОХОРОВА

Научные статьи
Воспоминания

Издательство
Московского университета
2013

УДК 816.77: 070
ББК 76.01: 74.58
К 53

Рекомендовано к печати
Ученым советом факультета журналистики МГУ

**Книга памяти профессора Е.П. Прохорова. Научные статьи,
К 53 Воспоминания / Отв. ред. И.Е. Прохорова. — М.: Издательство
Московского университета, 2013. — 320 с., илл.
ISBN 978-5-19-010831-6**

В сборнике, посвященном выдающемуся исследователю журналистики Е.П. Прохорову, представлены наброски и материалы к его книге, так и не завершённой книге и библиография его публикаций за более чем полвека научной деятельности. Значительное место в книге заняли научные статьи его коллег и учеников по темам истории, теории и социологии журналистики, связанные с многообразными исследовательскими интересами учёного, а также воспоминания о Евгении Павловиче и материалы из семейного архива.

Ключевые слова: Евгений Павлович Прохоров, факультет журналистики МГУ, научные статьи по истории, теории и социологии журналистики, воспоминания, материалы из семейного архива.

УДК 816.77: 070
ББК 76.01: 74.58

**In Memory of Professor E.P. Prokhorov: Collection of Scientific
Articles and Memoirs/Executive Editor I.E. Prokhorova. — Mos-
cow: Moscow University Press, 2013. — 320 p., illustrations.**

This collection of articles is devoted to the prominent researcher in the field of journalism E.P. Prokhorov. Here are some sketches for his new book and a complete bibliography of his publications for more than a half of a century of his scientific activity. The important place in this book was taken by his colleagues and disciples scientific articles on the subjects of the history, theory and sociology of journalism, connected with Prokhorov's diverse research interests. A special attention was given to memoirs about Evgenii Pavlovich as well as to the materials from family archive.

Key words: Evgenii Pavlovich Prokhorov, the Faculty of Journalism, the Lomonosov Moscow State University, scientific articles on the journalism history, theory and sociology, memoirs, materials from family archive.

© Факультет журналистики МГУ имени
М.В. Ломоносова, 2013

ISBN 978-5-19-010831-6

© Издательство Московского университета, 2013

От редактора	7
«ЕВГЕНИЙ ПАВЛОВИЧ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ ОСОБЫЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП...»: К ПОРТРЕТУ Е.П. ПРОХОРОВА (Беседа Президента факультета журналистики МГУ профессора Я.Н. Засурского с Н.Е. Прохоровой)	9
С РАБОЧЕГО СТОЛА Е.П. ПРОХОРОВА Наброски и материалы к новой книге «Свобода СМИ и журналистской деятельности (теоретические основы и практическая реализация)»	27
БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ ПРОФЕССОРА Е.П. ПРОХОРОВА	39
НАУЧНЫЕ СТАТЬИ ВО ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И СОЦИОЛОГИИ ЖУРНАЛИСТИКИ	
<i>Давыдовский И.М., Давыдовская И.И.</i> Российские СМИ в идея теоратности	77
<i>Нурен Вяч. Зина.</i> Оттождествляющая роль прессы и общественное мнение	108
<i>Коркунискина С.Г.</i> Профессионалы ищут о свободе журналиста	123
<i>Лавинина Г.С.</i> Отражение чужих крестьянства (На истории печати Среднего Поволжья в годы Первой русской революции)	141
<i>Прохорова И.Е.</i> К вопросу о мастерстве Беллинского-интеллекта в свете концепции диалогизма в журналистике	149
<i>Соловьев А.И.</i> История создания функций журналистики и возможности кластерного анализа	159
<i>Ченцова Г.В.</i> Журналистика как познавательно-практическая деятельность: диалектическая взаимосвязь теории и практики журналистики	181
<i>Шумилова Г.В.</i> Журналистская деятельность и проблема непрофессионализма	187
IN MEMORIAM: КОЛЛЕГИ, ДРУЗЬЯ, УЧЕНИКИ О Е.П. ПРОХОРОВЕ	
<i>Артемова В.Л.</i> Жена любит свежий воздух	200
<i>Белкина А.В.</i> Двери за тремя улыбками (по соседкам)	207
<i>Виноградова В.С.</i> Искусство мыслить и писать	212
<i>Григорьев Г.А.</i> Вас не хватает	213
<i>Нурен Вяч. Зина.</i> Незабываемое время: аспирантура у профессора Прохорова	215
<i>Никифорова Е.В.</i> Классический учебник	222
<i>Красновский В.Е.</i> О Е.П. Прохорове — исследователе русской публицистики и педагоге	225
<i>Крылов А.Е.</i> Спокойная уверенность аналитика	228

Содержание

Михайлова С.Я. Когда мы были молодые.....	231
Перельман Я.В. Погода, что у меня есть, и обман.....	241
Паршицкая Л.Н. Миф о человеке-«гукаре».....	246
Прудникова Г.В. Уроки профессора Е.В. Прохорова.....	248
Рейкин А.М. Каким должен быть современный университетский профессор?.....	251
Резникова С.С. Боязнь ученых уходит, чтобы вернуться.....	255
Савкина Л.Г. Призывание Учителя в стихах и прозе.....	259
Савкина О.А. Нам повезло.....	270
Савкина В.В. «У меня, как всегда, три вопроса.».....	274
Вудучко В.В. Переименуйте Прохорова!.....	276
Курбан А.Н. Описывали первый же ливень.....	278
Хитякова О.В. «Все гениальное просто».....	281
Федотова Н.А. «Я всегда на связи...».....	283
Филомонов А.О. Путь мысли.....	287
Чендарова Г.В. Читатель № 1.....	289
Шумкина Т.В. Главный авторитет.....	294
ПРОХОРОВА Н.Е. ПОРТРЕТ ЕВГЕНИЯ ПАВЛОВИЧА В ИНТЕРЬЕРЕ, ИЛИ «БИОГРАФИЯ В ФОТОГРАФИИ» И ДОКУМЕНТАХ ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА.....	303

Идея выпустить сборник памяти Евгения Павловича Прохорова родилась 18 ноября 2011 г., сразу после гражданской паникиды на учебном факультете журналистики МГУ. Информация о печальном событии так широко распространилась в медийном пространстве, что телеграммы, факсы, электронные письма с соболезнованиями, причем совсем не протокольно-формальными, приходили не только из Москвы, но буквально из всех университетских городов России, многих стран СНГ и даже из Лондона (оказалось, и там живет и работает немало выпускников кафедры, в разные годы учившихся у профессора Прохорова). В тот холодный и вместе с тем удивительно-солнечный для ноября день поговорить с ним пришло очень много людей, промучило много искренне скорбных и одновременно светлых, провокационных слов о Евгении Павловиче. В них охватывалась и глубоко вглядывалась в попытки осмыслить масштаб уникально из жизни Ученого и Человека. Тогда и возникла потребность в создании этой книги — зафиксировать, полнотой на бумагу, передать слышимое сказанное.

Сделать это предпринималось совместно с сотрудниками Евгения Павловича по кафедре социологии, первым и на протяжении 20 лет бесспорным руководителем которой он был. Но ситуация сложилась так, что кафедра решила посвятить памяти «учителя, основателя современной теории журналистики» свой Ежегодник на 2011 год, как отмечено в аннотации к нему. Вышедшая осенью 2012 г. книжка открывается подзаголовочной «мемориальной частью» — воспоминаниями М.Е. Анисимовой, А.И. Верланской, Л.Г. Сивачев, И.Д. Фомичевой, В.М. Хруда, Т.В. Шумиловой о «многолетнем архиве материалов кафедре социологии». Законоверка в этом кафедральном сборнике под названием «Теория и социология СМИ» и переименована интервалом «Наука о журналистике должна иметь четкую структуру», данного Е.П. Прохоровым О.В. Устиновой в 2004 г.

Однако жизнь и творчество Евгения Павловича, его научные и человеческие контакты, разумеется, отнюдь не ограничивались созданием при его активном участии кафедрой. Поэтому 7 июня 2012 г. на заседании в честь

60-летия журфака, когда наш декан профессор В.Л. Варганова сообщила о том, что Ученый совет принял решение в этот юбилейный год присвоить звание почетного выпускника факультета журналистики Е.П. Прохорову (посмертно), и вручила мне соответствующий диплом, а, поблагодарив, повторила свое предложение. Предыдущее к годовщине смерти Евгения Павловича почтить его память изданием специальной сборники с участием тех, кому она дорога и кто так или иначе связан с нашим факультетом и миром — с журналистикой.

В задуманной книге хотелось видеть выходящие по-журналистски ярко и эмоционально о встречах с Евгением Павловичем — ученым и педагогом, об общении с ним — официальном или дружеском, о соглашениях и/или разногласиях, размышлениях о том, что он хотел и сумел дать своим коллегам, ученикам, другим как исследователям, преподавателям в научном да и просто в общечеловеческом плане. Ожидалось, разумеется, и появление научных статей, посвященных памяти профессора Прохорова и разномыслия (возможно, и кардинально вероисповеднических) какую-либо из его теоретических идей. Планино, чтобы они разрабатывали ту или иную тему по кругу предметов, которыми Евгений Павлович серьезно занимался на протяжении почти 60 лет работы в МГУ, а также в других высших учебных и научных центрах. А круг его профессиональных интересов был очень широк: история периодической печати, история публицистики, теории и социологии журналистики, деонтология и т.д.

И материал для такой книги собрался. К сожалению, не к 1 сентября, как предполагалось вначале, и даже не к 16 ноября 2012 г., когда на факультете отмечалась годовщина ухода Евгения Павловича. Материалы для сборника вступали в течение всего осеннего семестра 2012 г. и даже позднее, что, конечно, сильно задержало работу над ним. Однако замысел этот, убеждена, не потерял актуальности и сегодня и, что особенно важно, реализован достойно. Хотя, конечно, не со всеми тезисами авторов как научных статей, так и интервью можно безоговорочно согласиться, да и Евгений Павлович, возможно, некоторые высказанные суждения не поддержал бы. Но из публикации, думаю, будет представляемую книгу тем более достойной памяти Е.П. Прохорова, всегда открытого для диалога, истинного Радара науки, университета, факультета.

«Не все прекращается смертью», — писал А.А. Фет, переводя ставшие крылатыми слова Сократа Прокланда, которые бесцельно квити в качестве эпиграфа к данной книге.

И.Е. Дроздова

«ЕВГЕНИЙ ПАВЛОВИЧ
ПРЕДСТАВЛЯЛ СОБОЙ ОСОБЫЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП...»:
К ПОРТРЕТУ Е.П. ПРОХОРОВА

*Беседа Президента факультета журналистики
МГУ профессора Я.Н. Засурского
с дочерью профессора Прохорова доцентом
факультета журналистики МГУ И.Е. Прохоровой*

Накануне годовщины смерти профессора Е.П. Прохорова, которую 16 ноября 2012 г. отметили на факультете журналистики МГУ, Президент факультета профессор Я.Н. Засурский ответил на вопросы о Евгении Павловиче как человеке, научном работнике и преподавателе, о его долгой (более 60 лет он был связан с отделением, а потом с факультетом журналистики), плодотворной, но вовсе не безоблачной факультетской биографией. Во время подготовки интервью к печати (за помощь в его написании и расшифровке благодарю студентку нашего факультета А.М. Гловую) возникла идея дополнить некоторые высказывания Я.Н. Засурского, биографические и библиографические данные. С согласия Юлии Николаевны такие комментарии включены в текст беседы¹.

И.Е. Прохорова

— *Ясти Николаевич, исполните, пожалуйста, Вашу первую встречу с Евгением Павловичем. Каковы были Ваши впечатления от общения с ним?*

— По-моему, первая встреча с Евгением Павловичем была еще в его студенческие годы. [Евгений Павлович поступил на отделение журналистики филологического факультета сразу после окончания школы в 1949 г., а в 1954 г. с отличием окончил уже отделение] к этому времени от филофака фило-

¹ Здесь и далее во всей книге комментарии, данные в квадратных скобках, принадлежат И.Е. Прохоровой.

хульмом журналистики МГУ. Тогда он находился в старейшем из сохранившихся зданий университета на Моховой, рядом с корпусом, где сегодня располагается журфака. Евгений Павлович был очень аккуратным и внимательным студентом. Ходил на все лекции, слушал, задавал вопросы. Всегда в отличной физической форме. Он занимался, насколько я знаю, немного спортом, спортивной гимнастикой, как он мне говорил. [Действительно, отец не без гордости вспоминал, что ему даже предлагали серьезно заняться этим видом спорта, когда в юношеской школе клуба «Динамо» он получил 1-й разряд.] И в одежде он всегда был аккуратен. В студенческие годы у него был такой серый свитер, он почти постоянно в нем ходил, и его всегда можно было узнать: подтянутый, стройный. Кстати, стройность он сохранил до последних дней. И когда из-за болезни уже ходил с палочкой, все равно был строен и, насколько мог, подтянут. А спортивность Евгения Павловича проявлялась и в его интересе к спортивным соревнованиям: он всю жизнь активно болел за московское «Динамо». Мы ходили с ним на футбол, один раз уж и точно был. Иногда мы обсуждали спортивные события. Но это было, конечно, не главное в наших отношениях...

Еще в студенческие годы Евгений Павлович стал по существу интересоваться развитием нашего журналиста. Его изначально отличала такая черта, как пылкий ум. Общение с ним как студентом было приятно еще и потому, что он любил и умел задавать вопросы. Это, я думаю, вообще отличительное качество исследователя — способность задавать вопросы. И его вопросы диктовались не праздным любопытством, а желанием получить ответы не формальные, а позволяющие глубже и шире понять те или иные проблемы журналистики. К каждому вопросу он относился очень внимательно. Так что и первые впечатления были очень приятные. Он отличался среди других студентов тем, что сразу серьезно занялся наукой. Он всегда стремился добраться до сути и искал теоретические решения разных проблем. Отсюда его интерес к терминологии. И здесь он был весьма требователен и к себе, и к другим.

Евгений Павлович был очень серьезным человеком. Но это не значит, что он никогда не смеялся, не умел быть веселым.

Его серьезность — это основательность и четкость во всем, что он делал. Недаром, читая на факультете лекционный курс по теории журналистики на протяжении нескольких десятков лет, он тщательно готовился к каждой лекции.

С молодости Евгений Павлович представлял собой, если хотите, особый психологический тип, сориентированный на традиционный образ русского интеллигента. Это проявлялось и в непрерывной вежливости, и в пунктуальности, и в том, что он никогда не позволял себе никаких вульгарных высказываний. Был в этом отношении даже несколько педантичен. Во всем его облике заметна была целеустремленность человека, который стремится познать новое, разобраться в новых явлениях, направлениях, отраслях журналистики, делая это во-истинному основательно и глубоко.

Поэтому Евгений Павлович всегда (и не только в годы учебы) очень много читал, следил за научной литературой, внимательно относился буквально ко всем книжным и журнальным новинкам. Он собрал большую библиотеку, вел библиографию. [Стоявшие в кабинете отца книжные полки и картотека всегда были открыты для его коллег и учеников — он любил общаться с ними дома, за чашкой чая, в окружении своей библиотеки. После его смерти значительная часть этого книжного собрания передана мной в дар факультету. К сожалению, с огромной рукописной картотекой Е.П.³ из-за его неразборчивого почерка (левша, переучившийся на правшу) работать самостоятельно, без авторского «перевода», всем и всегда было сложно. Но благодаря помощи одного из его давних учеников, В.В. Перельцова, и эти библиографические записки Е.П., надеюсь, еще будут востребованы.] Он был хорошим специалистом в области библиографии: всегда прекрасно их составлял, некоторые из них напечатаны [и, добавим, давно стали библиографической редкостью, как, например, его брошюра «Социология журналистики. Материалы к библиографии 1965—1990»]. Все это помогало ему точно ориентироваться в развитии разных тенденций и в самой журналистике, и в посвященных ей исследованиях, и в смежных дисциплинах.

³ Об этом сокращении см. в тексте на с. 303.

Что касается меня, то я всегда очень ценил Евгения Павловича как исследователя, как ученого, как большого эрудита. Его очень многое интересовало, и он всегда рассматривал научимый предмет с разных, что ли, углов зрения. Он смотрел на журналистику как на профессию, род занятий, и как на науку. Особенно важно его умение широко и разносторонне ставить и решать те или иные научные проблемы в журналистике, не упуская из виду и философские, и логические, и исторические аспекты этих проблем. В его работах, если читать внимательно, мы можем найти систематику всего того, что относится к журналистике. Здесь, я думаю, он сделал очень многое, хотя, может быть, это пока не все собрано. Но эту систематику он предлагает и в своих широко известных произведениях, например в учебнике «Введение в теорию журналистики», выдержавшем восемь переизданий. [Эта книга и сегодня продается в магазинах: уже после смерти Е. П. издательство донепечатало тираж, датирован соответственно изданием 2012-м годом.]

— А что Вы можете сказать о непосредственных воспитателях молодого Евгения Павловича на факультете, его научных руководителях? Как, с Вашей точки зрения, складывались их отношения?

— Безусловно, надо упомянуть о прекрасных учителях Евгения Павловича на факультете. Один из них — Ефим Степанович Ухалов. Можно о нем по-разному говорить, но для нашего разговора важно, что Ухалов был очень знающим человеком, учился, по-моему, еще в Институте красной профессуры. Там работали серьезные преподаватели, специалисты в области литературы, публицистики, и Ефим Степанович получил солидную подготовку. [Отец любил вспоминать, что к Ухалову первому он на III курсе пришел посоветоваться насчет темы своих будущих научных студий, решив заняться историей журналистики. Ведь именно Ефим Степанович, тогда заведующий кафедрой истории журналистики, много делал для становления историко-журналистского курса на организованном в 1932 г. факультете журналистики МГУ.] Евгений Павлович стал одним из его любимых учеников, причем что Ухалов отличался высокой требовательностью. В свою очередь Евгений Павлович всегда (и тогда, когда сам стал признанным ученым,

а Ефим Степанович уже не работал на факультете) относился к нему очень внимательно и почтительно, отзывался о нем исключительно уважительно и старался, чтобы о его заслугах не забывали.

Другой его учитель – профессор Александр Васильевич Завадов, крупнейший специалист в области истории русской литературы и журналистики. Вместе они выпустили несколько довольно объемных книг [Среди них «Глазами друзей: русские об Индии» (М., 1957) и «Русский фельетон» (М., 1958). Оба участвовали в создании до сих пор не утрачивающего ценность справочника «Русская периодическая печать. 1702–1894» (М., 1959), в котором перу Е.П. принадлежат статьи и заметки об изданиях 1836–1855 гг.] У Евгения Павловича всегда был широкий круг интересов. Это проявилось и в его обращении к теме восприятия Индии в русской журналистике. Евгением Павловичем собран и изучен целый антологический материал наших публицистов об Индии за очень большой промежуток времени, с начала российского знакомства с Индией, и написал о результатах своих наблюдений в кандидатской диссертации. Созданную на основе серьезных размышлений книгу интересно почитать и сейчас, особенно когда мы говорим о БРИКС [от англ. BRICS, как называют объединение пяти стран – Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южно-Африканская Республика, имеющих наиболее активно развивающиеся экономики в мире]. Над диссертацией Евгений Павлович тогда работал под руководством А.В. Завадова, и, думаю, у него он тоже сумел многому научиться.

Причем важно, что это была иная школа, чем у Ухалова. Ведь Ефим Степанович тяготел к широким «мажорам», говорил о любых проблемах «с размахом», критически (что-что, а полемизировать, критиковать, и ехидно, он умел и занимался этим довольно лихо). Но его ехидство Евгений Павлович не замечал, он замечал широту подхода и любознательность.

Как известно, после окончания университета Евгению Павловичу предложили остаться работать на факультете, и так в конце концов сложилось, что он согласился стать старшим лаборантом на кафедре истории русской литературы и журна-

листика. [О перипетиях в значительной мере вынужденных «блужданий» между кафедрой истории русской литературы и журналистики и кафедрой теории и практики партийно-советской печати (тогда так называлась кафедра периодической печати) в начале своей факультетской «карьеры» Е. П. довольно подробно рассказал в интервью С. С. Распоповой («Беседы с учителями» (М., 2012, с. 100–101)).] Это было, конечно, очень здорово для факультета: пришел молодой, думающий и уже довольно много знающий человек. Да и для самого Евгения Павловича: эту кафедру отличали особый академизм, филологическая культура. Особенно когда ее возглавлял Западов. Отсюда, наверное, у Евгения Павловича такое умение аргументировать свои суждения, аккуратно оговаривать свою точку зрения в дискуссиях, такая выверенность библиографических указаний. Тогда это для него, думаю, был новый стиль, который нужно было выработать.

Ухадлов хотя и требовал разносторонне смотреть на разные проблемы, но я бы не сказал, что он сам был последователем в этих своих побуждениях и глубок в исследованиях. Он представлял «московскую школу». «Московская школа» была более романшная, концептуальная и не всегда считавшаяся с мелкими, да и немелкими фактами. Во всяком случае, фантазии больше себе позволяла «московская школа». Но Евгений Павлович в этом отношении был несколько иным: он изначально стремился к точности, к четкости мысли и ее выражения. И здесь на него большое, по-моему, влияние оказал Западов.

Александр Васильевич пришел к нам на факультет из Петербурга. Он представитель «петербургской школы». Там всегда требовалась большая эрудиция и точность формулировок и аргументов, смысл, чтобы ваши утверждения были обоснованы соответствующими цитатами, сносками. Западов, думаю, привил Евгению Павловичу этот «петербургский», тогда «ленинградский», а теперь вновь «петербургский», научный академический стиль. А почва для этого у начинающего исследователя уже была.

Прекрасный знаток прошлого отечественной литературы и журналистики (автор одной из верных и лучших монографий о Ломоносове), Западов поддерживал интерес Евгения Павло-

вича к его глубокому изучению. Вслед за учителем он увлекся работой с историческими документами, старыми журналами и газетами. Но, что особенно важно, в нем появилось настоятельное стремление проникнуть в творческую лабораторию публицистов, понять логику журналистского творчества. [Здесь, очевидно, стоит добавить, что от анализа исторического материала Е.П. вскоре перешел к изучению современной журналистики, ставя перед собой задачу понять общие законы публицистической и журналистской деятельности в их связи с движением времени и в то же время некие константы «журнальной теории» в прошлом и настоящем. При этом до конца жизни он сохранил особый интерес к анализу публицистического мастерства В.Г. Беллинского (книги 1978 и 2011 гг.). Одновременно продолжал интенсивно исследовать «тайны» искусства публицистики в целом (наиболее значимыми в этом направлении работы Е.П. представляются его концептуальная статья «Публицистика» в Большой советской энциклопедии (т. 21. М., 1975) и книга, так и написанная им — «Искусство публицистики» — и вышедшая в издательстве «Советский писатель» в 1984 г. О том, насколько важно не ослаблять внимания к этой сфере исследований, несмотря на закономерно растущий интерес к разного рода экономическим и технологическим аспектам, коммуникативистским подходам в «журналистике», Евгений Павлович писал и в недавней большой статье «Публицистика как тип творчества», увидевшей свет в Ежегоднике, выпущенном его кафедрой в 2010 г. («Теория и социология СМИ», ч. 1, с. 127–155).]

Так, волею судьбы оказавшись в кузнице ранития обеих наших школ — «московской» и «петербургской» — и сумев, помимо, выбрать лучшее из той и другой школы, усвоив «уроки» и Е.С. Ухалова, и А.В. Запорова, Евгений Павлович выработал свой научный почерк. Постепенно он нащупал и главную тему для своих уже самостоятельных исследований журналистики. Во всех них он действительно академичен, концептуален и одновременно точен, всегда добиваясь в поисках аргументов нужных результатов и проверяя источники, что и позволило ему стать очень основательным ученым. Основательность сразу стала отличать Прохорова от большинства наших молодых исследователей и осталась его «фирменным блюдом».

При этом, насколько могу судить, Евгений Павлович навсегда сохранил уважительное отношение к обоим своим факультетским учителям. Вы знаете, уважение учеником, оно, как река, течет и очень быстро меняется. А Евгений Павлович был в этом отношении очень устойчив. Он никогда не предавал своих учителей. Конечно, не всегда с ними соглашался, но всегда стремился познать их логику, а несогласия аккуратно откармливал. Корректность — это еще одна черта его стала как ученого и человека.

— Евгений Павлович неоднократно упоминал, что именно с Вашей подачи он охотно занялся разработкой целостного университетского курса теории журналистики, которого до его работ в Советском Союзе, по сути, не было. Расскажите об этом «проекте», пожалуйста, подробно.

— Как уже говорилось, Евгений Павлович, работая на кафедре истории русской литературы и журналистики, в 1959 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему восприятия Индии в отечественной журналистике. Но ситуация сложилась так, что далее он углубился в проблемы теории публицистики. Его путь к теории журналистики шел через изучение публицистики. [Интересно, что одно из центральных мест в штудиях Е.П. тех лет занял анализ жанров, главным образом жанра письма и обозрения. Е.П. сразу очень точно понял необходимость вести работу «на стыке» двух научных направлений — поэтики публицистики и теории журналистики. И сегодня не потеряли значения его небольшие, но емкие книги «Публицистическое обозрение» (1963) и «Энциклопедическая публицистика» (1966) и соответствующие разделы в коллективном труде «Жанры советской газеты» (1972).] Евгений Павлович много полезного сделал в сфере исследования современной журналистики, закономерностей ее развития и... получал предложение создать новый курс, который теперь называется «Введение в теорию журналистики». Думаю, действительно, это я ему сделал такое предложение много лет назад.

Работая над этим курсом, Евгений Павлович опубликовал целую серию книг и статей по теории журналистики, многие из которых не раз переиздавались. [Всего Евгением Павловичем опубликовано более 300 работ, и том числе 30 монографий и

учебников. Некоторые из них переводились на арабский, болгарский, венгерский, китайский, польский, чешский и другие иностранные языки. | Написанные очень обстоятельно, они заложили хорошую основу для будущих исследований. Большинство последующих работ по теории журналистики во многом опирались на труды Прохорова. И лекции у нас на факультете он читал буквально до последних дней своей жизни. Причем не повторял некогда созданный курс, а постоянно его обновлял, вносил в него изменения и дополнения. Как и в переизданиях своего учебника «Введение в теорию журналистики», последняя, 8-я, редакция которого подготовлена им незадолго до смерти в 2011 г.

«Введение в теорию журналистики» – очень серьезная книга. Многих раздражала теоретичность этого курса, и об этом нередко громко говорили. Но никто, к сожалению, не смог представить альтернативного курса. Говорили, что у Прохорова материал и положение его слишком сложные, и не только для студентов. Некоторые представители журналистской профессии воспринимали курс как стремление лишить их права быть дилетантами в профессии.

Но Евгений Павлович неизменно считал необходимым серьезные теоретические проблемы рассматривать серьезно, используя современную научную терминологию. Им создан настоящий университетский курс, в даром его учебник был признан «классическим университетским учебником» и включен в одноименную серию, которую выпускает Издательство Московского университета по решению Ученого совета МГУ. И сейчас этот курс есть в учебном плане факультета и основывается на тех положениях, которые были разработаны Евгением Павловичем. Это его вклад, очень серьезный и глубокий, в изучение теории журналистики.

– Многие и сегодня помнят о борьбе так называемых черных полковников с «красными», но их меньше, идеали Евгений Павлович о природе журналистики и ее функциях и принципах. Как это видится из декламации, где Вы тогда уже работали? Каким Евгений Павлович был борцом? Ведь «черные полковники» (или «ответовники», как их называл Евгений Павлович) в пост-сталинские, да и брежневские годы продолжали быть грозными оппонентами. Евгений Павлович расскажет?

— Я к этому имею отношение просто потому, что после ухода (в силу болезни) первого декана нашего факультета Евгения Лавровича Худякова и избрания меня деканом с 1964 г. я должен был думать о развитии факультета. Стояла задача создания научной школы, что совершенно необходимо для университета. Евгений Павлович был здесь очень важным звеном. Я думаю, что именно он тогда сформулировал ряд проблем, которые стали предметом дискуссии. Прежде всего, конечно, это были проблемы природы и принципов журналистики.

Евгений Павлович любил научные дискуссии. Первые из них были связаны с природой публицистики. Среди выступавших на таких дискуссиях наших ученых были и люди, которых Евгений Павлович знал со студенческой скамьи, например В. В. Ученова, наша прекрасная исследовательница. Во время дискуссий высказывались разные точки зрения на публицистику, и полемика была очень острой. Евгений Павлович всегда выдерживал свой академический тон и, участвуя в спорах, никогда не перескакивал рамок академизма. Оппоненты были «громкими», но Евгений Павлович также был решителен и уверен в своей концепции. Такие споры были очень полезны. В полемике выяснялись слабые места каждого из участников, и их следующие работы могли быть более доказательными и равносторонными. Это двигало общее дело вперед.

С «черными полковниками» — история особая. Да, у нас на факультете в силу отсутствия кадров на начальном этапе многие теоретики журналистики были выходцами из числа военных журналистов и преподавателей военно-политических академий. Вообще, наш преподавательский коллектив формировался из нескольких источников. Уже упоминались филологи, специалисты по истории русской литературы, которые хорошо знали нашу журнальную периодику. Они, кстати, тоже участвовали в полемике, которая шла тогда и в журналах.

Но главными оппонентами Евгения Павловича стали бывшие преподаватели партийных школ, военных и военно-политических академий. Большинство из них — участники войны и действительно имели звание полковников и подполковников в отставке. По сути, среди них встречались люди разные. Например, ученым секретарем в те годы работал Се-

мой Носифович Жуков — полковник, участник войны, очень активный человек. Матвей Самойлович Черепанов, историк печати, был, по-моему, подполковник. Нашу газету «Журналист» (тогда ее только создали) редактировал подполковник Алексей Александрович Замотьев. Эти люди, конечно, имели опыт в журналистике, но весьма своеобразный, относящийся в основном к сталинской эпохе. Взгляды их были очень примитивнейшие: в журналистике выделялось одно начало — ее партийность, связь с Коммунистической партией Советского Союза. Причем такая односторонняя трактовка журналистики исключительна как пропагандистского инструмента партии отставалась этими немолодыми людьми очень воинственно. Тех, кто с ними не соглашался (например, с их формулой, что журналистика — это не просто средство массовой информации, а средство массовой информации и пропаганды), они всерьез клеймили, обличали в ревизионизме.

Полемика развернулась достаточно серьезная, оживленная и не без резких слов. Знаете: когда дерутся, нередко ключья летит во все стороны. И это было в той полемике. Иногда дискуссия становилась слишком громкой, заглушалась суть. Но и тогда Евгений Павлович проявлял истинно научный подход к журналистике и старался его развивать. Ведь он всегда выступал против однобокости и догматизма, за творческое развитие теории. Это было очень важно для того, чтобы преодолеть напор его энергичных оппонентов. Мне кажется, в той полемике Евгений Павлович одержал очень важную победу. И дальнейшие дискуссии помогли нам понять вклад Евгения Павловича в науку о журналистике.

Насколько Евгений Павлович тогда рисковал, критикуя факультетских «черных полковников»? Конечно, «рисковал» — их любовью и уважением. Это был главный риск, но он на этот риск шел достаточно откровенно. Он, возможно, и указал многих из них за их человеческие качества, но их взглядов принять не мог. Евгений Павлович всегда утверждал, что теория журналистики должна быть объективной, основательной, концептуальной и постоянно развивающейся. И в этом смысле его не устраивали ничья легковесные и застывшие схемы. Я считал эти дискуссии важными и полезными, но понимал, что

они должны быть более уравновешенными. Хотя дискуссия и существует для того, чтобы спорить, но споры должны сдерживаться определенными рамками.

— А как в 1969 г. проходила докторская защита Евгения Павловича? Выглядит, тоже очень просто. Тем более что по тем временам, когда докторов наук на факультете было мало, а становились или обычно не ранее пятидесяти (так тогда вообще принято было в гуманитарной сфере), соискатель Пристолов отличался молодостью — 38 лет! Это тоже могло вызывать зависть, неприязнь...

— Я думаю, Евгений Павлович не опасался никаких нападков. Он прежде всего был заинтересован в том, чтобы коллеги, члены Ученого совета выслушали его, познакомились с его взглядами. Он верил в то, что его аргументы убедительны. В основном, мне кажется, он был прав. Да и «молодость» Евгения Павловича при защите докторской диссертации, по-моему, не повод для зависти и неприязни. Знаете, молодость имеет одну особенность: она скоро проходит.

Евгений Павлович был уверенным в дискуссиях — упорствовал в своих взглядах, и это было хорошо, потому что давало возможность серьезно все обсуждать, постоянно искать новые аргументы. И всем (!) участвовать в серьезной работе по созданию очень нужной дисциплины — теории журналистики. Это и сейчас нужно, и нужно спорить, предлагать, обсуждать, работать. Никакой особой опасности здесь нет, а дискуссии привлекают внимание молодых исследователей к проблемам журналистики, что очень важно для любой науки.

— Евгений Павлович в силу разных причин довольно много «соизмерял», с какой отдачей «служил» факультетам, сотрудничал и в других учебных заведениях (например, в Академии общественных наук при ЦК КПСС, Институте повышения квалификации при Гостелерадио). Как Вы, будучи деканом, к этому относились? Не ревновали? И не боялись, что переманят львынами и привилегиями?

— Нет, я не боялся, что Евгения Павловича переманят. В конце 1960-х — начале 1970-х гг. в стране в целом возобладало более взвешенное отношение к журналистике, к ее теории. Тогда и в Академии общественных наук при ЦК КПСС была

создана кафедра журналистики. Она сыграла важную роль в разработке теоретических проблем, там работали действительно интересные люди, и приглашали они серьезных специалистов. И хотя в Академии тенденции к вермантинанию, конечно, были, мы в основном сохранили свои кадры. Не разбазарили, давая возможность совмещать. Было несколько случаев перехода, но они не имели решающего значения для нашего факультета. А что кто-то из наших преподавательских «звезд», например Прохоров, перебежат туда, я не боялся. [И, надо сказать, такая уверенность декана была совершенно обоснованной. Ведь для Евгения Павловича факультет, Московский университет всегда были настоящей альма матер; он не мог и мысли допустить, чтобы её изменить. Тем более что ему, во многом идеалисту-романтику, претил сам принцип «родина там, где мне лучше, а лучше — где комфортнее в материальном плане».]

— *А какое был Евгений Павлович как подчиненный? У вас бывали трения? Легко ли было с ним вести диалог, находить общий язык?*

— Как подчиненный Евгений Павлович был... идеальным. Инструкции и приказы все выполнял, все делал очень точно, пунктуально. И всегда старался помочь в решении тех вопросов, которые на факультете возникали. В том числе и как член Ученого совета факультета, его Диссертационного совета, до последних дней жизни — заместитель председателя этого Совета, да и как член Ученого совета МГУ и эксперт ВАКа.

Евгений Павлович уважительно относился и к работникам деканата, и к другим заведующим кафедрами, вообще ко всем сотрудникам факультета. Всегда откликнулся на разные просьбы, всех внимательно выслушивал. Постоянно был готов к диалогу, к серьезным разговорам. И в дискуссии вступал — только в принципиальные...

— *Как Вам сегодня видится история кафедры социологии журналистики, мерзая и в течение 20 лет бессмысленная заведующим которой был Евгений Павлович? Как Вы оцениваете Евгения Павловича как руководителя? Ведь этот долгий опыт руководства не первый у Евгения Павловича: до кафедры он заведовал лабораторией по изучению функционирования печати, радио и телевидения, из которой, собственно, и выросла кафедра.*

— Конечно, Евгений Павлович провел большую работу, чтобы факультет включился в социологические исследования в сфере журналистики. В 1966 г. начала действовать лаборатория по изучению функционирования печати, радио и телевидения, и в 1990 г. в конце концов родилась специальная кафедра — социология журналистики. И здесь особенно важны контакты нашего факультета и, конечно, Евгения Павловича с Борисом Андреевичем Грушиным, тогда уже очень известным социологом, который помог нам начать наши собственные социологические исследования. Прежде всего это исследования в 1969—1970 гг. в Шацком районе Рязанской области, где изучалось функционирование массовых коммуникаций на районном уровне и перспектив их развития. Это было очень интересное и плодотворное поле исследования. Результаты его освещены в книге, ответственным редактором и одним из авторов которой выступил Евгений Павлович, — «Рабочая газета в системе журналистики» (М., 1977). Оно позволило многим нашим молодым тогда ученым, аспирантам Евгения Павловича и Бориса Андреевича, защитить кандидатские диссертации. [Среди участников этого исследования — и теперешние «старейшины» кафедры социология, и работающая на другой кафедре факультета Лунка Григорьевна Святич, а также Марина Георгиевна Смирнова, и очень рано ушедшие из жизни Георгий Михайлович Пшеничный и Валерий Георгиевич Сесюкин.]

Мы, в первую очередь силами лаборатории по комплексному изучению функционирования печати, радио и телевидения под руководством Евгения Павловича, проводили и другие масштабные исследования. Например, аудитория «Литературной газеты» [этой работе посвящена книга, которая так и названа — «Литературная газета» и ее аудитория» (М., 1978)]. Евгений Павлович был одним из самых активных инициаторов развития таких исследований, продемонстрировал способность принимать достаточно смелые решения. Много внимания он уделял теоретическим вопросам социологии журналистики. [Под его деятельным руководством была издана одна из первых в Советском Союзе коллективных монографий о новом тогда для нашей страны исследовательском направлении — «Социология журналистики» (М., 1981).]

Успешно сотрудничая с Борисом Андреевичем Грушиным, Евгений Павлович одновременно вел с ним и очень содержательные дискуссии. [Один из принципиальных тем их споров — понятие о «массовом сознании». Об их «старых» разногласиях по этому вопросу Е.П. писал и в своей относительно недавней книге «Журналист и массовое сознание. Понимать сущность, уметь взаимодействовать, изучать реалии» (М., 2007). Насколько важным это понятие оставалось для Е.П., показывает и его выступление на межкафедральном семинаре «Проблемы терминологии», состоявшемся на факультете журналистики МГУ в апреле 2011 г. Он тогда предложил различать понятия «коммуникация», «медиа» и «журналистика» именно в связи с фундаментальными представлениями о массовом сознании. По его мнению, журналистику отличает задача формирования массового сознания с помощью всего разнообразия составляющих ее материалов (от рекламы до текстов на политические и исторические темы), способных и призванных дать человеку ориентацию в мире. Поэтому Е.П. настаивал на необходимости для развития теории журналистики углубиться в изучение массового сознания.]

Я напомню, что кафедра социологии немногочисленна, и тем не менее она сумела многого достичь в очень значительной степени благодаря творческой энергии и организаторским усилиям Евгения Павловича. Он умел ставить новые вопросы, искал сам и просил коллег искать на них ответы. Это приводило к созданию новых проектов, многие из которых до сих пор не завершены. Я думаю, мы их завершим, но без Евгения Павловича это будет сложнее, чем когда он руководил кафедрой, потому что он хорошо знал свои кадры и представлял возможности каждого исследователя.

Вообще, мне кажется, что заведующим кафедрой Евгений Павлович был очень хорошим. И достаточно лояльным к сотрудникам. Его отличало то, что он всегда любил молодые кадры, любил их выдвигать и очень активно поддерживал. И всегда старался добиться равномерности, непрерывности и, конечно, результативности в исследовательской работе кафедры. Чтобы никто не сбавлял темп, чтобы все получали полноценные результаты.

Как и у всех, у него не обходилось без конфликтных ситуаций, но они были связаны с обычными для кафедр проблемами. Часто так происходит: кто-то, написав хорошую работу, считает, что этого хватит на большой промежуток времени. Здесь иногда и возникают трения с заведующим. Я всегда его поддерживал в том, что нужно быть требовательным и вместе с тем уважительно относиться к своим коллегам. Уважение он всегда проявлял, и все здесь было в порядке. Он был принципиален и последователен. Как любой руководитель, Евгений Павлович должен был стремиться к тому, чтобы все работало максимально интенсивно. Главное, мне кажется, что требования Евгения Павловича помогали его и молодым, и уже не очень молодым сотрудницам развиваться как ученым. И диалог с Евгением Павловичем как заведующим — на кафедре, и не только — можно было вести. Общий язык с ним найти было просто, потому что он был человеком, преданным делу. Это обеспечивало разумное и человеческое отношение к подчиненным, а при необходимости он всегда проявлял готовность помочь. Благодаря этому Евгений Павлович сумел добиться успешной, стабильной и слаженной работы кафедры на протяжении более чем двух десятков лет.

— Якоб Николаевич, а что Евгению Павловичу как специалистству в области теории и социологии журналистики, сформированному еще в советские годы, давали новые исторические реалии — перестройка, постперестроечные времена, новые трансформации в сфере СМИ и вообще в сфере коммуникаций?

— Перестройка сняла многие ненужные запреты, регламентацию, «вертикальные» подходы и развила научную мысль. Все это было снято перестройкой, которая позволила увидеть нашу систему коммуникаций в истинном свете, по крайней мере, позволила к этому ближе подойти. Я думаю, как теоретик и социолог Евгений Павлович от перестройки получил очень многое, потому что перестройка снимала со всех нас шторы с глаз и пути с рук. И видеть стали лучше, и работать стали лучше, а главное — смелее. Это была смелость людей, у которых есть свои идеи и идеалы.

Выступления Михаила Сергеевича Горбачева были для меня и, насколько знаю, для Евгения Павловича очень важным фактором развития свободы мысли, а соответственно и теоретической

мысли в сфере журналистики. Что ж тут делать, если раньше нам нередко приходилось рассматривать журналистику с позиций директивных документов ЦК КПСС. Там, конечно, были умные люди, в том числе наши выпускники, но... Перестройка заставила нас пересмотреть многие исследовательские подходы, исправить слабые места в нашей работе. И Евгений Павлович сумел реализовать шанс, данный всем нам перестройкой. Он очень многое переосмыслил и очень серьезно переработал свои собственные теоретические положения. И обратился к решению новых проблем, которые порождает новая реальность. Об этом говорят его публикации последних лет. [Среди множества тем, которые Е.П. стал активно разрабатывать в последние десятилетия, очевидно, стоит выделить концепцию «партнерства» между СМИ и их аудиторией, необходимого для формирования гражданского общества в России, темы гуманизма и «режима диалога» как непреходящих основ журналистского мышления в XXI в. Его отличала широкая постановка деонтологической проблематики в связи с поиском новых исследовательских подходов в современной теории и социологии журналистики.]

Сегодня мир сильно изменился и самым сложным. Он стал более богатым — в смысле технологий, возможностей. Полицентричным в области коммуникации, коммуникационной среды. СМИ трансформируются, возникают новые типы коммуникации. Появились новые возможности развития общественного сознания. И здесь требуются новые, очень серьезные усилия для анализа всех этих процессов, особая сила и смелость мысли. Исследователем предстоит многое сделать, и наследие Евгения Павловича в этом отношении весьма значимо. Еще и потому, что он был из тех, кто никогда, даже в очень непростые времена, не дорожил догмами и стремился творчески развивать теорию журналистики. А сегодня — гигантские возможности для исследований. Но нужны концептуальные подходы. Без них мы не освободимся от пут любительщины. Нужна организующая идея и в изучении социальных сетей. Здесь не хватает Евгения Павловича.

— И в завершение, если можно, два слова о Вашем личном, частном общении с Евгением Павловичем. Что Вам особенно запомнилось в этом отношении?

— Приватное общение с Евгением Павловичем было всегда приятно. Запомнилось, как в молодости он любил садить в командировки, общаться с коллегам из других городов, республик Союза, обсуждать разные теоретические проблемы. И всегда возил с собой чай. Выбирал разные его сорта, смешивал, составлял собственные рецепты, и очень хорошо заваривал. Умел наслаждаться чаепитием. Хотя, я думаю, больше всего он наслаждался жизнью, когда занимался своими теоретическими размышлениями... Он бывал очень трогателен. Очень внимателен, заботлив в отношении и своих сотрудников, и семьи... Вообще Евгений Павлович был прекрасным учителем, исследователем и человеком — человеком слова, человеком идеи.

С РАБОЧЕГО СТОЛА Е.П. ПРОХОРОВА

Наброски и материалы к новой книге

«Свобода СМИ и журналистской деятельности

(теоретические основы и практическая реализация)»

Н а рабочем столе в компьютере Евгения Павловича сохранилась папка с файлами, датированными осенью 2011 г.: они создавались незадолго до его госпитализации 9 ноября. Здесь можно обнаружить самые разные материалы. Это и принадлежащие перу самого Евгения Павловича тексты, среди которых и оригиналы уже ранее напечатанных его статей и/или фрагментов монографий, и только рождённости, иногда содержащие следы текущей правки черновые наброски. Это и воспроизведения, часто сканированные (Евгений Павлович, несмотря на возраст, очень успешно освоил возможности современной техники), «чуждым» высклывавший по теме. Наконец-то все их и объединяет. Все они так или иначе показывают, что в последнее время Евгений Павлович сконцентрировал внимание на одной из чрезвычайно актуальных сегодня и одновременно вечных для человечества тем – теме Свободы. И конечно, для него как теоретика журналистики главными в связи с этой темой должны были стать проблемы свободы СМИ и журналистской деятельности.

Симптоматичен ответ Евгения Павловича на вопрос «О чем Вы размышляете сегодня?» в одном из последних данных им интервью. Судя по записи С.С. Распицовой в книге «Беседы с Учителем» (М., 2012), в этом ответе прозвучал своего рода лозунг запланированной им книги: «Я размышляю о свободе. Есть стремление углубить представления о свободе, проникнуть в историю вопроса, в детали – с позиций новых реалий. Можно говорить о свободе как о "снятии необходимости", но как "снятие" ее? Интересно понять, как разные социальные группы это делают. Как возникает плюрализм? Как договариваться по поводу

свободы? <...> Как соотносятся свобода и наши потребности? Какие из них наиболее полно сегодня актуализированы? Только физиологические потребности? Как "работают" другие потребности: социально-политические, нравственно-этические, духовные? Как с ними быть? <...>

В этом разделе «Книги памяти профессора Е.П. Прохорова» печатаются некоторые материалы из данной папки – набросок плана научно-исследовательской работы Евгения Павловича на 2012 год и начальные страницы его новой книги «Свобода СМИ и журналистской деятельности (теоретические основы и практическая реализация)» – «Несколько предварительных замечаний». Кроме того, вниманию читателей предлагаются оригинальные (статьи, иногда имеющие небольшие разночтения с выданными) тексты трех уже опубликованных статей, которые Евгений Павлович, очевидно, собирался использовать в задуманной книге. Записи на одной из страниц файла «Свобода СМИ...» свидетельствуют о том, что автор, видимо, планировал дать в книге и содержательную библиографию по теме, указав источники, в которых увидели свет первые версии его статей¹.

Все материалы публикуются в сохранившемся в компьютере Евгения Павловича редакции. Правда, к тексту «Несколько предварительных замечаний» даны два, на наш взгляд, важных комментария.

И.Е. Прохорова

Наметки на 2012 год

1. Работа над рукописью книги «Свобода СМИ и журналистской деятельности»

(Теоретические основы и практическая реализация)

Предполагаемые составные части:

– Развитие теории (теоретических представлений о свободе СМИ и журналистской деятельности) в европейской и американской традиции

¹ См., например: Обсуждение проблем свободы печати в России во второй половине XIX века // Вост. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2003. – № 4. – С. 90–100.

- Разработка проблемы в России второй половины XIX в.
- Понимание и использование законов (принципов) свободы в современных СМИ (по результатам опроса!).
- Достижения и проблемы...

Подготовка документов опроса журналистов – по особому плану.

2. Подготовка и издание нового варианта сборника документов «Право в журналистике» (название подлежаем уточнению)

СВОБОДА СМИ И ЖУРНАЛИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

(теоретические основы и критическая реализация)

Несколько предварительных замечаний

Проблемы свободы вообще и применительно к журналистике обсуждаются столетия. При этом, представляется, сложилось три группы, три кластера представлений. Первый – общая теория свободы социально-философского характера. Второй – концептуальные разработки идей свободы применительно к журналистике (включая проблемы ответственности, цензуры, отношений участников медиакомплексов и т.д. по всему спектру положения журналистики в обществе и форм журналистской деятельности). Третий – формы осознания и реализации требований свободы различными субъектами, включенными в журналистскую деятельность, от владельцев и топ-менеджеров до «рядовых» работников СМИ самых разных направлений. Притом связи между этими кластерами оказываются сложными: необходимость органичных взаимопереходов обнаруживается с большим трудом. Если теоретики журналистики, занимаясь проблемой свободы, еще как-то, хотя бы частично, учитывают общесоциологические разработки, то относительно самосознания представителей медиаобщества и

их практической реализации в журналистской деятельности возникает множество вопросов.

На встрече в декабре 2010 г. с руководителями трех федеральных телеканалов Президент Медведев вряд ли случайно обратился к этой теме. Кажется, соответствующий фрагмент полезно привести целиком. [Далее следует вставка — скан отрывка из публикации беседы Д.А. Медведева с руководителями трех федеральных российских телеканалов, с типичной для методики работы Е.П. с любым текстом его точной датировкой «от руки» в верхней части страницы. Правда, удивляет, что не указан сам сканированный источник, ведь Е.П. известен своей точностью, в том числе и при цитировании. Кстати, по не совсем понятной для нас причине (если не считать таковой «черновой» характер наброска) отсылки и даже датировки приведенных высказываний отсутствуют и в отношении других упоминаемых Е.П. авторов.]

Дмитрий Медведев: "Мне бы хотелось, для того чтобы именно вас оставить, пообщаться друг с другом, мне вопрос задать. Вы знаете, на такой теме довольно разнонаправленной, потому что в центре и то, как обдумывается в интернете ситуация в среде массовой информации. Не так давно прокуратура целый ряд уприсов в адрес интернетных СМИ и передала много писем в том, что они фиксируют информацию, в том, что они не дают права, в том, что у них есть специальные ресурсы о том, что показывать, что не показывать. А из-за этого, несмотря на то, что у нас провозглашено демократия и открытость его действительно интересно, полностью никто убогих не показывает того, что должны показывать, — стало быть, нет свободы слова. Есть что сказать на эту тему?"

Владимир Крутицкий: "И на этот вопрос может ответить каждый, кто работает в СМИ, индивидуально. Я как работник СМИ могу Вам сказать, что в России был свободен, когда работал в СМИ: в не телевидении, в кино и работа в радио "Свобода", в кино был свободен, могу сказать, у американцев не забывают, там строго все идет".

Дмитрий Медведев: "А в "Твиттере" был ли вы свободен?"

Владимир Крутицкий: "Да, конечно, в "Твиттере" совсем другая обстановка. Что не касается вопроса — Вы знаете, есть редакционная политика, и, безусловно, эта редакционная политика может обдуматься. Но это не вопрос свободы. Потому что делать телевидение, делать творчество, быть в социальных сетях, рассказы могут только свободные люди. То есть в смысле, что, конечно, есть свобода, об этом, конечно, можно судить каждому, но без свободы не могли бы быть такого телевидения, которое есть у нас".

Константин Зюст: "Дмитрий Анатольевич, в смысле, что свобода не телевидения ограничена. Она ограничена законом. Она ограничена представлением о морали и нравственности, ограничена сотрудничеством с властью, ограничена сотрудничеством с общественной структурой. Она ограничена субъективностью людей — не только нас, руководителей каналов, в огромного количества людей, которые делают телевидение. И конечно характер прессы, но там не много телевидения, которое не ограничено

диктатурой, не ограничено цензурой, и в этом плане я думаю, что современная российская телевидение ничем не отличается по степени ограниченной свободы от телевидения крупнейших демократических стран».

Слава Добрыденко: «Я думаю, что уровень свободы всегда соответствует уровню, тому историческому периоду, который переживает страна. Я считаю, что сейчас один из самых высоких уровней свободы за всю историю нашего телевидения. И мне в общем есть с тем сравнить. Я работал на советском телевидении, работал на НТВ, которое сейчас возглавляет Владимир Михайлович Кузнецов, в 90-е годы. Сейчас телевидение крупнейшей государственной компании, Уолтс, просто в качестве такого примера, в конце первого десятилетия 90-х годов, когда Геннадий Андреевич Лозанов, он не дал сказать, годков он мог появиться на телевидении».

Валера Дюков: «Три года назад, когда мы пришли в Россию канал "Евроньюс", потом появился канал "Россия-24", это все трансформации канала. После Вильяма реинжиниринг через два-три года в России будет 20 телеканальных каналов. Это совершенно иной уровень свободы. Поэтому я говорю, свобода – она соответствует уровню и тому периоду, который переживает страна».

Два наших зрителя в студии, что, честно говоря (она все читала, что сказать и как поступит – оценивает телевидение), многие считают, если не большинство, аполитичными. Потому что зачастую это телеканалный труд многих людей, и свободы бывает меньше за тем, кто в этот момент находится в горячих точках, а потом и обеспечивает всю профессиональную вышнюю информацию?».

Дмитрий Медведев: «Ты в нас спрашивал на такую дискуссии – как сказать, это вообще – в теме для слова сказать. На мой взгляд, право, конечно, на все, и в то же время это наша вечная авторская позиция. Оценки свободы действительно у каждого индивидуальными, и это абсолютно нормально. Свои каналы должны давать приоритеты, что важно, что менее важно. Потому что иногда в слуху уровень потому они не показывают вот это сразу же? Это вопрос редакционной политики, что там можно более правдиво. Но повсюду два, термин повсюду событий, если он в точности, достоверно, точно формируется, он, конечно, не должен иметь драматического разрыва с Историей, с другими средствами массовой информации. На мой взгляд, именно так это должно и выглядеть?».

На встрече же с писателями в сентябре 2011 г. премьер Путин, услышав от Т. Устиновой: «...нищем, собственно говоря, абсолютно все, что хотим», – отреагировал так: «Пусть у нас всех будет максимальная свобода, но давайте при этом никогда не забывать про совесть».

Тем временем Берл Лазар, главный раввин России, напоминая историю рабства евреев в Египте, пишет о современности: «Человек может быть рабом вредных пристрастий, ошибочных идей, он может быть рабом алкоголя, азартных игр, агрессивной рекламы... Все это рабство сегодняшнего дня, несвобода внутренняя, порождение общества потребления и промышленности мозгов». И призывает к обретению «внутренней свободы». А для христиан много веков звучит максим: «Познайте истину и свободны будете».

Страсти по свободе не утихают, и если какие-то знания о свободе все же есть, то путь к реальному освоению ее требований и тем более практически свободному поведению труден и долг. Но поскольку свобода слова — основа всех свобод, то шаг за шагом, ошибаясь и сбиваясь с дороги, падая в бедную несвободу, человек и человечество обречены подниматься к сияющим вершинам полнокровной свободной жизни.

И если в этой книжке удастся сделать шагок в верном направлении и помочь кому-то из медиаобщества тоже шагнуть вперед, автор может быть удовлетворен.

А чтобы теоретические и практические вопросы свободы СМИ были представлены более или менее системно, предлагается следующая структура [на этих словах, тоже весьма характерных для Е.П. как исследователя, всегда тяготеющего к системному мышлению и четко структурированному знанию, рукопись обрывается].

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМ СВОБОДЫ ПЕЧАТИ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

*По дороге, озаглавленной борющимися ар-
миями, из которых одна борется за слишком
большую свободу, а другая — за слишком
широкие полномочия власти, трудно пройти
непродвинуто.*

T. Debs

*Дерево свободы должно время от времени
срезаться кровью патриотов и тиранов.*

T. Джефферсон

Проблема свободы печати волнует общество на протяжении веков. В своем послании по поводу Дня свободы печати в 2000 г. Генеральный секретарь ООН подчеркнул известную мысль о том, что свобода печати — основа реализации всех других свобод, а при ее отсутствии возникает угроза самой демократии. Вопрос только в том, что понимать везременически

под «свободой печати» в социально-содержательном смысле¹ и как адекватно реализовать ее юридически. При этом нельзя не согласиться с тезисом М. Баглая, что «и теории свободе повезло несравненно больше, чем на практике»². Неслучайно же понятие «free thinking» на русский переводится двойко – как «свободомыслие» и «вольнодумство». Вольнодумства по поводу свободы СМИ в нашей журналистской прессе предостаточно. И при этом, представляется, у борцов за свободу явно не хватает теоретической основательности, истинного «свободомыслия», тогда как «литература вопроса» по этой проблеме огромна. В том числе и российской.

В частности, в России сразу после введения «Временных правил по цензуре» (1862) и дополнений к ним (1865), отменивших для некоторых видов прессы предварительную цензуру, началось широкое обсуждение проблем свободы прессы.

В связи с этим хотелось бы обратиться только к трем книгам. Первая – вышедшая тремя изданиями (1869–1872) работа В.В. Берин (писавшего под псевдонимом Н. Флеровский) «Свобода речи, терпимость и права законы о печати» (3-е изд. СПб., 1872), как бы задававшая тон либерально-демократическому обсуждению содержательных проблем свободы печати. Две другие, вошедшие публикации из периодических изданий, принадлежат публицистам либерально-консервативного направления. Это сборник статей А.Д. Градовского «О свободе русской печати» (СПб., 1905), опубликованных преимущественно в газете «Полос» в 1869–1883 гг. Книга вошла только во второе посмертное издание 1905 г. (автор умер в 1889 г.) – до того ни одна из публикаций сборника на указанные темы не смогла попасть в его девятитомное собрание сочинений (1899–1904). И книга К.К. Арсеньева «Законодательство о печати» (СПб., 1903), вошедшая избранные отрывки его статей из «Вестника Европы» и комментарии к ним. В ней отслеживалось движение нормативных актов правительства и характер их применения, а

¹ Э. Фромм заметил: «Мы забываем, что проблема свободы является не только количественной, но и качественной» (Фромм Э. Бегство от свободы. – М., 1985. – С. 96).

² Баглай М.В. Дорога к свободе. История свободы в истории политической мысли. – М., 1999. – С. 318.

некоторые «вкрапления» касались содержательных моментов проблемы свободы прессы. Стоит обратиться и к их оппоненту — П.М. Д-гу, выступавшему с брошюрой «*К вопросу о свободе печати*» (М., 1881).

В.В. Беран-Флеровский (известный публицист), А.Д. Градовский (профессор Петербургского университета), К.К. Арсеньев (адвокат, публицист и общественный деятель, почетный академик АИ) — юристы по образованию. Казалось бы, «воле» их суждений должно было бы быть преимущественно юридическим. Однако, будучи активно действующими публицистами, они обсуждали юридические вопросы с социально-политической точки зрения на характер и роль прессы, ее сущностное, согласно с ее природой значение в общественной жизни, что и должно, с их точки зрения, определять юридическую фиксацию норм журналистской деятельности. Это представляется чрезвычайно важным. В том числе и для нашего времени.

Рядуместся, в трех книгах не было ничего явно антимонархического — наоборот, они исходили из идеи укрепления Российского государства без коренных изменений характера правления. Но, с их точки зрения, положение прессы и характер ее деятельности должны быть иными. В процессе «нормального» развития Российского государства и общества пресса призвана отстаивать «всеобщий интерес» относительно внутренних и внешних проблем, должна играть важнейшую роль, служить делу просвещения народа, активно взаимодействовать с общественным мнением, открыто обсуждать практические вопросы жизни и бороться со всем, что мешает развитию страны, не впадая при этом ни в «мечтания», ни в грубый консерватизм.

Градовский осмелился написать даже так: «*Когда человек властномысленно строит социалистическую утопию, самый реалистичный "практик" пребывает к этому безучастным, потому что он может сказать себе: "и кто его знает, может быть, тысячи через полторы лет мар, в самом деле, будет социалистическим!" Но совершенно иное дело — сказать, что в таком-то ведомстве слишком много "причастных" или "госмоющих в распоряжении" или что едва ли такое-то учреждение принесит подлежащую пользу. В этом случае вы*

имеете дело с сатнями самонаблюд и, что еще важнее, с сатнями материальными интересами, мы должны воспринимать тотчас же, а не через полтора тысячелетия <...>. Право печати обсуждать вопросы дня, вопросы будничные гораздо важнее при разных аллегориях напечатать по утону. И оно — то именно требует серьезной юридической обстановки в интересах как печати, так и правительств»².

При этом все три автора хорошо знали и историю прессы на Западе, и различные подходы к идее «свободы печати», и характер ее реализации в Англии и США, во Франции эпохи Великой революции, Наполеона I, Франции времен Реставрации, Наполеона III, в Швеции, Испании, Германии, Голландии, даже Индии, Турции, Китае. Либеральный взгляд на место журналистики в обществе отставался исходя из того, что закон должен быть «правильным», «справедливым», — и это представляется весьма важным.

Начиная статью, Бэри-Флеровский пишет: «Сочинение это написано не для какой-нибудь смерти или части общества, оно написано для всех. Свобода речи одинаково выгодна для всех <...>. Идея свободной слова, несмотря на свою общезначимость, понимается, однако же, очень трудно <...>. Автор старался устранить эти сомнения по возможности. Здесь упомянуты в соображении та медлительность и неуверенность в себе, которая характеризует многих современников на настоящей ступени их развития, та приращенная, часто чрезмерная, осторожность, которая защищает нас от ошибок слишком смелых людей, но зато же сделала наше развитие медленным и трудным до болезненного» (IX). И утверждает: «...все, что может сделать свобода, состоит в том, что она распространяет идеи в более зрелом виде, при стесненном же они принимают характер непрактически возмужелых мечтаний, и различные государства делаются болезненными и сопровождаются потрясениями» (X).

В том же 1869 г. Градовский так характеризует состояние освобожденной от предварительной цензуры прессы: «Да, следует заметить, что печать наша вышла из подневольного

² Градовский А.Д. О свободе русской печати. — СПб., 1945. — С. 39 (далее страницами книг названных авторов указываются в тексте в скобках сразу после цитаты).

своего существования далеко не с одними добродетельными. Именно эта подлинность бросала вперед в "мдамы" «...» что преступно, лютя и не лютя, и дружит и посылит и "диффамации", а клевету, а скандал, — что совсем уж лютя «...». Это — «закононый вред "аремитных правил 1865 года" и подвешиват к ним добовлетний». «Система административной ответственности уже дала свой вредный вред. Физически она не убивала печати; но она ее деморализовала. Она преступно заставляла всякую серьезную разработку вытеснить и ограничить вопросы; но под ее крылом вверх ласкала, развился скандал, придумывались слухи, разрослась площадная брава и процветала промозглость "накопленной мулы"» (114).

И вывод Градовского, в целом общий для всех цитированных авторов: «Великая доля расстворения должна быть выхрена и выправлена из нашей печати, крикоматной пыле к лучшей доле. Призываем ее в разработке насущных, практических вопросов — первой шаг на этом пути. Но дело не будет довершено без закона: умолочных законов, крикоматных беспристрастными и сильном судом. В этом мире спасение» (114). А Берни-Флеровский ставит акцент на актуальной «необходимости точности законов о печати» (XII). Идея справедливого законодательства и независимого суда рефреном проходит во всем трех книгах. Так формируется совокупность представлений, которые должны лечь в основание законодательства и отправления правосудия.

Первое — это отмена «вольарийского вклада» на печать, суть которого — административное внесудебное преследование изданий «среднего направления», что Берни-Флеровский называет «репрессивной системой» (155). Под репрессии подпадает обсуждение проблем собственности, семьи, кредитных учений, несовершенства существующего порядка, возбуждение ненависти и презрения между частями населения и сословиями, а также оскорбления, клеветы, унижение чести и достоинства известных персон. И все выступает против кощениции «среднего направления» как неопределенной юридической нормы как произвольного основания для репрессий.

Градовский пронически выстраивает такой диалог: «Человек этот имеет среднее направление». Что же он сделал? "Он ничего не сделал". Как что же?" Но он, очевидно, одобрят дурные поступки и правдебно относится к благим действиям проти-

мельства»». В этих условиях редактор, «естественно, должен искать меру дозволенного и недозволенного не в законе, а в настроении того ведомства, от которого зависит судьба издания». Редактор сам должен стать своим цензором и предугадывать, чего требуют «административные соображения». Причем результаты этих «соображений» и основанное на них решение цензуры «объявляется уже после того, как трагедия совершена, и при этом объявляется она не в форме настоятеля, а в форме предостережения в альбомный» (84–85). Но если поначалу они как-то аргументировались, то затем санкции выносились без всяких объяснений: «Мы видели, как предостережения первоначально мотивировались весьма пространно; как потом мотивы суживались и, наконец, дошли до простого указания на номер и статью, выходящую эту меру» (100).

Но это тогда, когда «вредные идеи» высказываются прямо. Однако, пишет Градовский, «вредные направления» проводятся не одними возможными средствами — для такого приема нужно только некоторые умения формулировать свои идеи. И журналисты способны «создать наметками, которые имеют всю прелесть недосказанности, указывая на туманные, но востановительные выводы и в то же время на некоторый логический вывод. Как вы думаете, который из двух приемов опаснее для порядка?» (54–55).

Результатом административного преследования «за направление», как это ни странно, является ситуация в пользу «вредных». Градовский: «Как только начинается такое преследование, тотчас все мнения, господствующие в литературе, разделяются на две категории: преследуемых и непреследуемых. Непреследуемые немедленно возводятся преследуемыми на степень покровительстваемых. И тогда вот что происходит: если «покровительстваемые» высказывают свое убеждение, самое искреннее, «враги» тотчас говорят, что они поддакивают, рождают, и кредит этого мнения подвран в массе. Если они хотят опровергнуть неправые мнения «вредных», вредные объявляют их донощиками, шпионами — и сражение почти выиграно <...>. Таким образом, вместо преследования выходит прикрытие, и принципия охрана, благодаря которой общество живет в миру малое <...>» (55).

Разумеется, эта теоретико-юридическая конструкция неточно отражает реальную ситуацию в журналистике (и в смысле реальной судьбы «преследуемых» изданий, и в смысле оценки распространяемого ими «чада намеков»). Но суть дела изложена верно.

Второе. Эти известия против властей и их врагов понадобились для развития Градовским либеральной идеи свободы печати, при которой пресса способна «работать над практическими вопросами», тогда как при ее отсутствии неизбежно бы «спутнистковала в области фактальной» (23).

Поэтому, утверждает Берни-Флеровский, «в странах со свободной речью вовсе не боится народных волнений, а способность смотреть на них более или менее равнодушно дает возможность своевременно удовлетворять народным потребностям» (33).

Широко-знакомые с «государственным бытом» европейских стран, оба публициста «реалистически» смотрели на его возможное устройство в России. Они в своей защите свободы печати отвергают постулат, «что, — как писал Берни-Флеровский, — для неограниченной монархии цензура необходима и что без цензуры она неизбежно должна пасть» (135), исходя из идеи, что монархия при естественном развитии способна «к дальнейшему постепенному развитию с помощью свободы слова», — в том случае, если бы государи были представителями «всей земли» и «держали бы в душе народом, потому что великие прессы были бы на них самым сильным, чтобы не дать им мысли направленной, не согласованно с течением общественного мнения» (137–138, 183).

Третье. Этот тезис, основанный на шаткой концепции «привилегированной монархии», понадобился, чтобы Берни-Флеровский мог обосновать и отстаивать идею «народной прессы» (51). Эта идея развивалась по ряду направлений (хотя, впрочем, понятие «народ» определено не было). Исходным для характеристики прессы как социального института было общее определение: «Печать, по Градовскому, по своему своему положению, не может иметь других радостей и горестей, кроме радости и горя своей страны» (146). И, разумеется, писал Берни-Флеровский: «Печать нужна не для распространения лжи, а для распространения правды» (164).

Четвертое. При этом публицисты ясно отдают себе отчет в том, что «народной» пресса может быть только при условии ее широкого участия и просвещения народа. Берин-Флоровский мечтает о такой обстановке страны, «где речь пользовалась бы безудельной свободой и мысль шло бы все средства к развитию народа» (90). Свобода слова дает политическим идеям и чувствам «практическую осязаемость и применимость к народным потребностям, она заставляет народ серьезно смотреть на свою жизнь, располагает его к умственным и нравственным напряжениям, порождает в нем мужество и патриотизм» (19). А возбуждающие народ мечтательные «утопии» могут витать «только там, где ум народный не может приобрести солидного запаса по причинам цензурных стеснений и литературной маргинальности» (17).

Пятое. Преследование «направлений» как раз и не позволяет развивать и закалять народный ум. Поэтому, по мысли Градовского, «если направление не есть "костюм", то, очевидно, оно есть не что иное, как "образ мыслей"» (91). А если преследуются образ мыслей, то это реально означает, «что в России должны существовать журналы только одного образа мыслей, призываемого полезным» (91). Отношение к иному «образу мыслей» в лучшем случае лукаво рассматривается властью как «преждевременность» (93—94) даже пусть верных идей и предложений. Но это, продолжает Градовский, «неударазумнее»: такие подходы «возбуждают в обществе недовольство существующим» (94), а тем самым заглушают «чувство жизни» и порождают «ту черную меланхолию», которой мы страдаем столько лет» (95). Ведь «теорией "преждевременности" можно уничтожить, задумать то, что есть в печати лучшего и полезнейшего для страны — ее идеальный элемент, благодаря которому она вносит в общество новые понятия, выражает и формулирует нарождающиеся общественные стремления, объединяет их, критикует и, как бы образно, дает власти возможность в свое время осуществлять то, что признано разумным и полезным» (94).

Шестое. Осуждая «теорию» преждевременности и повсюду-временности, Градовский настаивает на том, что свободная печать есть средство «спасения общества от лжи и пре-

ний» (35) — и такой порядок «данускает глупую возможность легкой оппортунизма, того, что в Англии известно под названием "оппортунизма не величия"», и эта «возможность» предпринимается в **необходимость**» (43). Говоря современным языком, речь о так называемом умеренном плюрализме, вполне логичном, и реализация его делает прессу «четвертой властью» — аналитиком и критиком от имени общества.

Арсеньев исходя из желательности «свободного выбора между самыми разными направлениями» писал: «Вместо того, чтобы бороться против литературной пропаганды известного умения, гораздо полезнее возможно обратить внимание на условия, его вызывающие и содействующие его распространению» (83). И даже после 1881 г. считал, что «вместе с чужим языком, приспосабливая за ними право на существование, умение различать теоретическое отрицание от реальной борьбы, различие — от вражды или мести, ослепление — от ослепления: вот условия, без которых нельзя не только защищать, но и понимать свободу печати» (124).

Седьмое. Арсеньев, рассматривая отношения «власть — пресса», считал, что, «прислушиваясь к голосу печати, правительство прислушивается к голосу общества» (115).

Берн-Флеровский свое видение отношений властей и народа изложил так: «Пресса должна быть для государственного человека не спутником, а проводником, по которому он судит о возможности и невозможности известных мер. Она указывает ему, чего можно ожидать от народа и к чему он неспособен, когда выгодно отступить на второй план и когда наступил момент для деятельности» (103).

И если сейчас, пишет Градовский, «печать получает возможность говорить о законе тогда, когда он уже приводится в действие», то необходимость заключается в том, «чтобы все происходящее в ней [стране] — закончилось законом, предположимые меры <...>» стало предметом обсуждения в прессе (165).

Восьмое. Следовательно, явления общественной жизни необходимо становится, по характеристике Градовского, «средством общего обсуждения, всякий спор и толчок» (167). По Арсеньеву, нужна «гражданская волеяния», и в этом необходима «солидарность между всеми органами печати» (115).

Беран-Флеровский конкретизирует: «Если бы у нас в сороковых годах существовала свобода речи, возможно ли было бы ставропольская катастрофа <...>. Если вооруженные нашей армией в настоящее время не так дерзки, как в некоторые другие страны, то что же этому причиной, если не недостаток свободы слова? <...> Если бы Иттиген не был таким врагом свободного слова, то очень может быть, что он не полюбил бы; в последнее время все его генералы признавали его предвзятым и предвзятым безрассудством, но он был так упрям и так привык оставлять все как есть, что при таких обстоятельствах мог только погубить себя» (40–41). И еще один его вопрос: «Что было бы с Ангелом, если бы англичане не отстояли себя в деле о возможности порицания речью короля? Что бы это было, если бы против подкупленного парламента, против англичанских стран министр не был возбужден обществом прессы?» (94).

Поэтому «отсутствие обличительной литературы составляет политическую опасность» (190), плод произвола чиновничества и властей. «При свободе слова дело совсем другое. Хотя карикатура, клевета и насмешки, повелеваются в таком количестве, осуществляются, но, видимо, без всякого внимания в высших слоях общества, но это только во-видимому. Даже, например, такое лицо, как президент Соединенных Штатов, на которого она сыпается в самом большом числе, не в состоянии осуществлять их без внимания. Человек, которого каждый фальшивый шаг, каждый бездумный поступок может быть выставлен на позор, осмеян и изображен в карикатурах, находится в совершенно ином положении, чем тот, который не должен опасаться ничего подобного. Поэтому в странах со свободной речью, в Англии, Бельгии, Америке, человек, принадлежащий к высшим слоям общества, несравненно осторожнее, чем в странах слупой речи. Конечно, может быть, несправедливо носить на себе такую уду, но ...» (49).

Девятое. Плурализм прессы достаточно прочно связывался авторами с проблемой выражения и формирования общественного мнения. «Не достояние своего значения, преследованием и притеснением может вредить правительству различные личности и общественного мнения» (55). Характер понимания и реализации отношений «печать – общественное мнение» во все

время отражает характер понимания сущности народной прессы. В разных странах «говорят о господстве общественного мнения, — пишет Берни-Флеровский, — но общественным мнением считают воззрения какой-нибудь "Таймс", а то время, как истинные воззрения народа и провинций, разблуживающиеся в сетях мелких изданий, остаются совершенно неизвестными» (48). Арсеньев при этом предупреждал против стремления добиваться превалирования «покровительствуемой» прессы: «Искусственно созданный перевес дух-вред власти создает в свою очередь искусственное общественное мнение, служащее искусственной поддержкой господствующим стремлениям» (121).

Хотя и неясно, что понимается под «народным мнением», все же это не мнение элиты. По мысли Арсеньева, «недоверие к пчелыному слову это — недоверие к обществу, которого здесь, как и во многих других, нельзя видеть ни от народа» (123). Тому продолжает Градовский: «Сказать, что печатать как орган общественного мнения есть зло, нечто архаичное, противоположное, значит предполагать, что правительство управляет обществом против его воли, что и общество в свою очередь должно верить ему всеми силами» (13).

Десятые. Свобода печати, по их мнению, нужна не только ради выяснения и удовлетворения «всемирных» интересов и нужд со стороны прессы, но и для развития общественной активности. Не следует, полагает Градовский, правительству считать себя «благодетелем» народа — «другая народная воляница должна обеспечивать и думать условия народной самостоятельности» ради защиты прав человека, снижения тирот, распространения просвещения, формирования гражданского духа, гласного обсуждения законопроектов. А путь «благодетельствования» опасен, поскольку «слышит с народа всякое возмечение в своем деле и возбуждает в нем преувеличенные и несуществующие надежды на правительственную любезность» (158).

Одинадцатые. Поскольку, по мнению Берни-Флеровского, «народ только сам для себя может начертать путь самого быстрого и правильного развития» (149), а это возможно только в стране, «где речь пользовалась бы безусловной свободой и мысль имела бы все средства к развитию народа» (90). На

этого следует, что необходимо прямое участие народа в делах печати. С точки зрения Градовского, «свобода печати есть одна из величайших вещей [общественного] имущества и только в этом отношении она имеет смысл» (142).

Так исподволь (может быть, и невольно) проводится мысль о необходимости формирования гражданского общества в многообразии его составляющих и развития демократических основ жизни даже при монархическом строе.

Двенадцатое. В этой связи неслучайно возникает тема не только желательности, но и необходимости толерантности («терпимости» — это прозвучало уже в названии книги Берни-Флеровского) и диалога в стремлении к общественному согласию во имя общего блага. По Берни-Флеровскому, Робеспьера погубило презрение «к личным и частным расхождением с мим часовой нации» (105). При этом истинная сущность толерантности такова, что не допускает крайностей — «жалкой робости и обидчивости». Печать, если реализует требования толерантного плюрализма на гуманистической (146—147) основе, способна «оживить угнетенную жизнь народа» (152).

«При свободе слова на всякое направление можно наводить, но зато же всякое направление может себя защищать; общество привыкает справедливо смотреть на интересы каждого <...>. Общество, которое приобрело раз чувство справедливости, сохраняет его навсегда». А без свободы прессы чувство справедливости «никогда не развивается» — такова позиция Берни-Флеровского (175). С этим согласен и Градовский: «Когда я говорю и пишу, что мои слова будут услышаны всем обществом при посредстве печати, когда я знаю, что хотя мне и не удастся в данную минуту победить большинство, но все-таки моя мысль <...> существует в печати, что, следовательно, она живет в форме печатного слова — я буду говорить». Иначе нечем (36).

Тринадцатое. Результатом такой деятельности свободной прессы, говоря современным языком, является консолидация общества как результат толерантного диалога. Пресса в центре и в различных областях страны должна способствовать тому, по характеристике Берни-Флеровского, «чтобы в каждой местности люди научились самостоятельно думать, раз-

вместе свои местные интересы и приводить их в согласие с интересами страны» (137). И это в самых разных сферах жизни общества: «Везде, где водворяется свобода речи, а с тем вместе и возможность показать народам их интересы в надлежащем свете, религиозная и национальная вражда блекнет и исчезает» (64).

Четырнадцатое. Зная состояние прессы, видя возможные и реальные «злоупотребления» свободой слова, оба автора неоднократно заявляли о необходимости контроля — но не в виде государственной цензуры на основе «административного усмотрения». Социальные институты, по Градовскому, могут «действовать успешно только под контролем общества» (19), а для контроля над прессой нужна специальная организация, причем, по мнению Берин-Флеровского, «этим орган должен быть совершенно независим от министерства» (194—195), действуя на основе справедливого законодательства, а при обнаружении незаконных действий прессы обращаться в независимые судебные органы.

Более чем десятилетняя либеральная «атака» по поводу свободы прессы (а также и в других сферах жизни России) привела к тому, что при М.Т. Лорис-Меликове возникли некоторые послабления прессе. И, как писал Градовский, «это кратковременное фактическое облегчение печати стало называться основным ее "расширением"» (148).

Встревоженные сторонники жесткого отношения к прессе в условиях общественного возбуждения перешли в контратаку. Скрывшийся под именем «Д-нь П.М.» выступил в 1881 г. с брошюрой «К вопросу о свободе печати», обрушившись с резкими нападками на либерализм (угодливый им «смыслью») и на «свободу безответственности» в прессе, относительно которой нужна «систематизация» — «усильные старания и справедливое цензурное надзора», притом предварительного (14, 23—24).

После убийства Александра II и прихода на смену Лорис-Меликову Н.П. Игнатьева «однимысля распуцденность прекратилась», писал Градовский (148). В своей последней (1882) конведней в сборник статье Градовский предпринятые меры подверг резкой критике. Он настаивает: историю «развязывает,

что печатать не было злом и зло происходило не от печати» (155). И заключает: «Великим страшилом надолго и в каком-то осадном положении, в каком-то ожидании чего-то» (160). А несколько ранее, критикуя карательную политику в отношении к прессе, поставил как бы подводный итог своих размышлений вопрос: «Не время ли обратиться к иной системе, более согласной с пользой дела?» (101).

А в завершение своей книги Арсеньев, считавший, что свобода прессы — двигатель прогресса, охрана всякого права, «основой другой свободы», пишет: «Хочется верить, что приближается пора ее расцвета» (203). Это сказано в 1903 г. Как развивались концепция и практика свободной прессы — в целом известно, хотя и требуются дополнительные исследования.

..Разумеется, в обсуждении проблем свободы прессы в эти годы (1869—1883 и вплоть до 1903) участвовали так или иначе немало и других политиков и публицистов разных направлений. Однако, представляется, разработка вопроса публицистами разных направлений (но в целом придерживавшихся либеральной позиции), да еще в таких масштабах, заслуживает интереса. И не только исторического. Кажется, немало их тезисов актуальны и сейчас как теоретически, так и практически.

ЖУРНАЛ «ЖУРНАЛИСТ» О СВОБОДЕ СМИ

Едва ли не самая большая для журналистов проблема — это проблема свободы СМИ. В поворотные моменты истории, на рубеже веков, а ныне — и тысячелетий! — такие болезненные точки не могут не быть в центре внимания. Отслеживая тревожащее журналистское сообщество тенденции и стремясь разобраться в сути проблемы свободы СМИ, авторы и «гости» журнала «Журналист» в 2009 г. попытались сформулировать свои подходы и требования в этой связи.

Разумеется, не обошлось без деклараций. Минтимер Шаймиев: «Свобода слова — одно из составляющих свободы личности, свободы человека вообще» (№ 6). Справедливо заявлено,

по разъяснений не последовало, кроме согласия с тем, что надо прислушиваться к СМИ, заручиться их поддержкой ради объединения властями своих позиций. Маловато, а «допрашивать» интервьюер не стал. В других материалах возникает новые чеканные формулы. А. Сивомов, представляя книгу «Общественная экспертиза. Анатомия свободы слова», настаивает, что есть «три составляющих информационной свободы». Это «свобода доступа к информации, свобода производства этой информации и, наконец, свобода распространения информации» (№ 12). А как добиться? С. Кучер: «...свобода основывается прежде всего на независимости. А основа независимости – деньги. Поэтому действительно независимой может быть та структура, которая может себя обеспечить» (№ 11). Но иным подобных определений (и, кажется, справедливо) недостаточно. В. Челышев: «У нас нет и не может быть хозяев, кроме собственной совести. Из всех маленьких частных прав мы выбираем нетину, ибо только она нужна обществу. Из всех маленьких благ, которым нам предлагают послужить, мы можем служить лишь общественному благу, кто бы ни платил нам деньги» (№ 9).

Кто не согласится с каждым из этих частных суждений (врочем, претвующих на универсальность) по отдельности? Но не создается ли впечатление, что не хватает чего-то существенного, чтобы противоречивые суждения можно было свести в столь важную для всех общую характеристику свободы? Да еще учитывая при этом необходимость устранения отмеченных секретариатом СЖ угроз свободе СМИ (от отказа в предоставлении информации до итающей тени цензурного надзора, от давления властей и кавычала до преследовавшей и убийств неугодных).

А как быть с проявлениями «несвободы» в самой журналистской деятельности? Ведь прав И. Яковенко: «...пока в журналистском цехе востребованы доренки, леонтьевы, невозовы, – сама журналистика будет соавтором несвободы» (№ 5). И случайно ли в предпринятом И. Карпенко обзоре отражения в СМИ трагедий 2000 года (№ 10) отмечается, что на такую свободу, которую проявили в их освещении многие СМИ, смотрят с подвохом (в частности, отмечается высказывание Л. Новоженкова, что «у страны истек срок годности»).

Ведь свобода, понимаемая как оппонирование власти «во что бы то ни стало», и превращение СМИ в «зачотку» не просто оказываются лишь видимостью служения информированности общества. Все это раскалывает, раскачивает, «радирует» общество, вносит сумятицу в умы.

И лишь К. Ветров, председатель Комитета Госдумы по информационной политике и связи (№ 8), осторожно отметил необходимость баланса свободы для владельцев, свободы для журналистов, свободы аудитории на получение полной и объективной информации во благо людям и обществу при необходимости пресечения злоупотребления свободой и высокой ответственности за произнесенное. Но и в этом интервью не последовало «равнозначных» вопросов – о путях достижения такого баланса. Явно напрашивается вопрос: что же составляет основу желаемого триединства?

Между тем в программном «Дневнике» редактора уже заявлена необходимость информационного кодекса. А в ходе дискуссии о свободе (правда, пока не слишком артикулировано) звучит мысль, что действительно свободной деятельность СМИ может называться только тогда, когда она направлена на реализацию конституционного права граждан на получение полной и достоверной информации, создающей необходимой «адапс» информированности. Отсюда – адекватная ориентация в окружающем, устойчивая гражданская позиция, предопределяющая верные решения в самых разных областях жизни. *Свобода для СМИ – это все-таки средство, а не самоцель.* Но осознание этого дается с трудом. Более того, идея такого служения (а не услужения и/или манипулирования) многими просто не принимается. Поэтому очень важно, что в «Журналисте» такое понимание свободы – пусть подспудно и постепенно! – пробивает себе дорогу. Но, чтобы ему стать во главе угла при обсуждении проблемы свободы, нужны, кажется, дополнительные усилия...

Проблема свободы, разумеется, органически связана с идеей независимости. Это тоже одна из болевых точек, вызывающая разные суждения. От крайних (А. Зиновьев: «...говорить о каких-то независимых СМИ – полная бессмыслица») до отсылочных (как у В. Третьякова отсылка к В.И. Ленину: «Жить

в обществе и быть независимым от общества нельзя»). Но без разъяснений эта «вечная» формула остается абстракцией: ведь надо понять, желанность «от кого» и общество и «в чем» она проявляется.

Многие СМИ демонстрируют свою экономическую независимость от олигархов. Но дальше, когда речь заходит о волеизъявлении, начинается расхождение. П. Гусев (утверждающей экономической независимости «МК»): «...когда мне говорит: "Я независимый журналист", — я не верю». Старков же уточняет: «...действительно независимая газета» «АиФ» зависит только от читателей. В. Ловшак продолжает: «Пока что, что дистиллированной независимости нет. Конечно, любое издание зависит от множества факторов, а журналисты — прежде всего от политических взглядов главного редактора. Однако умный главный редактор понимает, что его издание никогда в жизни не будет покупаться, если читатель увидит, что оно одностороннее»...

Радногласница и неясности вызывают много вопросов, и случайно вдумчивая студентка-журналистка Л. Борисова, рассказав в обращении к главному редактору «Журналиста» письме о своих поисках, спросила дать «сводное» суждение о сути независимости. Г. Мальцев ответил студентке privately, а в журнале обратился к коллегам высказать свою точку зрения. Откликов пришло только даже один из Березников, другой из Вологды. А. Лучников из Березников хоть пишет длинно и поучительно, ничего не открыл да, нужна независимость от власти и от капитала, а действовать надо «сообразно собственным принципам». А. Соболев из Вологды вполне в духе времени противоречит с одной стороны, «журналистская независимость — миф», но, с другой — «подлинно независимый журналист — это хороший журналист».

Что же в «сухом остатке»? Независимость от давления власти и капитала — прекрасно, и добиваться этого необходимо. Остается — и тут никуда не деться — зависимость, притом прямая и неустраиваемая, от «политических взглядов главного редактора» и от желательных-согласующихся с ними «собственных принципов» (притом «умный» редактор должен допускать и несогласующиеся, чтобы издание не было «односторонним», хотя

по этому поводу возможны и трения), и наконец, — с этим уже никто не спорит — *он аудиторам*.

Притом — *nota bene!* — отмечается и необходимость согласования взглядов редактора и желаний аудиторам. В. Старков: «...идя на поводу у читателя, тащи все-таки его за собой. Хотя на шокко, но будь впереди». Не стоит, наверно, обращать внимание на невольное противоречие («на поводу у читателя» — значит это он «впереди», а не газета). Главное в другом — а что значит «впереди читателя», то есть в каком направлении читателя вести? Не хотят прояснить «главное». Более того, В. Лошак, не желающий делать «однобокое» издание, отмечает: «У меня нет сверхидеи. Мы делаем газету здравого смысла для людей здравого смысла». Хорошо сказано, но требующий «неоднобокости» «здравый смысл» как содержание «политических взглядов главного редактора» — это что-то вроде «неоднобокой однобокости» и потому категория неуловимая. Что же касается «сверхидеи», то едва ли не сласом в пустыне прозвучали слова Н. Вайзинена о том, что «нам надо научиться сверять каждое свое слово и действие с тем, какой мы хотим видеть Россию в третьем тысячелетии» (№ 1). Журналисты, разумеется, думают об этом. Но не говорят. Во всяком случае, вслух произносится другое: «...политическая ориентация журналисту не возложена» (А. Политковская, № 3).

Однако жизнь требует развернутого ответа на многосложные вопросы. И по проблеме свободы, и по проблеме независимости СМИ в наше трудное время нужны, по-видимому, более основательные подходы к целой системе вопросов: «от кого», «от чего», «в чем», «для чего», «для кого». А что если **выходить на того, что, добиваясь невозможности *он* власти, *он* капитала, *он* собственного сознания, журналистам следует более жестко призвать свою прямую замыкаемость *он* службы потребностей, а не текучих и поверхностных, а всегда и неизменных интересов аудиторам** (учитывая, разумеется, их разнообразие и сложность для разных слоев). Может быть, тогда серьезнее проявится и вопрос об **ответственности *он* властей, и капитала, и самих журналистов перед обществом?**..

Симптоматичны в этой связи «небесспорные заметки» Р. Ратниковой «Плоральнам надо защищать от журналистов»

(№ 6) — от тех, кто пользуется свободой ради распространения недобросовестной, но «выгодной» информации. Считая, что надо конструктивно отстаивать «интересы граждан на свободу информации», автор несколько алармистски утверждает: «...если мы не наведем порядок в своем цехе, это с удовольствием сделают власти. И их жесткие меры лягут на удобренную почву. Сограждане не будут нас, журналистов, защищать... Народ благодаря отдельно взятым недобросовестным журналистам уже морально готов к тому, что васакам борным язычки надо укоротить». Это действительно «небесспорные заметки», но проблема конструктивного плюрализма в отличие от грубой плюральности существует.

Суждения о независимости СМИ разноречивы и противоречивы. Тут требуется серьезная дискуссия, а не «проходные» суждения в интервью или обзоре под громким названием «Независимость... от кого?» (№ 3).

Рядом и в связи с проблемой свободы и независимости СМИ хотелось бы и продолжения разработки темы «четвертой власти», также начатой уже в новом году статьей Б. Варецкого «СМИ — четвертая власть: метафора или реальность?» Напомним, что сам термин был введен еще в XVIII веке Э. Берком (не Бергом), и указав на коренные разногласия по поводу «властных полномочий» СМИ (от констатации их «безвластия» до атрибуции как «первой власти»), автор этим и ограничился. К сожалению. Ведь в демократическом обществе «властная» (и здесь надо прояснить: в каком смысле? проявлениях? результатах?) роль журналистики возрастает. И проявляется, кстати, это отнюдь не только положительно, обнаруживаясь в манипулятивных намерениях и формах.

Представляется, быть подлинно «четвертой властью» может лишь свободная (для обеспечения права народа на информированность), немилосердная (от всяческого «внешнего» незаконного давления и от своеволия и манипуляторских побуждений самих журналистов), конструктивно-плюралистическая журналистика, ведущая трудный постоянный диалог в перспективе решения жизненных вопросов страны на благо народа и всех его составляющих слоев. Гуманистический демократизм использования СМИ своих «властных полномочий» в отноше-

ниях с аудиторией и социальными институтами должен быть ясно раскрыт и закреплён если уж не в законодательстве, то в каких-то других документах. Например, как отмечено выше, в Информационном кодексе, на важность разработки которого указал Г. Мальцев.

ЗАКОН «О СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ»: СВОБОДА СМИ И ПРАВА АУДИТОРИИ¹

Если наша всеобщая забота – формирование развитого демократического, правового, гражданского общества, то, очевидно, важнейшей стороной деятельности СМИ является *информационное обеспечение демократии*. Подлинное информационное обеспечение демократии, естественно, возможно лишь при условии создания такого *информационного порядка* в обществе, который обеспечивает реализацию всеобщей *информированности граждан*.

Только такой информационный порядок действительно обеспечивает реализацию гражданских прав граждан, поскольку, как утверждается в документах ООН, «свобода информации является основным правом человека и представляет собой критерий всех видов свободы»... А «свобода информации» – это *всеобщее право*: право СМИ на распространение информации и право граждан на получение информации. Проблема только в том, распространение какой и соответственно получение какой информации.

Закон «О средствах массовой информации» (1991) уже по названию своему призван максимально точно и полно трактовать положение СМИ, порядок их функционирования, их права и обязанности, *ответственность* за злоупотребление предоставленной свободой. При этом, разумеется, закон должен

¹ Данная статья впервые опубликована в сборнике «Законодательство и практика средств массовой информации» (1995. Вып. 7–8(11–12)). Как можно понять по обнаруженному в компьютере Евгения Павловича тексту, речь в статье идет о проекте 27 декабря 1991 г. Закона РФ «О средствах массовой информации» № 2124-1 и внесенных в него изменениях в редакции от 13 января 1993 г. № 6-ФЗ.

«закрывать» все «поля» отношений СМИ в обществе. В том числе адекватно «прописывать» отношения журналистики в целом и ее отдельных секторов с аудиторией как социальным субъектом, имеющим право на информированность. Ведь в конечном счете если законодательство формулирует обязательные для исполнения нормы — а это запреты, дозволения и «обязываемки», то, очевидно, законодательные нормы должны описывать, какую информацию

- запрещено распространять посредством СМИ в аудитории,
- дозволено доводить до читателей, слушателей, зрителей,
- обязаны СМИ помещать на своих страницах и в программах.

Анализ Закона о СМИ с достаточной очевидностью показывает, на распространение какой информации накладывается запрет, а нарушение его считается злоупотреблением свободой печати. А что не запрещено, разумется, то дозволено. Все ли, что по объективной социальной необходимости не подлежит публикации, полно и точно зафиксировано в законе, во-видимому, можно и нужно обсуждать. То же касается и полноты дозволений.

А вот что касается «обязываемый», накладываемых Законом на СМИ, и прежде всего *обязательства СМИ перед аудиторией*, вызывает множество вопросов и недоумений. Причина, представляется, в неполном соответствии положений Закона и Конституции РФ. Статья 24 Конституции утверждает обязанность официальных учреждений и лиц «обеспечить каждому возможность ознакомиться с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы», а ст. 32 гласит: «Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей».

Конституция тем самым (правда, если трактовать эти положения «по максимуму») требует того, чтобы граждане, во-первых, были в достаточной мере информированными в сферах, затрагивающих их права и свободы (а это все «поле жизни» людей), а во-вторых, могли бы непосредственно и по-

вседневно участвовать в демократическом процессе. Если это не пустые декларации и если трактовка этих положений верна, то Закон о СМИ обязан детализировать и конкретизировать их через «обязывание» СМИ повседневно заботиться об информированности граждан. И таким образом обеспечивать их права на верную ориентацию в окружающем, предоставить им возможность через СМИ активно участвовать в управлении общественными делами через соответствующие публикации (писем, обращений, репост, вопросов и т.д.).

А как дело обстоит в Законе о СМИ? Как разворачиваются эти конституционные нормы?

В главе 4, трактующей об отношениях СМИ с гражданами и организациями, зафиксировано «право на получение информации» (ст. 38) в таком расплывчатом и неясном виде: «Граждане имеют право на оперативное получение через средства массовой информации достоверных сведений о деятельности государственных органов и организаций, общественных объединений, их должностных лиц». Характеризовать это положение Закона как расплывчатое и неясное позволяет то обстоятельство, что граждане имеют всего лишь «право», которое вовсе не связано с какими-либо обязательствами, накладываемыми Законом на СМИ. При том право на получение «достоверных сведений», а не право на информированность.

Конечно, наличие сегодня огромного выбора изданий и программ на информационном рынке может посеять иллюзию, что «право на получение информации» реализовано не только в полной, но чуть ли даже не в избыточной мере. Мол, читай и смотри, что, когда и сколько душе твоей будет угодно. Однако это именно иллюзия: на пути аудитории к получению информации встают многочисленные препятствия, которые как будто игнорирует законодательство.

Среди них есть и препятствия не собственно журналистского характера: недоступность многих изданий из-за их высокой цены, недостаток времени на освоение и осмысление информации, неустойчивость системы распространения, слабость во многих местах теле- и радиосигнала и т.д. Законодательство, видимо, должно бы «вмешиваться» и в эти сферы. Но даже если

отбросить эти проблемы в сторону, то вопрос стоит так: надо ли декларировать «право на получение информации» или требовать от СМИ «обеспеченная информированностью» граждан? Конечно, это обязывает журналистов ко многому большему. Ведь информированность — это такой запас сведений в массовом сознании, который *достаточен* для принятия адекватных положению и нуждам граждан решений в самых разных сферах жизнедеятельности — от определения способов проведения свободного времени до выборов президента. Притом решений *оптимальных*.

Разумеется, это требование можно считать завышенным. В том случае, если СМИ признаются слугами лишь своих владельцев, акционеров, учредителей иного толка. Но в демократическом государстве — и это не может не быть в конце концов закреплено законодательно — СМИ, как ни парадоксально, *обязаны* выступать *слугами двух господ*, в котором (а может быть и первым) «господином» является аудитория. И если «доход» владельца измеряется деньгами и влиятельностью, то «доход» аудитории — именно информированностью. Случайно ли это понятие стало проникать в законодательство? Закон о праве на информацию (заметим, что он, к сожалению, пока не распространяется на СМИ) основным принципом своим декларирует «информированность граждан о деятельности органов и организаций». Соответственно от них требуется «сообщать для всеобщего сведения ставшую им известной при осуществлении своей деятельности информацию:

- если она может предостеречь угрозу жизни или здоровью граждан;
- если требуется пресечь распространение недостоверной информации;
- если она имеет или может иметь общественно значимый характер».

Даже в таком виде («непримененная» к СМИ) прецедентное значение этой нормы нельзя преуменьшать. Понятие информированности для журналистики демократического общества должно войти в законодательные нормы и получить строгую интерпретацию в статье о праве на получение гражданами информации.

Конечно, закон может дать лишь принципиальные характеристики понятия «информированность». А уж во «внутрикурнальных» документах, определяющих характер саморегулирования деятельности СМИ разных направлений, требуется детализация. Она позволит каждому ясно понять, как редакция понимает для себя конкретные направления деятельности по достижению информированности *своей* аудитории. Может быть, даже придет время, когда редакции будут публиковать ежегодные отчеты о своей деятельности, где достойное место будет отведено и подведению итогов работы по повышению информированности аудитории, успехам и недостаткам в этой сфере их *public service*.

Впрочем, существует значимое препятствие в реализации права на информированность: каждое СМИ в соответствии со своей социальной позицией по-своему может его трактовать и реализовывать. Значит, тут требуются и теоретические проработки, и творческие решения в сфере выполнения роли «слуги двух господ». Если определяться только в принципиальном плане, то требуется ведение постоянного, притом открытого, *диалога между СМИ*. Он должен обеспечить выход разных точек зрения на «информационное поле» каждого СМИ с постоянным подведением итогов (как исправления «частной» позиции с учетом «общих» интересов). Это во-первых. Во-вторых, требуется ведение постоянного *диалога между каждым СМИ и его аудиторией*.

Ведь аудитория выступает не только «потребителем» информации, но также и ее «производителем». И связь между СМИ и аудиторией не односторонняя, а двусторонняя, потому «интерактивность» их отношений также требует демократических решений (теоретических и законодательных). Аудитория не только активно ведет поиск удовлетворяющих ее нужды источников информации и в результате вырабатывает свои предпочтения (в отношении тем, проблем, рубрик, авторов и т.д.), но и на баз своего отношения к источнику информации формулирует запросы к нему. Такие запросы могут «носиться в воздухе» и фиксироваться только в опросах аудитории. Но нередко они побуждают читателя или слушателя прямо обратиться в редакцию с письмом — откликом, просьбой, советом,

репликой, предложением, мнением по обсуждаемым в СМИ вопросам и т.д. Тем самым аудитория превращается в активное действующее лицо («субъект») в сфере СМИ. Недаром когда-то журналисты называли читателей «главным автором» газеты. В подобной характеристике, конечно, было преувеличение и некоторое кокетничанье, но и значительная доля правды. Жаль, что теперь многими она воспринимается только как устаревшая и ложная метафора...

Таким образом, если все же законодательно заявленное «право на информацию» хотя бы имплицитно содержит слабый намек на пожелание заботиться об информированности граждан, то «право на заявление мнения» и на обязанность его учитывать в деятельности СМИ аудитория лишена по Закону практически полностью. И в этой связи странно-демократическими кажутся положения ст. 42 «Авторские произведения и письма». Всего десяток строк этой статьи полностью «освобождают» СМИ от какой-либо ответственности перед обратившимися к ним гражданами. Пришедшее в редакцию письмо «может быть использовано» в журналистских произведениях, притом, разумеется, «если при этом не искажается смысл письма». Но «редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение». И уж тем более «никто не вправе обязать редакцию» публиковать никакие пришедшие письма. Неужели удел даже тех из них, чье содержание вовсе не «мусор», — в лучшем случае «архивная» корзина?

Бурная реакция многих «уставших» от работы с почтой недальновидных журналистов, ощутивших себя господами на информационном рынке, проявилась в первой и во второй редакциях Закона о СМИ как «освобождение» от обременительных обязанностей перед аудиторией как активным участником информационного процесса. Классически ясное выражение этот видос облегчения нашел в распространенном с быстротой молнии обращении к читателям: «Редакция в переписку не вступает». Этот афоризм и до сих пор украшает многие издания. Правда, в противовес ему сформировался затем прямо противоположный и полемически заостренный против шель-

монополистичность: «Редакция в переписку вступает». Такова позиция «Недели»; давно ее придерживаются «Аргументы и факты»; имели страничку своего рода «газеты в газете», «Мнения» старые «Известия». Для этих изданий интерактивность стала признаком сознательно ведущейся информационно-политики. Нельзя ли здесь усмотреть скрытую и печальную полемику с Законом?

Если действительно журналистика — «слуха двух господ» (а иначе *mediademokratia* превращается только в деловой вид демократичности и весьма своеобразную *mediakratia*), то «нормальным» оказывается даже не простое внимание к письмам, «самостоятелю» поступившим в редакцию, но и активные формы работы с аудиторией — интерактивная деятельность самих СМИ. И примеров тому уже достаточно. Это и вопросы общественного мнения с регулярной информацией об их результатах на страницах периодики и в программах ТВ. И публикация писем с ответными репликами журналистов — сочувственными или критическими. И передачи с «обратной связью», с голосованием, когда по объявленным номерам телефона поступают звонки «за», «против», «затрудняюсь ответить» с мгновенным подсчетом на компьютере и выводом на телеэкран, и передачи с участием «публики», соответственно реагирующей на суждения участников дебатов. Для журналистики это постепенно становится нормой, хотя «качество» работы с активной аудиторией еще невысоко. Бывает здесь и явная некорректность. Например, работа журналистов на «готовый ответ» (как часто случалось и в советские годы): газетчики подбирают «нужные» письма, а на ТВ изначально задается «нужный» коридор значений для ответов аудитории.

С такого рода «играми» с аудиторией придется бороться анализом и критикой: «сужжать», как справедливо делает И. Петровская, и разрабатывать строгие методики организации «интерактивной журналистики». Главное, «процесс пошел». Но Закон не только не стимулирует становление и развитие *mediademokratia* с помощью интерактивных форм работы с аудиторией, но чуть ли не отпращивает от этого. И уж во всяком случае, устарели формулировки, «разрешающие» не обращать внимание на аудиторию. На самом деле нужно нечто прямо

противоположное — «обыкновение» журналистов видеть в аудитории не пассивного потребителя, а активного соучастника информационного процесса.

Притом, если хотеть действительно, а не внешней псевдодемократии, журналистам надо бы сработаться большим знанием истинных потребностей аудитории в информации, достигшем ее действительно информированности. А до этого еще ой как далеко, если даже И. Десневская, «женщина года» России и Америки, разлюбила телевидение «как порождение Сатаны»: «Мы одурманяем и оболваниваем народ». Такое признание дорогого стоит в устах талантливого и энергичного журналиста — есть надежда на перемены. Но что-то очень мешает иначе вести дело, если вместо изменений в политике канала принимается иное решение: «А чтобы искупить свои грехи, президент канала РенТВ решила устроить частный детский дом»...

Частные инициативы и поиски в сфере отношений СМИ с аудиторией на демократической основе в целях достижения высокой информированности общества нельзя не приветствовать. Однако нельзя не заметить, что нужно еще много сделать, в том числе и в законодательной сфере, чтобы идея СМИ как «слуги двух господ» была признана справедливой, благородной и в конце концов единственно возможной и СМИ в полной мере выполняли бы свою миссию *информационного обеспечения демократии*, эффективно реализовывая свое право на свободу и соблюдая права аудитории на *информированность*.

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ ПРОФЕССОРА Е.П. ПРОХОРОВА

1. Определять границы (о жанре фельетона) // Сов. печать. – 1956. – № 8.
2. Дело всех граждан города: Обзор // Сов. печать. – 1956. – № 9.
3. Ливан Кольского полуострова: Обзор // Сов. печать. – 1956. – № 12.
4. Страницы истории: Русские публицисты об Индии // Soviet Land. – 1956. – N 12–20.
5. Что такое публицистика? (Заметки о теории) // Журналист (газ. ф-та журналистики МГУ). – 1957. – № 1.
6. «Вперед, коню поклявшиеся!» К столетию «Колокола» // Московский университет. – 1957. – 30 июня.
7. Глазами друзей: Русские об Индии / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. соав. с А.В. Западным. – М., 1957.
8. Русский фельетон / Сост., подгот. текстов, вступ. заметки и комм. соав. с А.В. Западным. – М., 1958.
9. Проблемы Индии в русской печати 40-х годов XIX века // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Филология. Журналистика. – 1959. – № 1.
10. Русская печать об индийском национальном восстании 1857–1859 гг. // Из истории русской журналистики: Сб. ст. – М., 1959.
11. [Статьи и заметки об изданиях 1836–1855 гг.] // Русская периодическая печать: 1702–1894: Справочник. – М., 1959.
12. Прежде всего – мастерство // Журналист. – 1960. – 27 сент.
13. Теоретическое значение исторических исследований // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Филология. Журналистика. – 1960. – № 6.
14. Публицистика декабристов. – М., 1961.
15. Статьи «Современника» об Алжире: сто лет назад // Новый мир. – 1961. – № 4.

16. Обозрение в газете // Вести. Моск. ун-та. Сер. 7. Филология. Журналистика. – 1961. – № 3.
17. В.И. Ленин о публицистической форме отражения действительности (к изучению ленинской теории публицистики) // Вести. Моск. ун-та. Сер. 7. Филология. Журналистика. – 1961. – № 6.
18. Активное разрабатывать теоретические проблемы журналистики // Вести. Моск. ун-та. Сер. 7. Филология. Журналистика. – 1962. – № 3.
19. «Журнальная теория» Беллинского // Вести. Моск. ун-та. Сер. 7. Филология. Журналистика. – 1962. – № 6.
20. Публицистическое обозрение. – М., 1963.
21. Беллинский-публицист. – М., 1963.
22. Публицистика и ее функции (к изучению марксистско-ленинской теории публицистики) // Вести. Моск. ун-та. Сер. 7. Филология. Журналистика. – 1963. – № 3.
23. Функции публицистики // Проблемы публицистики: Тез. – М., 1963.
24. Могучий воспитатель // Журналист (газ. ф-та журналистики МГУ). – 1964. – 28 февр.
25. РОСТА и первые шаги советской журналистской периодики (1919–1921 гг.) // Партийно-советская печать в период борьбы за строительство социализма: Сб. ст. – М., 1964.
26. В помощь начинающим журналистам: Учеб. пособие для слушателей школы и университетов рабочей молодежи. – М., 1964 (член авт. колл.).
27. Дискуссия во что бы то ни стало? (по поводу статьи «Журналистика как наука») // Журналист (газ. ф-та журналистики МГУ). – 1965. – 9 июня.
28. Современная советская публицистика: Сводный. – М., 1965.
29. Некоторые закономерности публицистического познания (публицистика и принципы социологического анализа) // Тез. докл. Первой респ. междунауч. конф., посвящ. теории и истории публицистики. – Львов, 1965.
30. Основы партийной журналистики. – Ч. 1. Журналистика в жизни общества – М., 1965. – Ч. 2. Функционирование партийной журналистики. М., 1966. – Ч. 3. Журналистское творчество. – М., 1968.
31. Место и значение общей теории публицистики и основ журналистского мастерства в системе преподавания журналистских дисциплин в вузах // Конференция по методике преподавания теории и практики парт.-сов. печати: Тез. докл. – Л., 1966.
32. Теория публицистики и искусство фельетона // Вести. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 1966. – № 3.

33. Элементы и структура социально-педагогического механизма публицистики // *Искусство публицистики (Проблемы теории и мастерства): Сб. ст.* – Алма-Ата, 1966.
34. Журналистика и границы социологии // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика.* – 1966. – № 4.
35. Эпистолярная публицистика. – М., 1966.
36. Еще шаг к созданию теории публицистики // *Журналист (газ. ф-та журналистики МГУ).* – 1966. – 29 окт.
37. Второй сборник «О публицистике и публицистах» // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика.* – 1966. – № 5.
38. Слагаемые мастерства // *Проблемы мастерства в журналистике: Сб. ст.* – Каса, 1967.
39. Некоторые закономерности публицистического познания (Публицистика и социология) // *Вестн. Львов. ун-та. Сер. Журналистика.* – 1967. – № 5.
40. Творчество публициста: цель, средства, результаты // Наш корреспондент: Бюл. газ. «Сельская жизнь». – 1967. – № 2.
41. Жанры советской газеты // Гуревич С.М., Прохоров Е.П., Усачова В.В., Швацман Н.А. Теория и практика партийно-советской печати. – М., 1968.
42. Теория публицистики: итоги, проблемы, перспективы // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика.* – 1968. – № 2.
43. История современности как предмет публицистики // *Вопросы теории и практики массовых форм пропаганды: Сб. ст.* – Вып. 1. – М., 1968.
44. Партийность и объективность информации // *Журналист (газ. ф-та журналистики МГУ).* – 1968. – 28 мая.
45. Публицистика в жизни общества. – М., 1968.
46. Социально-педагогическая цель публицистики и пути ее достижения // *Искусство публицистики: Сб. ст.* – Алма-Ата, 1968.
47. Структура общей теории публицистики и споры вокруг ее основных компонентов // *Журналист (газ. ф-та журналистики КазГУ).* – 1968. – 10 дек.
48. О ленинской концепции публицистики // *Журналист (газ. ф-та журналистики МГУ).* – 1969. – 22 апр.
49. Socjologiczna wiedza o funkcjach radzieckiej prasy i jej praktyczne wykorzystanie – Социологическая информация о деятельности советской печати и ее практическое использование // *Zeszyty naukowe.* – 1969. – № 3 (в соавт.).
50. «Права и обязанности» читателя // *Журналист (журн.).* – 1969. – № 2–9.
51. О свободе печати // *Журналист (журн.).* – 1970. – № 3.

52. Литературная часть обшчноролетарского дела // *Вести. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика*. – 1970. – № 2.
53. Методологические проблемы научения функционирования районной газеты // *Основные проблемы совершенствования работы районных газет*. Тез. докл. – Львов, 1969.
54. *Trgovackose rabljuuzustva jako predmet badan teoretickych* – Публицистическое творчество как предмет теоретического исследования // *Zesluzu ranoznikova*. – 1970. – № 3.
55. Партийность и объективность на информация // *Български журналист*. – 1970. – № 3.
56. Проблемы публицистики – тема важная и обьязывающая // *Телевидение и радиовещание*. – 1970. – № 11.
57. Ленинские идеи и проблемы теории функционирования журналистики // *Проблемы гуманитарных наук*. Тез. – М., 1970.
58. Партийность информации // *Проблемы информации в печати*: Очерки теории и практики: Сб. ст. – М., 1971.
59. Третья действительность // *Журналист (журн.)*. – 1971. – № 5.
60. Ленинская концепция свободы печати // *Вопр. теории и практики массовых средств пропаганды*: Сб. ст. – Вып. 4. – М., 1971.
61. Журналистика (ст. для БСЭ) // *Журналист (журн.)*. – 1971. – № 8.
62. Печать // *Большая советская энциклопедия*: В 30 т. – Т. 5. – 3-е изд. – М., 1971.
63. Классовость журналистики (к вопросу о марксистской концепции журналистики) // *Вести. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика*. – 1971. – № 4.
64. Журналистика в сельском районе // *Вести. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика*. – 1971. – № 5.
65. Классовость журналистики // *Краткие тез. докл. к науч. аттф., посвящ. 25-летию Ф-та журналистики*: Сб. – Л., 1971.
66. О некоторых спорных вопросах теории публицистики // *Филол. науки: Журналистика*. – Вып. 1. – Ростов н/Д, 1971.
67. Четыре совета, поочернутые в ленинской концепции оптимального функционирования журналистики // *Телевидение и радиовещание*. – 1972. – № 4 (пер. на венг. яз.).
68. Журналистика // *Большая советская энциклопедия*: В 30 т. – Т. 9. – 3-е изд. – М., 1972.
69. Обозрение // *Жанры советской газеты*. Колл. учеб. пособие. – М., 1972 (пер. на кат. яз. в 1986 г.).
70. Письмо // *Там же*.
71. *Literarte publicistica-cast boje za sproletnu voz proletajstv* // *Sesluzu novinaru*. – 1972. – № 1.

72. Журналистика и теория управления в многонациональном государстве // *Взаимобогащение многонациональной советской печати, телевидения и радиовещания – главная тенденция их развития: Тез. докл.* – Алма-Ата, 1972.
73. Информация // *Большая советская энциклопедия: В 30 т.* – Т. 19. – 3-е изд. – М., 1972.
74. Публицист и действительность. – М., 1973.
75. Социалистическая журналистика: классность и объективность // *Вопросы эффективности партийной пропаганды и политической информации: Сб. ст.* – Вып. 1. – М., 1973.
76. *Dejavnost w tejno wstępnym // Praca ZSSA w świetle badań teoretycznych pracowników.* – Kłajow, 1973.
77. Семантические проблемы деятельности средств массовой информации // *Семантика средств массовой коммуникации: Мат-лы науч. семинара.* – Ч. 1. – М., 1973.
78. Живые формы и закономерности социального анализа в публицистике // *Мушбар-корреспондент.* – Ташкент, 1973. – № 10.
79. Основы марксистско-ленинской теории журналистика. – М., 1973.
80. *Trjednost zurnalistiky // Otazky zurnalistiky.* – Bratislava, 1973. – X 1–2.
81. Методологические проблемы социологии журналистики // *Человек в системе массовых коммуникаций: Мат-лы междунар. симпозиума, проходившего с 26 по 28 сентября 1972 г. (НРБ, София).* – София, 1973.
82. Функциональные закономерности популяризации // *Проблемы теории популяризации науки: Тез. Всесоюз. науч.-практ. конф.* – М., 1974.
83. Классовые позиции журналистики // *Современные проблемы на журналистическая теория: Сб. ст.* – София, 1974.
84. Социологические методы изучения журналистика // *Методы исследования журналистика: Тез. докл.* – Ростов н/Д, 1974.
85. Журналистика, информация, управление // *Филол. науки: Журналистика.* – Вып. 2. – Ростов н/Д, 1974.
86. Социологическая служба редакции // *Проблемы научной организации журналистского труда: Очерки теории и практики.* – М., 1974.
87. Основы на марксистско-ленинская теория на журналистиката. – София, 1974.
88. Социология журналистики // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика.* – 1975. – № 7.

89. Порядной край публицистики: Журнальское обозрение // *Коммунист*. – 1975. – № 10.
90. Публицистика // *Большая советская энциклопедия*. В 30 т. – Т. 21. – 3-е изд. – М., 1975.
91. Теоретические проблемы изучения взаимодействия средств массовой информации // *Предмет семиотики: теоретические и практические проблемы взаимодействия средств массовых коммуникаций*: Сб. ст. – М., 1975.
92. Образ мысли публициста // *Лит. газ.* – 1976. – № 33.
93. Глубокая борозда // *Там же*. – 1977. – № 4.
94. Журналистское творчество и проблема классного анализа // *Мастерство журналиста*: Сб. ст. – М., 1977.
95. Цель, программа действий, эффективность // *Телевидение и радиовещание*. – 1977. – № 7.
96. Методические проблемы изучения эффективности журналистской деятельности: Тез. докл. // *Молодой журналист* (газ. ф-та журналистики РГУ). – 1977. – № 8–9.
97. Районная газета в системе журналистики. – М., 1977 (отв. ред. и член авт. колл.).
98. Teoretyczne problemy wzajemdziałania środków masowej (informacji) // *Zeszyty naukowe*. – 1977. – N 4.
99. Условия и факторы повышения эффективности переподготовки кадров // *Проблемы качества и эффективности повышения квалификации работников телевидения и радиовещания*: Третья науч.-практ. конф.: Сб. мат. лоз. – М., 1977.
100. Шести пятилеток: публицистика, посвященная проблемам энергетики // *Лит. газета*. – 1978. – № 3.
101. Эфир и аудитория: формы взаимодействия // *Телевидение и радиовещание*. – 1978. – № 2.
102. Рец. на кн: *Хелмендик В.С. Союз пера, микрофона и телеэкрана*. М., 1978 // *Телевидение и радиовещание*. – 1978. – № 6.
103. В.Г. Белинский. – М., 1978.
104. Социалистическая журналистика. – Дамаск, 1978 (перевод Адиба Хаддури на арабский язык «Основы марксистско-ленинской теории журналистики». – М., 1973).
105. Введение в журналистику: Учеб.-метод. пособие. – М., 1978.
106. Zasady funkcjonowania dziennikarstwa i rola badan soziologicznych w jego doskonaleniu // *Przeglady i opinie*. – 1978. – N 4.
107. «Литературная газета» и ее аудитория. – М., 1978 (отв. ред. и член авт. колл.).
108. Творческие формы массовой информации // *Музы XX века*: Сб. ст. – М., 1978.

109. Журналистика как сфера информационной деятельности // *Методы исследования журналистики: Сб. ст.* – Ростов н/Д, 1979.
110. Рука на пульсе: журналистика и общественное мнение // *Журналист (журн.)*. – 1979. – № 7.
111. Социологические исследования функционирования средств массовой информации // *Вести. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика*. – 1979. – № 5.
112. Системный анализ системы средств массовой информации: Тез. докл. // *Молодой журналист (газ. ф-та журналистики РГУ)*. – 1979. – № 4–7.
113. Введение в специальность: журналистика. – М., 1979.
114. Книга публицистика // *В мире книг*. – 1980. – № 5.
115. Введение в теорию журналистики. – М., 1980 (член авт. колл.; 16,5 а.л.; пер. на кит. яз. – 1987).
116. Эффективность журналистской деятельности: постановка проблемы и определение понятий // *Журналистика развитого социализма. Вопросы теории и методики: Сб. ст.* – Свердловск, 1980.
117. Пафос гражданственности // *Новый шаг*. – 1981 – № 2.
118. Кому писать «историю современности»: проблемы и опыт воспитания молодых публицистов // *Лит. учеба*. – 1981. – № 1.
119. Лицом к лицу с читателем // *Сов. Россия*. – 1981. – 17 июня.
120. Социология журналистики // *Вести. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика*. – 1981. – № 4.
121. Эффективность журналистской деятельности как научная проблема // *Пути повышения эффективности средств массовой информации: Сб. ст.* – М., 1981.
122. Социология журналистики. – М., 1981 (отв. ред., автор гл. 1–2, Введение и Заключение).
123. Системный подход к изучению средств массовой информации // *Методы исследования журналистики: Сб. ст.* – Ростов н/Д, 1981.
124. Целевая ориентация журналистской деятельности как фактор ее эффективности (по материалам телевидения и радиовещания) // *Журналистика развитого социализма. Вопросы теории и практики: Сб. ст.* – Свердловск, 1981.
125. Методологические основы публицистического творчества // *Методы журналистского творчества: Сб. ст.* – М., 1982.
126. Теоретическая концепция публицистики как типа творчества // *Методологические проблемы общественных и гуманитарных наук: Сб. ст.* – М., 1982.
127. *Základní kategorie a struktura vědy o žurnalistice // K vymezení vědy o žurnalistice*. – Praha, 1982.

128. Вечность земли любимой // Лит. газ. – 1983. – № 3.
129. Предисловие // Есин В.И. Путешествие в прошлое: сказный мир XIX века. – М., 1983.
130. Публицистика наших дней. – М., 1983.
131. Живые и живущие идеи // Телевидение и радиовещание. – 1983. – № 5.
132. Социология журналистики // Современная советская журналистика. – М., 1983.
133. Эффективность журналистической деятельности /остановка на проблемах определения понятия// Современная журналистика. – 1983. – № 2.
134. Основы системного анализа функционирования журналистики // Особенности функционирования системы средств массовой информации и пропаганды в условиях развитого социализма. – М., 1983.
135. Поэтика публицистики // Современная журналистика. – 1983. – № 4.
136. Типологический анализ в журналистской науке // Типология периодических изданий: Сб. ст. – Ростов н/Д, 1984.
137. Искусство публицистики. – М., 1984.
138. К вопросу о практическом использовании социологического знания // Опыт и перспективы конкретных социологических исследований журналистики: Сб. ст. – М., 1984.
139. Эффективность журналистской деятельности // Эффективность средств массовой информации: Сб. ст. – Минск, 1986.
140. Концепция эффективности и проблемы совершенствования деятельности райгазеты: Тез. докл. // XXVII съезд КПСС и пути повышения эффективности деятельности районных и городских газет: Мат-лы между. науч.-практ. конф. // Радзивицкi журналiст. – 1986. – № 5–7.
141. Психологические проблемы эффективности журналистской деятельности // Журналист, пресса, аудитория: Сб. ст. – Вып. 3. – Л., 1986.
142. Введение в журналистику: Хрестоматия. – М., 1986.
143. Слово и изображение. Рец. на кн.: Шаховой Ю.Г. Изображение и слово в журналистике // Телевидение и радиовещание. – 1986. – № 6.
144. Ленинская концепция классового анализа в журналистике // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 16. Журналистика. – 1986. – № 3.
145. Система категорий науки о журналистике // Теория средств массовой информации и пропаганда как научная дисциплина. – М., 1986.

146. Эффективность журналистики как объект социологического исследования // Социологические исследования эффективности журналистики. – М., 1986.
147. Действительность и эффективность: суждение о конечном результате деятельности // Актуальные проблемы совершенствования средств массовой информации и пропаганды: Сб. ст. – Свердловск, 1986.
148. Проблемы эффективности журналистской деятельности в условиях ускорения социально-экономического развития: Науч.-аналит. обзор. – М., 1987.
149. Цель и средства // Телевидение и радиовещание. – 1987. – № 8.
150. Žurnalistika a masove veštovi // Sosty uvoštave. – 1987. – № 3.
151. Pojem efektivnosti žurnalistiky // *Ibid.*
152. Ориентация на аудиторию – путь к эффективности // Аудитория. Проблемы изучения общественного мнения – 1987. – № 3.
153. Анализ журналистской деятельности «на эффективность» как метод исследования // Методы исследования журналистики: Сб. ст. – Ростов н/Д, 1987.
154. Введение в журналистику. Учебник. – М., 1988.
155. Система принципов социалистической журналистики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 16. Журналистика – 1988. – № 2, 3.
156. Эффективность журналистской деятельности в свете социологических и психологических исследований // Журналистика: проблемы эффективности. – Владивосток, 1988.
157. Информация // Современная идеологическая борьба: Словарь. – М., 1988.
158. СМН // Там же.
159. Структура теории эффективности и ее место в журналистской теории и практике // Перестройка и пресса: Мат-лы круглого стола. – № 3. – М., 1989.
160. Введение в журналистику. Хрестоматия. – М., 1989.
161. Информация // Краткий политический словарь. – М., 1989.
162. СМН // Там же.
163. Эффективность печати, радио и телевидения // СМН в социалистическом обществе. – М., 1989.
164. Введение в журналистику. Журналистика в социалистическом обществе: Учеб.-метод. пособие. – М., 1989 (в соавт. с Л.Г. Сивич).)
165. Проблемы эффективности журналистики: Колл. монография. – М., 1990 (гл. 1.2; 2.2; 2.3; 3.4).
166. Местная студия: поиски оптимальной модели на один час вещания. – М., 1990 (в соавт. с В.Л. Цивком).

167. Введение в теорию журналистики: Учеб.-метод. пособие. – Ч. 1. – М., 1991.
168. Формирование социальной позиции в журналистике // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 1992. – № 1.
169. Социология журналистики: Мат-лы к библиографии: 1985–1990. – М., 1992.
170. Журналистика как «четвертая власть» в современном обществе // Изучение истории и практики печати России в условиях демократизации общества: Тез. науч.-практ. конф. – Воронеж, 1992.
171. Предмет и структура науки о журналистике // Основные понятия теории журналистики: новые подходы и проблемы. – М., 1993.
172. Журналистика – «четвертая власть»? СМИ как социальный институт // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 1993. – № 2.
173. Введение в теорию журналистики: Учеб.-метод. пособие: В 2 ч. – Ч. 1, 2. – М., 1993.
174. Социология журналистики: Теоретический курс: Программа. – М., 1993.
175. Теория журналистики: Теоретический курс: Программа. – М., 1993.
176. Власть «четвертая», «первая» или «никакая»... // Власть. – 1993. – № 4.
177. Социология журналистики и общесоциологическая теория // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 1994. – № 1.
178. Методология – предмет «новой парадигмы» социологического знания // Социологические исследования. – 1994. – № 3.
179. Теория журналистики. Закономерности функционирования средств массовой информации: Теор. курс: Книга авторизованного изложения. – М., 1994.
180. Журналистика – власть. Но какая? // Законодательство и практика средств массовой информации. – 1995. – Вып. 3 (7).
181. Журналистика в режиме диалога // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 1995. – № 1–2.
182. Система СМИ и типологические факторы формирования изданий и программ // Типология периодической печати. Проблемы и тенденции развития типологической структуры современной периодики: Учеб. пособие. – М., 1995. – Гл. 1.
183. Власть ли пресса? // Журналист (журн.). – 1995. – № 5.
184. Проблемы теории журналистики // Современное состояние и перспективы развития журналистской науки, образования, практики: Тез. – Ростов н/Д, 1995.

185. Свобода СМИ и право аудитории на информацию // Законодательство и практика средств массовой информации. – 1995. – Вып. 7–8 (11–12).
186. [Выступление на IV съезде Союза журналистов России] // IV съезд Союза журналистов России: Мат-лы и докл. – М., 1995.
187. Введение в теорию журналистики. – М., 1995.
188. Правовое поле журналиста: Настольная книга журналиста. – М., 1995 (один из ред.-сост., автор двух разделов, сост. библи.).
189. Право граждан на информационную безопасность: проблема информационного обеспечения демократии через реализацию права на информированность // Журналистика в 1995 году: Теор. науч.-практ. конф. – Ч. 3. – М., 1996.
190. Повороты «спиральной страсти» (проблемы журналистики как четвертой власти) // Четвертая власть. – 1996. – № 2.
191. Журналистика и проблема массово-информационной безопасности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 1996. – № 1–2.
192. Концептуальные проблемы теории журналистики // Журналистика – XX век: эволюция и проблемы: Теор. Междунар. науч.-практ. конф. – СПб., 1996.
193. Пять лет свободы печати // Пять лет свободы печати: Мат-лы науч.-практ. конф. – М., 1996.
194. Восемь помет на полях грозного указа // Законодательство и практика СМИ. – 1996. – № 7–8.
195. Журналистика, государство, общество. – М., 1996.
196. Массовая СМИ: обеспечение информированности граждан и информационной безопасности общества // Российская журналистика: свобода доступа к информации: Сб. ст. – М., 1996.
197. К вопросу о сущности и структуре журналистской деятельности // СМИ в постсоветском обществе: Журналистика в 1996 году: Теор. науч.-практ. конф. – Ч. 1. – М., 1997.
198. Цензура отменена – контроль не нужен? // Законодательство и практика СМИ. – 1997. – № 2.
199. Правовое поле журналиста: Настольная справочная книга. – М., 1996 (один из ред.-сост., автор двух разделов, комм., сост. библи.).
200. Журналистская деонтология: итоги, проблемы, перспективы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 1997. – № 1–2.
201. Теоретико-методологические проблемы развития истории журналистики: история журналистики как объект исследования и учебная дисциплина // Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. – Ростов н/Д, 1997.

202. Журналистская деонтология: современные проблемы // Актуальные проблемы журналистики: Сб. ст. – М., 1997.
203. Решая задачи сегодняшнего дня, думать о дне завтрашнем // Зарубежные фонды и российские СМИ: опыт и перспективы взаимодействия: Сб. мат.-лов. – М., 1997.
204. Сообщество журналистов – движение к единству? Рец. на кн.: Становление духа корпорации. Правила честной игры в сообществе журналистов. М., 1995 // Вести Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 1997. – № 2.
205. Гуманизм – основа журналистского мышления XXI века // Гуманизм на рубеже тысячелетий: идеи, судьба, перспективы: Сб. ст. – М., 1997.
206. Приорочность бытия государственнополитическая область СМИ // Законодательство и практика СМИ. – 1997. – № 9 (37).
207. Гуманизм – основа журналистики XXI века // Журналистика в переходный период: Тез. Междунар. конф. – Ч. 1. – М., 1997.
208. Формирование деонтологических принципов в переходную эпоху // Там же. – Ч. 3.
209. Гуманизм – парадигма мышления XXI века // Новая ООН – для нового века: Мат.-лы конгресса «СМИ и обновление ООН». – М., 1997.
210. Журналистика как социальный институт демократического общества // Акценты. – 1997. – № 3–4.
211. Учредитель – редактор – журналисты: законодательство должно исходить из демократических основ отношений // Витрина читающей России. – 1998. – № 1.
212. Журналистский триумфатор: как урегулировать отношения // Законодательство и практика СМИ. – 1998. – № 1–2.
213. Средства массовой информации и информационная безопасность // Информационное общество. – 1997. – № 4–6.
214. А-с? Понд хакет! // Витрина читающей России. – 1998. – № 5.
215. Введение в теорию журналистики: Метод. указ. для студентов I курса. – М., 1998.
216. On Humanism and Media // Changing media and communication. – М., 1998.
217. Отношения между СМИ: необходимость открытого диалога // Витрина читающей России. – 1998. – № 6.
218. Права аудитории – обязанности журналистов // Законодательство и практика СМИ. – 1998. – № 5.
219. Заключительное слово // Свобода доступа к информации в России: правовые, организационные, профессиональные проблемы: Сб. ст. – М., 1997.

220. [Словарные справки по теории журналистики] // *Власть – зеркало или служанка? Энциклопедия жизни современной российской журналистики*: В 2 т. – Т. 1–2. – М., 1998.
221. *Information Order in the Open Society // 50 years of the universal declaration of human rights. International conference: abstracts.* – М., 1998.
222. *Журналист – журналисту // Ветрина читающей России.* – 1998. – № 7–8.
223. *Свобода информации – основное право человека // Там же.* – № 9.
224. *Введение в теорию журналистики.* – М., 1998.
225. *Драма соучредительства // Законодательство и практика СМИ.* – 1998. – № 52.
226. *Доступ к информации и информационный порядок в обществе // Контроль гражданского общества за информационной открытостью власти: теория и практика.* – М., 1998.
227. *Россия в Совете Европы: пришло время практических действий // Право знать.* – 1998. – Вып. 28.
228. *Страсти по свободе // Ветрина читающей России.* – 1999. – № 1.
229. *Драма соучредительства // Там же.* – № 2–3.
230. *Региональная пресса в информационном пространстве России // Региональная пресса России и структуры гражданского общества: сотрудничество во имя развития.* – М., 1999.
231. *Возможен ли порядок в media-войсках // Ветрина читающей России.* – 1999. – № 5.
232. *Курск газетный: без свар и скандалов // Там же.* – № 6.
233. *Право журналиста на информацию во имя реализации права аудитории на информированность // Право знать.* – 1999. – № 1–2.
234. *Гражданин на книжной полке // Ветрина читающей России.* – 1999. – № 11.
235. *СМИ и аудитория: концепция партнерства // Роль прессы в формировании в России гражданского общества.* – М., 1999.
236. *Право журналиста на информацию во имя реализации права аудитории на информированность // Российский и зарубежный опыт правового регулирования доступа граждан к правительственной информации.* – М., 1999.
237. *Информационный гепатит // Ветрина читающей России.* – 1999. – № 12.
238. *Новое зарисовка XXI века – человек информированный: к проблеме социокультурных типов журналистики // Философия, вестн. РГУ.* – 1999. – № 3.

239. Information Order in the Open Society // *Media, Communications*. – М., 1999.
240. Это странное слово «деонтология» // *Витрина читающей России*. – 2000. – № 1.
241. Информационное поле: как и чем его засеять? // Там же.
242. «Адекватный гражданин» – условие нормального функционирования гражданского общества в России // *Журналистика и современность: Тез.* – М., 2000.
243. Гуманистическая составляющая // *Витрина читающей России*. – 2000. – № 3.
244. Россия и Совет Европы: пришло время практических действий // *Россия и Совет Европы – что знают об этом граждане России*. – М., 2000.
245. Почему «четвертая»? // *Витрина читающей России*. – 2000. – № 5.
246. За речеткой плюрализма // Там же. – № 6.
247. Принцип дополнительности в плюралистической журналистике // *VII ICSEES World congress Abstracts*. – Татарstan, 2000.
248. Вкус и различия и различия // *Витрина читающей России*. – 2000. – № 7.
249. Введение в теорию журналистики. – 3-е изд., перераб. – М., 2000.
250. В направлении национального согласия // *Витрина читающей России*. – 2000. – № 8–9.
251. Культура плюрализма и свободы // Там же. – № 10.
252. Гражданин России – не только запись в паспорте // *От книги до Интернета: Журналистика и литература на рубеже нового тысячелетия*. – М., 2000.
253. Информационный шит Отечества // *Витрина читающей России*. – 2000. – № 11.
254. Российская журналистика вошла в эпоху гражданственности // *Роль прессы в формировании в России гражданского общества: День сегодняшний*. – М., 1999.
255. *Журналистика и демократия*. – М., 2001.
256. Режим диалога для демократической журналистики открытого общества. – М., 2001.
257. Верный оплоток общественного мнения // *Витрина читающей России*. – 2000. – № 12.
258. Принцип дополнительности в теории журналистики // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 16. Журналистика*. – 2001. – № 1.
259. Российские СМИ в национальном и глобальном информационном пространстве // *Доклад о развитии человеческого потенциала в РФ – 2000*. – М., 2001 (пер. на англ. яз.).

260. Информационный порядок на службе демократии // *Збірник праць кафедри української преси*. – Вип. 3. – Львів, 2000.
261. Российские СМИ в национальном и глобальном информационном пространстве // *Среда*. – 2001.
262. Социально-гуманистические аспекты безопасности информационного общества // 4-я ежегод. конф. консорциума ПУМ: Тез. докл. рос. участников. – М., 2001.
263. Введение в теорию журналистики. – 4-е изд., испр. и доп. – М., 2001.
264. Теория журналистики и проблемы ее развития в перспективе демократической трансформации // *Вести. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика*. – 2001. – № 3.
265. Введение в теорию журналистики: Методические рекомендации для студентов заочного отделения. – М., 2001.
266. Достаточно ли она существует, чтобы быть верной? // *Взгляды читательской России*. – 2001. – № 7.
267. Свобода печати и журналистской деятельности на демократических принципах. – М., 2001.
268. Журналистика в демократии. – 2-е изд., доп. – М., 2001.
269. Проблемы СМИ в Доктрине информационной безопасности // *Глобальная информатизация и безопасность России: Сб. ст.* – М., 2001.
270. Введение в теорию журналистики. – 4-е изд., испр. и доп. – М., 2002 (допечатка).
271. Программа итогового междисциплинарного экзамена по специальности 021400 «Журналистика». – М., 2002.
272. Социально-гуманистические аспекты безопасности // *Влияние информационных технологий на национальную безопасность: IV ежегод. конф.* – М., 2002.
273. Структура и проблемы деонтологии журналистики // *Вести. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика*. – 2002. – № 4.
274. «Основы журналистики» – место в учебном плане // *Вести. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика*. – 2002. – № 4.
275. Основы журналистики: Программа курса. – М., 2002 (одна из сост., автор разд. «Введение в теорию журналистики»).
276. Режим диалога для демократической журналистики открытого общества. – М., 2002.
277. Должны ли журналисты думать о формировании гражданской культуры населения? // *Формирование в обществе установок толерантности: Информ.-метод. мат.-лы.* – М., 2002 (перепечатка в кн.: *Мы – сограждане*. – Т. 2. – М., 2002).

278. Введение в теорию журналистики. – 5-е изд, испр. и доп. – М., 2003 (сер. Классический университетский учебник).
279. Свобода прессы: современный взгляд на историю разработки проблемы // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного научного знания: Мат-лы Междунар. науч. конф. – Вып. 1. Актуальные проблемы журналистики. – Ростов н/Д, 2003.
280. Обсуждение проблем свободы печати в России во второй половине XIX века // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2003. – № 4.
281. Диалог как основа информационного порядка в журналистике открытого демократического общества // Формирование в обществе установок толерантности: Информационно-метод. мат-лы по проблеме. – М., 2003.
282. Эффективность деятельности по проблеме толерантности // Формирование в обществе установок толерантности: Информационно-методические материалы по проблеме. – М., 2003.
283. Журналист в демократическом обществе: творческая свобода и социальная ответственность // Социальная ответственность журналиста. – Ч. 1. – М., 2003.
284. Толерантность – единственно и нормативное ядро информационного порядка в демократическом обществе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2003. – № 5.
285. Государственные СМИ: место в системе журналистики // Акценты. – 2003. – № 5–6.
286. Правовые и этические нормы в журналистике: Сб. документов. – М., 2004 (одн. из сост.).
287. Ния им – регион // Балтийские берега. Спец. вып. – 2004. – 21 стр.
288. Возможна ли для современной журналистики работающая триада: толерантность – диалог – движение к согласию? // Социальное мышление и толерантность: реальность и медийность. – М., 2004.
289. Журналистика и демократия. – 3-е изд. – М., 2004.
290. Преподаватель – всегда исследователь // Журналистика: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. – Ростов н/Д, 2004.
291. Наука о журналистике должна иметь четкую структуру // Медиа@льянах. – 2004. – № 2–3 (материал, подготовленный О.В. Устиновой).
292. Исследуя журналистику: теоретические основы, методология, методика и техника работы исследователя. – М., 2005.
293. Введение в теорию журналистики. – 6-е изд., перераб. – М., 2005 (сер. Классический университетский учебник).

294. Массовое сознание как предмет социологического исследования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2006. – № 1.
295. Массовое сознание как предмет социологического исследования // Теория и социология СМИ: Ежегодник 2006. – М., 2006.
296. Правовые и этические нормы в журналистике: Сб. документов. – М., 2006 (один из сост.; допечатка изд. 2004 г.).
297. Исследуя журналистику: теоретические основы, методология, методика и техника работы исследователя. – 2-е изд. – М., 2006.
298. Толерантность в структуре журналистской деонтологии // Меди@льянах. – 2006. – № 3.
299. Преподаватель и исследователь // Модернизация журналистского образования: Сб. науч. тр. – Ростов н/Д, 2006.
300. Массово-информационная безопасность как социокультурная проблема // Современные проблемы журналистской науки. Сб. ст. – Воронеж, 2006.
301. Движение к информационному порядку в глобализирующемся мире // СМИ России и Китая в XXI веке: традиции и модернизация. – М., 2007.
302. Правовые и этические нормы в журналистике: Сб. документов. – 2-е изд., перераб. – М., 2007 (сост.).
303. Введение в теорию журналистики. – 7-е изд., испр. – М., 2007.
304. Журналист и массовое сознание: понимать сущность, уметь взаимодействовать, изучать реальн. – М., 2007.
305. Идентифицируемость и методология журналистики // <http://www.kibni.ru> (в рамках объявленной на октябрь 2008 г. Международной научной интернет-конференции «Интернациональный диалог в журналистике: традиции и смежных областях»).
306. Информационная безопасность как социокультурное явление // Актуальные проблемы обеспечения культурно-информационной безопасности населения московского мегаполиса. – М., 2008.
307. Эффективность деятельности СМИ. – М., 2008.
308. Введение в теорию журналистики. – М., 2009 (допечатка 7-го изд.).
309. Правовые и этические нормы в журналистике. – М., 2009 (допечатка 2-го изд.).
310. Геополитика и демократический информационный порядок в сфере журналистики // Альманах: актуальные проблемы журналистского сознания в смежных областях знания (К 50-летию кафедры теории журналистики КубГУ): Сб. ст. – Краснодар, 2009.

311. Наил энергетика и методология журналистики // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика*. – 2009. – № 2.
312. Обеспечение информационной безопасности в деятельности СМИ. – М., 2009.
313. Публицистика как тип творчества // *Теория и социология СМИ. Ежегодник 2010*. – Ч. 1. – М., 2010.
314. Государственные СМИ как главный инструмент обеспечения информационной демократии // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика*. – 2011. – № 2.
315. Введение в теорию журналистики. – 8-е изд., испр. – М., 2011.
316. В.Г. Беллинский: Искусство публицистической критики. – М., 2011.
- 2012 (посмертно)**
317. Терминологический аппарат – понятийно-смысловый скелет науки // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика*. – 2012. – № 1.
318. <Беседы с С.С. Рапоновой> // *Беседы с Учительским. Кн. первая / Сост. С. Рапонова*. – М., 2012.
319. Правовые и этические нормы в журналистике. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2012.
320. Введение в теорию журналистики. – М., 2012 (допечатка 8-го изд.).
321. Е.П. Прохоров: «Наука в журналистике должна иметь четкую структуру» // *Теория и социология СМИ. Ежегодник 2011*. – М., 2012 (перепечатка интервью, проведенного О.В. Устиновой в 2004 г.).

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ ПО ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И СОЦИОЛОГИИ ЖУРНАЛИСТИКИ

И.М. Дялошинский,

*профессор отделения коммуникационных коммуникаций
Надвигальского исследовательского университета
«Высшая школа экономики»*

М.И. Дялошинская,

*профессор кафедры общественных коммуникаций и рекламы
Академии труда и социальных отношений*

Евгений Павлович Прохоров для нас – это идеал ученого и человека. В нем удивительно сочетались высочайший профессионализм и скромность, граничащая с застенчивостью; интеллектуальность, мягкий юмор и редкое восприятие недообросности, значимости; научная требовательность и способность включиться в «тематическую авантюру» (разумеется, если в ней участвовали люди, которым он доверял). Его уклад оставил тягостную, никак и ничем не заполняемую пустоту в наших душах.

Евгений Павлович был нашим учителем и в науке, и в жизни. Он одарил нас своей дружбой, что было невероятно приятно и радостно: значит, мы были достойны его доброго и отзывчивого отношения.

Евгений Павлович всегда с большим энтузиазмом откликался на наши предложения принять участие в различных проектах и мероприятиях, которые мы проводили: исследованиях,

конференциях, семинарах, корпоративных и дружеских встречах, посвященных личным датам и юбилеям.

Одним из таких многолетних проектов, исследовательскую часть которого существенно обогатил своими теоретическими размышлениями Евгений Павлович, была комплексная работа по мониторингу содержания продукции российских средств массовой информации с точки зрения их участия в формировании в обществе установок толерантности. Целью проекта было оказание помощи журналистам в преодолении стереотипов агрессивности, нетерпимости при освещении такой сложной социальной проблемы, как гармонизация взаимоотношений людей разных национальностей, религий, жизненных статусов и др. Началась данная работа в рамках Федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 годы)» и завершилась публикацией раздела «Толерантность и мультикультурализм – ценностные ориентиры СМИ» в коллективной монографии «Толерантность как фактор противодействия ксенофобии: управление рисками ксенофобии в обществе риска», вышедшей в 2011 г. при поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

Некоторые базовые положения, отраженные в этом разделе монографии, легли в основу данной статьи, которую мы посвящаем памяти нашего учителя, коллеги и очень близкого нам человека – Евгения Павловича Прохорова.

РОССИЙСКИЕ СМИ И ИДЕЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Актуальные контексты толерантности

В современном российском обществе, в котором еще не сложилась устойчивая система демократических ценностей, идея толерантности не стала общепринятой. Кроме того, в ситуации экономической, политической и социальной нестабильности появляется все больше оснований для конфликтов, они приобретают все более острую форму, особенно в моменты чрезвычайных ситуаций. Для России как трансформирующегося общества характерен значительный конфликтный потенциал. И хотя специалистам понятно, что в основе конфликтов лежат демографические, экономические, экологические, техноло-

гитеские, политические, а также социокультурные факторы, которые отражают различия в менталитете, культуре, религии, образовании, этике разных народов и цивилизаций, многие обвиняют российскую прессу в том, что эпидемия нетерпимости обрушилась на общество именно по вине журналистов. Иногда обвиняют всю прессу в целом, иногда — только негосударственную.

Многие критики СМИ утверждают, что средства массовой информации России, освещая, например, проблему насилия, в основном живописуют жестокость, с которой участники насильственных акций расправляются друг с другом. По их мнению, это приводит к тому, что массовое сознание отнюдь не настраивается на борьбу с насилием, а наоборот, начинает либо воспринимать его как естественный элемент нашей жизни, либо восхищаться насилием и насильниками. Другие специалисты утверждают, что медиа, определяющие общественную повестку дня и выступающие лидером мнений, потенциально способны формировать и массово распространять толерантные настроения.

В связи с вышесказанным возникает необходимость изучения информационного пространства, конструируемого массмедиа, с целью определения действительного соотношения в нем толерантности/интолерантности. Особенно активно эта проблема исследовалась в конце 90-х — начале 2000-х гг. В последнее же время интерес общества к теме «Участие СМИ в формировании толерантных установок в обществе» по сравнению с 2000-ми гг. заметно снизился. Былой энтузиазм сменился плохо скрываемым раздражением, констатирующим каждый раз, когда при руководителях СМИ и некоторых журналистах заходит разговор о толерантности и мультикультурализме. Появилось множество публикаций, авторы которых — иногда вполне именитые — довольно откровенно провозглашают над этими категориями.

Более того, в некоторых публикациях именно концепции толерантности и мультикультурализма рассматриваются как факторы раскачивания национальных противоречий. Так, например, по мнению известного исследователя В.С. Малахова, «мультикультурализм, введенный в идеологию, блокирует

демократической плюрализм, подымая гражданское общество совокупностью автономных и конкурирующих друг с другом “культурных сообществ”¹. Тот же автор пишет о том, что мультикультурализм способствует расчленению и этнизации общественного дискурса. Осмысляя социально-классовые и социально-групповые различия в расовых и этнических терминах, мультикультурализм окончательно закрепляет дискриминацию. Тем самым он лишь углубляет и без того имеющую место геттоизацию меньшинств. Мультикультурализм перетолковывает понятия противоречий социальных, экономических, политических, региональных интересов и «переводит» их в противоречия этнического, конфессионального происхождения. Способствуя этнизации социальных конфликтов, мультикультуралистская идеология делает их неразрешимыми².

То, что у рафинированного ученого на уме, у прямолинейных журналистов на языке. Опираясь на эти утверждения, некоторые авторы с нескрываемым удовольствием констатируют, что итогом политики мультикультурализма является полное разрушение многовековых культурных устоев, развитых культурных традиций, так как подобное смешение всегда ведет к усреднению. По их мнению, если низкий уровень культурного развития мигрантов несомненно повышается, то высокий уровень культуры целевой страны мультикультурализма неизменно падает³.

Появляются статьи с примечательными названиями, например «Мультикультурализм как иллюзия благополучия»⁴. Автор этого опуса — Павел Житник, побывавший на российско-германском форуме «Новые демографические и миграционные вызовы для России и Европы. Общие проблемные точки России и Германии. Возможное российско-европейское сотрудниче-

¹ Малков В.С. Сложное общество: рассказы и другие статьи. — М., 2001. — С. 41–42.

² См.: Малков В.С. Зачем России мультикультурализм? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малкова, В.А. Тихонова. — М., 2002. — С. 50.

³ Мультикультурализм. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>

⁴ См.: Житник П. Мультикультурализм как иллюзия благополучия. URL: http://ethnoscience.ru/articles/051225mosbakra_madriusk.htm

ство по проблемам демографического кризиса». Он доказывает неприменимость для России принципов мультикультурализма. Зато с нескрываемой симпатией П. Житников цитирует одного из российских участников этого форума, который предложил создавать для рабочих-мигрантов отдельные поселения, где будет обеспечиваться порядок и некоторая социальная защита мигрантов. Автор очень удивлялся, почему немецкие коллеги были возмущены. «Очевидно, что изолированные поселения ассоциируются у них с Майданеком или Освенцимом. В то время как в Петербурге некоторое время назад идея создания “комфортабельного гетто” для гастарбайтеров обсуждалась на полном серьезе. Сказывается слишком разное воздействие исторического прошлого...»³

Другими словами, нам предлагают вместо не оправдавших себя идей толерантности и мультикультурализма волюнтаричную духовную колонизацию, а иногда и просто создание комфортабельных гетто и резерваций для приезжающих в страну.

Характерно, что из нескольких существующих в настоящее время вариантов реакции на культурное многообразие — мультиционализм, ассимиляционизм, мягкий мультикультурализм, жесткий мультикультурализм, апартгейд⁴ — критики мультикультурализма избрали нечелю-то в качестве объекта нападок исключительно жесткий мультикультурализм, несомненно (или действительно?) не замечающий существенных отличий между этой моделью выстраивания отношений в многокультурном обществе и мягким, либеральным мультикультурализмом, который в отталкивающей идеи создания культурного многообразия с другими людьми.

Не вступая со сторонниками таких взглядов в полемику, отметим, однако, что очень важно различать мультикультурность, или культурную многообразность, как состояние, которое существует во многих культурных пространствах, в том числе и в России, и мультикультурализм как свод теорий и практик для осмысления этого явления. Мультикультурализм является одним из самых характерных проявлений актуализации горн-

³ Там же.

⁴ См.: Аджамас Ч. Теоретические основы мультикультурализма. URL: <http://www.inliberty.ru/Library/study/327/>

горизонтальных, ризоматических⁷ культурных взаимодействий, характеризующих важнейший сдвиг в мировой культуре пост-современности.

Мультикультурализм не сводим лишь к примитивной и агрессивной борьбе национальных и этнических меньшинств и прочих «других» за свои права на репрезентацию. Это явление гораздо более сложное, противоречивое и охватывает практически все стороны культурной динамики.

Все это свидетельствует о том, что есть настоятельная необходимость вновь вернуться к осмыслению сути толерантности и мультикультурализма и роли СМИ в формировании способов отношения к «другому».

Еще одна большая проблема, имеющая отношение к анализу роли СМИ в формировании установок толерантности, заключается в том, что социальные и профессиональные коды, в соответствии с которыми в России осуществляются коммуникативные процессы (как межличностные, так и массовые), обладают исторической спецификой.

Общественно, что западные (в широком смысле слова) массмедиа формировались в условиях становления идеи публичности власти, согласно которой между обществом и властью должна находиться публичная сфера обсуждений. Кроме того, профессиональная культура западных массмедиа зарождалась на основе протестантского тезиса о том, что любой взрослый индивид способен самостоятельно устанавливать

⁷ *Ризома* – постструктуралистский термин, предложенный Ж. Делезом и Ф. Гваттари в книге с одноименным названием. *Ризома* буквально означает корневник, в котором отдельные ростки и корешки, волокна и побеги взаимосвязаны и хаотически перепутаны, постоянно рождаются и погибают, где невозможно понять, какой из них главный, а какой второстепенный, в каких отношениях они находятся друг с другом, с окружающей средой и с главным «корнем». Появление последнего постоянно пороит всякий смысл. Эта метафора используется для обозначения альтернативной структуры, не обладающей четко выраженным единым центральным стержнем или ядром. Она противопоставляется авторами иерархичной структуре в иерархической системе. Главное, что Делез и Гваттари подчеркивают инверсивные, горизонтальные, а не вертикальные иерархические связи культуры корневника, мультипликацию в ней постоянных и неожиданных различий, которые не укладываются в привычные бинарные структуры систематических соответствий (Deleuze G., Guattari F. *Rizoma*. – P. 1976).

отношения с Богом и самостоятельно отличать добро от зла. Следовательно, в процессе поиска истины никто не может занимать привилегированную позицию. В основе этого представления лежит идея, согласно которой любой взрослый индивид имеет право на самостоятельный поиск истины и открытое провозглашение его результатов. Появление и развитие средств массовой информации в протестантском идеале выглядит как просто техническое расширение уже существующей модели коммуникации общества и власти в публичной сфере. (Естественно, в процессе эволюции средств массовой информации их религиозные основания были утрачены. Сторонники свободы печати перешли от теологических оснований к ссылкам на естественные права человека.)

Что же касается российской прессы, то она, во-первых, с самого начала своего существования опиралась на общую для России идею святости власти, идею о том, что царь есть помазанник Божий. Сторонники дашевой идеи исходили из того, что где-то наверху есть носитель абсолютной власти, который способен навести порядок и поставить на место носителей власти среднего уровня. Такое представление власти о самой себе и народа о власти задавало вполне определенное социокультурное пространство для коммуникации вообще, и развития массмедиа в частности. Российские массмедиа зародились во времена, когда власть в принципе не нуждалась в каких-либо посредниках между собой и обществом, а общество было не в состоянии возмыслить себя в качестве независимого от государства субъекта. Совершенно очевидно, что в такой системе нет места для публичной сферы, и единственными механизмами обратной связи между подданными и властью становятся челобитные и доносы. Поэтому российские средства массовой информации всегда ориентировались на бюрократию как основную аудиторию и всегда помнили о своем главном читателе – царе, императоре, генерале, президенте. Такая ситуация стала возможной потому, что российские СМИ возникали по инициативе власти как инструмент, обеспечивающий взаимодействие между эшелонами самой власти. Российская пресса с самого начала тесно сотрудничала с властью, и в основе этого сотрудничества лежала не англо-американская схема

«обмен информации на публичность», а значительно более архаичский механизм дарения, когда одна сторона дарует защиту, а другая в благодарность за это публикует полезные для власти статьи.

Во-вторых, по мере вытеснения духовенства на светской жизни российского общества журналисты, литераторы стремились занять это место и превзвонть себе право поучать государей и ваству. Широко известны строки А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова и других российских поэтов и литераторов по этому поводу:

В-третьих, что касается собственно коммуникации, то в России сложилось совершенно специфическое, прямо противоположное протестантскому представлению о коммуникативном акте. Коммуникация понималась — и до сих пор понимается — в российской традиции не как совместный поиск истины, а как способ выражения истины, существующей еще до начала коммуникации. Отсюда и высокая самонадежность любого автора, и уверенность его в том, что не только содержание, но и форма знака являются отражением Божественной истины, отсюда такое внимание к качеству речи и приверженность традиции, характерные для российских СМИ⁸.

Естественно, что внутри этой системы всегда находились элементы ее отрицания. Всегда были журналисты, боровшиеся с властью (правда, чаще всего борьба шла с одной частью власти и велась с благословения другой ее части). Однако те, кто отрицал и боролся, руководствовались при этом вовсе не известным лозунгом Вольтера, а исключительно желанием заменить идеи противников своими идеями.

Все это делает остроактуальной задачу осмысления возможностей использования российских СМИ в качестве организатора диалога с общественностью по поводу ценностей толерантности в системе социальной самоорганизации меняющегося общества.

Обобщение материалов исследований, проводившихся в Независимом институте коммуникативистики в течение

⁸ См.: Дыков Е.Г., Фрейтшвер А.Э. Массовая коммуникация: модели влияния. Как устанавливается повестка дня? — Екатеринбург, 2001.

2002–2006 гг. и в Высшей школе экономики в 2006–2011 гг.⁵, позволяет сделать несколько выводов о том, какова же на самом деле роль СМИ в формировании толерантных/интолерантных отношений в России.

Содержательный анализ публикаций СМИ с точки зрения их влияния на формирование установок толерантного сознания

В методологическом плане в процессе анализа публикаций СМИ исследовательская группа опиралась на положение о том, что нет толерантных или интолерантных слов — есть такое их

⁵ «Научно-методическое общество акций и компаний по пропаганде толерантного поведения в средствах массовой информации» (2002); «Разработка методики и организационного механизма мониторинга содержания продукции средств массовой информации» (2003); «Разработка методики формирования в обществе установок толерантности через средства массовой информации» (2004); «Разработка научно-методических подходов к акселерационно-социальной рекламе, формирующей установки толерантности в молодежной и преподавательской среде» (2005); «Анализ реакции СМИ на социальную напряженность в системе образования» (2006); «Информационная открытость органов местного самоуправления как основа социального партнерства» (2006–2007); «Гражданские коммуникации и гражданское общество: опыт и перспективы эффективного взаимодействия» (2008–2009); «Инновационные технологии бизнес-коммуникаций: стратегии и тактики» (2010–2011). Кроме того, результаты проведенных исследований были представлены в следующих книгах: Янас Лей. Проблемы этнической и религиозной истеричности в российских СМИ. — М., 2002; Мы — союзники. — М., 2002; Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения. — М., 2002; Региональные СМИ и демократия в России. — М., 2003; Пресса и общество. — М., 2003; Толерантность. Журналистика, политика, культура. — СПб., 2003; Гражданское общество в современной Европе. — М., 2003; Социальное насилие и толерантность: реальность и медиаобразы. — М., 2004; Формула общественного доверия: инфоциция-пропаганда? — М., 2004; Как защитить общество от лжи и вражды. — М., 2005; Пресса и общество. — М., 2005; Информационная открытость органов местного самоуправления как основа социального партнерства. — М., 2006; Российские СМИ как социальный образ врага. — М., 2007; Торговля людьми: СМИ как ресурс общественного противодействия современному рабству. — М., 2008; Гражданские коммуникации и гражданское общество. — М., 2009; Толерантность как фактор противодействия ксенофобии: управление рисками ксенофобии в обществе риска. — М., 2011.

использование, которое делает высказывание толерантным или наоборот. Поэтому для изучения текстов печатных СМИ на предмет выявления в них признаков толерантности/интолерантности использовались методы контент-анализа¹⁹ и интент-анализа²⁰.

В текстах выделялись как интолерантные отношения к объектам, так и толерантные. В данном случае учитывалось, что явление толерантности/интолерантности во многом строится на явной или скрытой дихотомии. В качестве ключевой категории, с помощью которой выявлялись признаки толерантности/интолерантности в публикациях, использовалась категория «мы — они» (другим вариантом этой модели, включающим оценочный элемент, становится категория «свой — чужой»).

С целью выявления толерантных и интолерантных установок, транслируемых на аудиторию средствами массовой информации, был проведен анализ ряда общенациональных изданий, которые выходят в Москве, и наиболее популярных изданий регионов России. При этом анализировались все журналистские тексты без предварительного отбора публикаций, содержащих внешние признаки интолерантности. Это позволило избежать опасности субъективной оценки текстов: в каждом отдельном случае оценивался конкретный текст, выявлялись содержащиеся в нем утверждения с признаками толерантности/интолерантности по отношению к конкретному объекту, описываемому в тексте.

Обобщенная картина по всем проанализированным изданиям выглядит следующим образом.

Отчетливо выраженные интолерантные высказывания содержатся примерно в 40% текстов, публикуемых в федеральных и региональных СМИ. Эта величина колеблется очень noticeably как по регионам, так и по годам. Анализ показал, что

¹⁹ Контент-анализ — метод, где единицей наблюдения является текст, под которым понимается любое законченное произведение, являющееся самостоятельным элементом и/или графическое выделение на полке, а также выполняет автоматизированную коммуникативную функцию.

²⁰ Интент-анализ — метод выявления и объективирования неявных форм словесных воздействий, где единицей наблюдения является высказывание, отражающее — в явном случае — отношение толерантности/интолерантности.

в модели действительности, конструируемой российскими СМИ, существует значительное количество образов «чужих», которые в свою очередь распадаются на несколько подгрупп разной степени опасности. В качестве «чужих» в СМИ маркируются представители власти, некоторых народов, «богатые» и «олигархи», мигранты и приезжие, различные религиозные конфессии, а также представители некоторых социальных групп – бомжи, алкоголики, ВИЧ-инфицированные, геи, лесбиянки и т.п. И наконец, присутствует такой универсальный «чужой», как Запад.

Степень враждебности, проявляемой СМИ по отношению к различным «чужим», определяется, как показал анализ, прежде всего приписываемой этим «чужим» агрессивностью. Интолерантными признаются объекты, или несущие в себе какую-либо опасность, например поглощение (экономическое, демографическое, территориальное, идеологическое), или способные на реальную или воображаемую агрессию (наркоманы, бомжи, алкоголики, преступные группы, мигранты, исповедующие иные религии и т.п.).

Другим фактором, влияющим на степень толерантности изданий и поиск «чужих», является идеологическая парадигма, которой придерживаются редакционные коллективы: социального неприятия, социального выживания, социального успеха. Для изданий, ориентированных на парадигму социального неприятия, характерно выделение большого числа интолерантных объектов (поиск образа врага), неприятие любого неадекватности, объяснение трудностей действием внешних факторов. Тут работает схема: Мы («свои») замечательные, добрые, высокодуховные люди, плохо живем из-за злокозненности наших врагов, в то время как Они («чужие») разрушают наше общество.

Издавая, ориентированные на идеологию социального выживания, более толерантны к национальным группам и менее интолерантны к некоторым социальным группам, которые, по мнению посетителей данной идеологии, мешают выживанию. Это отношение выстраивается по схеме: Мы хорошие люди, которым мешает жить достойно; Они создали такие условия, по-за которых мы вынуждены выживать; Они мешают нашему

спокойному существованию. В изданиях, ориентированных на идеологию социального выживания, хорошо относятся к тем группам населения, которые вынуждены страдать из-за чьей-то воли или неблагоприятного стечения обстоятельств.

Для СМИ, ориентированных на идеологию социального успеха, характерен высокий уровень толерантности по отношению как к социальным, так и к национальным группам. Журналисты, исповедующие эту парадигму, менее всего склонны обвинять в своих проблемах какое-либо внешние силы.

В ходе исследования были выявлены и описаны способы, пользуясь которыми авторы воспроизводят события и процессы, обладающие отчетливо выраженным толерантным/интолерантным потенциалом. **Первый способ** – использование при описании событий и процессов таких выразительных средств, которые тонко и незаметно формируют у аудитории определенное отношение к описываемой ситуации, событию или их участникам. **Второй способ** – использование прямых авторских оценок, однозначно указывающих аудиторию на единственно возможное, по мнению автора, отношение к описываемым явлениям или событиям. **Третий способ** – использование различных объяснительных схем, призванных предложить аудитории определенную логику понимания описываемого явления или события. **Четвертый способ** – демонстрация такой модели поведения в рамках описываемых событий или ситуаций, которая, по мнению автора, является самой разумной.

Оказалось, что для формирования определенного образа событий или явлений чаще всего журналисты используют два основных способа: тонированное (т.е. специфическим образом окрашенное) описание и прямую авторскую оценку. Объяснительные и тем более поведенческие модели применяются реже. Некоторые тексты вообще состоят только из двух компонентов: описания и оценки – никаких объяснений и моделей разумного действия не предлагается¹².

¹² Перечисленные выше способы воспроизведения журналистами описываемых предметов и выражения своего отношения к ним для статистического представления результатов мониторинга были обобщены объемам понятия «элементы текста». Элементы текста конкретизируются в терминах «описание», «объяснение», «оценка», «образ разумного действия».

В так называемых агрессивных текстах много разнообразных оценочных средств: оценочная лексика, усилительные эмоциональные частицы, риторические вопросы, риторические обращения и риторические восклицания. Оценочные средства часто усиливаются композиционными приемами – повтором, контрастом, синтаксическим параллелизмом. Это создает высокую степень эмоциональности изложения, его ударной оценочности. Такое поведение журналистов не только способствует созданию непонимания между участниками речевого акта, но и воспитывает у читателя дурной вкус, порождает агрессивные эмоции.

Суждений, которые можно отнести к аналитическим, в подобных текстах существенно меньше, чем описательных и оценочных. Приводимые авторами объяснения причин возникновения дискриминационных, антисемитских практик, поведения скинхедов и иных фашиствующих групп в ряде случаев формируют понимание этих явлений как естественных и неизбежных.

Еще меньше в анализированных текстах суждений, в которых предлагается образ разумного действия (ОРД). Лишь нередко встречаются ОРД, в самом общем виде призывающие к преодолению дискриминации, экстремизма, ксенофобии, расизма.

Таким образом, подтвердилась уже многократно зафиксированная тенденция повышения субъективности в журналистском дискурсе, что связано со стремлением обеспечить не столько информирование, сколько воздействие на общественное сознание и массовую психику. То есть посредством слов определенного содержания и эмоциональной окраски модулируются психологические состояния читающей аудитории и формируются адекватные отношения к тем, на кого направлен «намык вражды». При этом достигается двойной эффект воздействия: прямой и – что, собственно, и является целью исследуемой воздействующей коммуникации – опосредованный, направленный на массовое сознание читающей публики. Создается «сплошной дискурс, который подавляет личность и формирует тоталитарный тип сознания»¹³.

¹³ Кларк М.И. Адресат и адресат: двоякое место пароним // Журналистика в 2013 году: обретения и потери, стратегии развития. Материалы науч.-практ. конф.: В 3 ч. – Ч. 2. – М., 2004. – С. 113.

Большинство исследователей исходит из того, что толерантность СМИ состоит прежде всего в обеспечении пространства для общественной дискуссии по актуальным темам, пространству для диалога, жизненно необходимого в обществе различия. СМИ должны формировать пространство для высказывания различных позиций, вовлечь в процесс обсуждения актуальных проблем разных участников и тем самым реализовывать стратегию толерантности, представляющую разные точки зрения как внутри одного издания, так и в полемике между различными изданиями²⁴. У журналистов есть много различных способов донести до читателей многообразие мнений, точек зрения, существующих в обществе. В теории и практике журналистики разработаны соответствующие технологии: диалогические жанры, к которым относятся интервью, беседа и т.д. При этом, даже используя данные жанры, журналисты достаточно часто ограничиваются выделением одной, по их мнению, правильной, позиции. Однако интолерантные мнения, существующие в обществе, но игнорируемые СМИ, более опасны, чем те, которые становятся предметом обсуждения. В то же время опасными представляются неосторожные, провокационные заявления, опубликованные в печати: они могут повлечь за собой не дискуссию, а эскалацию конфликта.

Для большинства российских печатных СМИ характерна принципиальная установка на монолог автора. Как правило, высказывания в исследованных текстах – это рассуждения журналиста, описание и оценка событий именно с его точки зрения. По сути, здесь главенствует только один источник информации, «чужая» же точка зрения изгоняется: нет никаких форм «чужой» речи. И даже тогда, когда журналист дает как будто «чужое» мнение, источник информации не меняется, потому что журналист пересказывает нам «чужую» точку зрения и делает это не объективно, а оценочно.

Причем оценивается не только «чужая» точка зрения, но и возможный ее носитель, оцениваются реальные люди – потенциальные собеседники журналиста, потому что журналисты используют такие способы наименования своих собеседников

²⁴ Эта позиция, в частности, проверялась в ходе опроса российских журналистов, данные которого приведены ниже.

и их действий¹⁵, которые снижают их авторитет как источника информации, резко уменьшают их право влиять на кого бы то ни было. Особенно опасна ситуация, когда читатель включает себя в этот круг отрицательно оцениваемых лиц.

Таким образом, толерантность можно понимать двояко: как действительный результат постоянной напряженной интеллектуальной работы по реализации ценности диалога или, наоборот, как доведенное до автоматизма «мирное» поведение, вовсе не предполагающее мыслительного обеспечения. В сущности, одно другому не мешает: если в быту можно основываться на автоматизации поведения, на «рефлексе толерантности», то в случае возникновения неординарной, проблемной ситуации может и должен включаться интеллект, обеспечивающий сознательный выбор той или иной схемы поведения. В цивилизованных странах, сверх того, существует еще и правоохранительная система, призванная обеспечивать толерантность в отношениях между любыми субъектами права до тех пор, пока они не выходят за рамки действующего законодательства.

Соответственно есть и два пути формирования толерантных установок. Первый путь предполагает становление господства в обществе культуры и рефлекса толерантности в результате распространения схемы свободного и осознанного личного выбора: сначала свобода, интеллект, диалог, потом рефлекс. Второй — основывается на феномене, который можно назвать «принуждением к толерантности», когда толерантное поведение вводится угрозой репрессий¹⁶. Заметим, что «принудительная толерантность» может иметь и легитимный характер, т.е. основываться на соответствующих законодательных актах. Такую культуру и рефлекс толерантности означенным путем можно сформировать даже проше, чем через средство свободного выбора и интеллекта: второй путь требует десятилетий

¹⁵ Об особенностях восприятия названного по профессии и высоким конфликтам при их использовании см.: Борзова Г.В. «Обидная» категория // Русская речь. — 2001. — № 1. — С. 51–54.

¹⁶ Как известно, «принудительная толерантность» не предвзвешана. Во вполне респектабельном современном «Русском журнале» появилась концепция «принудительной свободы» (каждому должны казаться на Руси вестрами МВД, ФСБ и прокуратуры) (URL: <http://www.russ.ru/cabinet/20061018.html>).

и смены поколений, для первого же хватит нескольких лет. На бытовом уровне для обывателя различия между свободной и «принудительной толерантностью» в итоге могут оказаться исчезающе малыми, но они будут становиться неизбежными и режими в ситуациях, когда сила предрассудков почему-либо перестанет работать¹⁷.

Здесь же следует сказать о том, что сама толерантность может существовать и проявляться в трех формах – личностной, социальной, ситуативной. Под личностной толерантностью предлагается понимать соответствующую систему взглядов и отношений к «другому», которая представляет собой инманентное качество индивида, присущую ему поведенческую парадигму. Социальная толерантность – это следование правилам поведения, предписанным данным социумом (то, что выше было названо «принудительной толерантностью»). Ситуативная толерантность во многом зависит от физического, психологического, эмоционального состояния индивида в ситуации, когда надо проявить толерантность, и может колебаться от самоотверженной борьбы за права «другого» до злости на самого себя за недостаточно активное (а то и агрессивное) поведение.

Отношение массовой аудитории к деятельности СМИ по формированию установок толерантности

В рамках уже упоминавшихся исследований были проведены опросы населения и работников печатных СМИ.

Как выяснилось, основной эмоцией, которую испытывают большинство опрошенных представители населения, сталкиваясь с другими людьми, которые ведут себя по отношению к ним агрессивно и грубо, является возмущение (49,3%). Далее следуют такие эмоции, как презрение и ненависть (35 и 18,8% соответственно); 44% стремятся познать причины такого поведения.

¹⁷ Если не считать сферы идеологии, в СССР с толерантностью все было в относительно нормальном порядке, но, как только распалась система принуждения, начались прямые столкновения Абхаз-Аба, Басу, Фергана, Карабах, Осетия, Ингушетия, Абхазия, Приднестровье и, наконец, Чечня, за долгие годы ставшая едва ли не главным фактором российской внутренней политики.

Спокойно относятся к таким формам поведения 12,5% опрошенных и 4,9% закидуют. Еще 8% затруднились с ответом или предложили другой ответ (боль, грусть, жалость, нежелание идти на рожон, смущение, уважение, удивление). Таким образом, можно предположить, что большинство опрошенных готово реагировать на проявления интолерантности по принципу «око за око»²⁸.

Если нашим респондентам приходилось самим выступать в роли интолерантного человека, то большинство из них (39,8%) испытывало ненависть к тем обстоятельствам, которые вынудили их к этому. Другая группа (38,5%) испытывала чувство ненависти к тем конкретным индивидам, которые спровоцировали агрессивное поведение. 34,2% опрошенных было стыдно за свое поведение. Позитивные эмоции в виде удовлетворения от того, что удалось добиться своего, охватывали примерно 15%, а 10% вообще не ощутили никаких эмоций, поскольку агрессия для них — состояние привычное.

Итак, можно констатировать, что в подавляющем большинстве случаев наши соотечественники, попадающие в ситуацию вынужденной интолерантности, испытывают по отношению к себе или виновникам этой ситуации негативные эмоции. Однакостораживает и довольно большой процент людей, которые относятся к себе в роли интолерантного индивида вполне спокойно.

Судя по ответам большинства опрошенных, наиболее ярко нетерпимость, ожесточенность, агрессивность проявляется в таких составляющих бытовой сферы нашей жизни, как улица, транспорт, общественные места, а также политика и правоохранительная сфера. Это лидеры. Затем идут информационная сфера, включая деятельность средств массовой информации, и сфера обслуживания. В сумме 30% опрошенных отмечают широкое распространение интолерантных отношений в семейной (частной) жизни и на работе. Не может не наводить на грустные размышления тот факт, что более 20% опрошенных сталкивались с проявлениями нетерпимости, грубости в сферах

²⁸ Здесь и далее все данные приведены в процентах к числу опрошенных. Если сумма превышает 100%, значит, вопрос предполагал возможность выбора нескольких вариантов ответа.

социального обеспечения и здравоохранения — там, где такое отношение не должно присутствовать по определению! Спорт, образование, культура, досуг занимают этот список.

Отвечая на вопрос о том, как можно объяснить причины зафиксированного большинством опрошенных повышения в последние годы нетерпимости, агрессивности во взаимоотношениях между людьми и во всех сферах общественной жизни, респонденты на первое место поставили низкий уровень жизни (71,5%); следующая группа причин включает в себя низкий образовательный и культурный уровень населения (59,7%); далее идет ссылка на массированную пропаганду агрессивности и ксенофобии, осуществляемую средствами массовой информации (55,3%).

Достаточно большое количество участников опроса отметили дурной пример, подаваемый государственными и политическими лидерами, плохую работу учреждений культуры и образования, призванных воспитывать людей в духе терпимости, и исторические традиции грубости, нетерпимости, ксенофобии в обществе.

Среди причин назывались и влияние криминальной субкультуры, и интеграция в западное общество, отсутствие духовности, плохая работа правоохранительных органов и слабость власти.

Отвечая на контрольный вопрос «С чем связано бытующее мнение, что в некоторых странах Запада уровень терпимости и уважительного отношения к другим людям выше, чем в России?», опрошенные подтвердили свое мнение о том, что главными факторами, способствующими формированию толерантности, являются высокий уровень жизни, культурные традиции и соответствующая деятельность правоохранительных органов. Впрочем, практически 40% респондентов уверены, что нетерпимость есть в любой стране.

В ходе исследования была сделана попытка определить перечень явлений, процессов, фактов, форм поведения, по отношению к которым, по мнению опрошенных, нельзя быть терпимым. Изысканные материалы свидетельствуют о том, что подавляющее большинство участников опроса (84%) уверены в том, что существуют такие явления, факты, процессы, формы

поведения, по отношению к которым понятия «толерантность», «терпимость» вообще неприменимы. Конкретный перечень соответствующих объектов получился весьма внушительный. Группировка ответов показала, что толерантность, по мнению опрошенных, не может быть распространена на:

- **социальные действия**, с которыми надо бескомпромиссно бороться, — это прежде всего терроризм; затем — преступность, бандитизм, коррупция, взяточничество, казнокрадство, произвол чиновников, бюрократизм, расизм, национализм, ксенофобия, шовинизм, наркомания и многое другое;
- **социальные институты**, такие, как здравоохранение и социальное обеспечение;
- **социальные общности**, такие, как фанатизм, сектоиды, сектанты и сексуальные меньшинства;
- **этнические общности** — здесь были названы «лица кавказской национальности», цыгане, чеченцы, китайцы;
- **различные типы индивидов** — на первом месте в этой группе оказались мафия и садисты; в эту же группу попали суицидники, работники ЖКХ, педофилы, гомосексуалисты;
- **такие человеческие качества**, как беспардонность, наглость, хамство, грубость, а также жестокость, упрямство, фанатизм, глупость, лживость, подлость и пр. (эти качества вызывают у опрошенных наиболее резкое осуждение);
- **действия**, которым не может быть прощения, — насилие (назвали более половины опрошенных), оскорбление личного достоинства, унижение и предательство.

Для уточнения предеталлений опрошенных по поводу объектов интолерантности в рамках исследования была проведена процедура, в ходе которой респондентам предлагалось заполнить специальный бланк, в котором нужно было зафиксировать свое мнение по поводу того, как в России относятся к представителям различных социальных групп, наций, этносов, структур и т.д. Оказалось, что, по мнению участников опроса, определенные социальные группы, нации, этносы, структуры обладают в массовом сознании вполне однозначными маркировками. Так, например, геи, лесбиянки, трансвеститы маркируются чаще всего как представители групп, вызывающих заведомо негативное отношение. Те же самое относится

к алкоголикам, наркоманам, бомжам, бывшим заключенным, беспризорникам. Достаточно высок уровень негативизма по отношению к мигрантам и вынужденным переселенцам. Богатые и нищие тоже, по мнению каждого десятого опрошенного, заслуживают негативного отношения.

Другими словами, любой, кто по какому-либо причине существенно отклоняется от некоей общепризнанной нормы, может стать объектом интолерантности.

В сфере межнациональных отношений, по мнению опрошенных, есть нации и народы, обладающие как высокой позитивной, так и высокой негативной маркировкой. К первым относятся русские, итальянцы, англичане, французы, испанцы, греки и белорусы, набравшие свыше 40% позитивных оценок; ко вторым – цыгане, чеченцы, азербайджанцы, китайцы, таджики, американцы, грузины, набравшие от 47 до 27% отрицательных оценок.

Опрошенным была дана возможность оценить отношение россиян к различным вероучениям. Полученные данные свидетельствуют о том, что и в этой области существуют довольно жесткие и однозначные стереотипы. Наиболее положительно, по мнению опрошенных, в России относятся к христианству, прежде всего к православию, затем – к католическому вероучению, буддизму и протестантизму. В число религиозных направлений, которые получали стабильно отрицательные оценки, попали ваххабиты, сунниты, шииты, киккеры, адвентисты и даже последователи бахаизма, о котором в России вообще мало что известно.

Если же говорить о властных структурах, то положительные оценки получили Президент РФ и Председатель Правительства. Остальные органы власти вызывают у опрошенных лишь негативные эмоции.

На общественных организациях позитивно были отмечены экологические и правозащитные организации.

Все сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что в массовом сознании укоренено множество негативных и позитивных стереотипов, которые определяют отношения (а иногда и действия) значительного количества людей. И приходится констатировать, что среди этих стереотипов

немало таких, которые плохо согласуются с доктриной толерантности¹⁹.

В ходе исследований был задан вопрос: «Что нужно делать, чтобы сформировать в России общество, в котором бы уважалось право человека “быть другим”, чтобы отношения между людьми носили толерантный характер?» Результаты опроса таковы. Около 20% считают, что в России в принципе невозможно сформировать терпимое, толерантное общество. Более 10% полагают, что добиться решения этой задачи можно в том случае, если власть и президент будут всеми имеющимися в их распоряжении средствами бороться с нетерпимостью. Подавляющее большинство опрошенных (почти 70%) полагают, что нетерпимость, агрессивность можно победить только всем миром; с ней должны бороться и власти, и все граждане.

Большинство опрошенных (почти 75%) считают проблемы борьбы с нетерпимостью, агрессивностью, экстремизмом важными и актуальными для освещения в российских СМИ. Сознательных противников такой точки зрения немного — чуть более 6%. Остальные затрудняются ответить на этот вопрос.

Что же касается собственного отношения к соответствующим передачам и публикациям, то, как показало исследование, проблематика толерантности/интолерантности представляет собой предмет осознанного интереса лишь для весьма незначительной части аудитории — около 9% опрошенных. Несколько больше (13,2%) тех, кто эту проблематику игнорирует, даже если соответствующая публикация или передача попадается

¹⁹ Аналогичные результаты были получены в июне 2011 г. в ходе исследования «Двадцать лет реформ глазами россиян», которое проводилось Институтом социологии РАН при поддержке пермского Фонда Эберта. Социологи диагностировали в России высокий уровень готовности к насилию, в том числе по этническому признаку: 53% русских и 48% верующих признают, что в их населенных пунктах бывает столкновение на национальной почве. 70% русских и 60% нерусских испытывают неприязнь к людям некоторых национальностей. Насильственные выдворение представителей других народов из своего населенного пункта одобрили бы 40% русских и 34% нерусских (см.: Суров М. Боевая готовность. URL: http://www.ru.sovnetforum_country/20110623/302724441.html).

им на глаза. А в сочетании с теми, кто вообще не интересуется темой толерантности/интолерантности (11,3%), группа равнодушных становится довольно ощутимой — это практически четвертая часть участников опроса. Большинство же (около 70%) относится к соответствующим материалам достаточно безразлично, хотя готовы их смотреть, читать и слушать, если они будут сделаны интересно и профессионально. Это значит, что регулярное освещение этой проблематики в СМИ требует особого творчества и профессионального мастерства, выдумки и азарта журналистов.

В ходе исследования были получены также сведения о том, по каким медийным каналам опрошенные получают информацию о проблемах толерантности/интолерантности. Как и следовало ожидать, это в первую очередь телевидение (почти 80% опрошенных), затем газеты (более 40%), разговоры с друзьями и коллегами (чуть менее 40%) и радио (30%). Журналы и специальная литература занимают в общем спектре информационных каналов весьма незначительное место. В последние годы заметно увеличилось количество участников опроса, которые в качестве канала информации о борьбе с проявлениями интолерантности предпочитают использовать Интернет (за время наблюдений их число выросло с 6 до почти 23%).

Оценивая роль российской прессы с точки зрения формирования установок толерантности и профилактики экстремизма в российском обществе, большинство опрошенных (более 60%) согласилось с суждением, что на сегодняшний день СМИ являются трибуной для высказывания различных, в том числе и экстремистских, взглядов. Около 18% рассматривают СМИ как беспристрастного информатора, не имеющего собственной точки зрения. Примерно столько же (17%) видят в СМИ сознательного пропагандиста экстремизма и насилия. Очень незначительное количество (5%) увидели в СМИ пропагандиста установок толерантности.

Представления журналистов о проблемах толерантности и возможных технологиях формирования установок толерантности в средствах массовой информации

Поддавливающее большинство опрошенных журналистов (86,5%) согласны с утверждением, что существуют такие явления, процессы, факты, люди, по отношению к которым нельзя быть толерантным. В списке таких явлений, процессов, людей первые позиции занимает, как и у населения, все, что связано с насилием, — терроризм и экстремизм, наркобизнес и наркоманья, фашизм, преступность, бандитизм и т.д. Список, предложенный журналистами, отличается от списка, сформированного представителями населения, значительно более высоким весом таких социальных явлений, как коррупция, национализм, беззаконие.

Характеристику свое отношение к людям, ветеринарным к чужому мнению, агрессивным, грубым, не останавливающимся ни перед чем для достижения своей цели, т.е. к людям нетолерантным, журналисты чаще всего называли такую позицию, как «пытаться понять причины такого поведения». Такая интеллигентно-рассудочная установка характерна более чем для половины опрошенных журналистов. Возмущение нетолерантным поведением испытывает примерно такое же количество участников опроса, презрительно встречает нетолерантное поведение почти четверть опрошенных, стыдится ветеринарных индивидов 18% журналистов.

Ответы на предыдущий вопрос хорошо согласуются с ответами на вопрос о том, как поступают опрошенные в ситуациях, когда лично сталкиваются с агрессивностью, грубостью. Более 40% опрошенных журналистов игнорируют такое поведение, около четверти — пытаются прозвонить грубияна, 18% отвечает грубостью на грубость, примерно столько же предпочитают иные схемы взаимодействия с нетолерантными индивидами — высмеивание, убоганье, применение силы.

Журналисты, которым приходилось прибегать к нетолерантным формам поведения, чаще всего испытывали стыд (48%). На втором месте — ненависть к тем, кто спровоциро-

вал такое поведение (25,3%). На третьем – резкое неприятие нашей жизни, которая вынуждает людей к такому поведению (23,9%). Интересно, что все три доминирующие эмоции у журналистов и представителей населения совпадают, а вот их иерархия выстраивается с точностью до наоборот (паномним: население прежде всего возмущается жизнью, которая довела их до такого поведения). Журналистов, которые не испытывают никаких эмоций по поводу себя-инtolерантного или испытывают положительные эмоции, существенно меньше, чем таких людей среди населения.

По мнению опрошенных журналистов, совпадающему с мнением населения, наиболее инtolерантными сферами нашей жизни являются улица, транспорт и др. На второе место по степени инtolерантности поставлена полетника. Затем – правоохранительная сфера. Это безусловные лидеры инtolерантности. Во вторую группу входят сфера обслуживания, семейная (частная) жизнь, информационная сфера (включая деятельность средств массовой информации) и социального обеспечения. Интересно отметить, что журналисты – представители информационной сферы – относятся к ней дольнее, чем население, которое считает ее значительно более напряженной с точки зрения проявленной инtolерантности.

Опрошенные журналисты полагают, что главной причиной повышения уровня инtolерантности в современной России является низкий уровень жизни. В этом они солидарны с населением. На второе место журналисты поставили низкий образовательный, культурный уровень населения. На третье – массированную пропаганду нетерпимости, агрессивности и ксенофобии, осуществляемую СМИ. На четвертое – плохой пример, подаваемый государственными и политическими лидерами. Такие причины, как плохая работа учреждений культуры и образования, призванных воспитывать людей в духе толерантности, и исторические традиции грубости, нетерпимости, ксенофобии заняли соответственно пятое и шестое места.

Журналистам был задан вопрос: «Как можно оценить влияние различных государственных и общественных институтов

на состояние общественных прав в России с точки зрения толерантности/интолерантности?» Полученные ответы свидетельствуют о том, что в сознании журналистов существует своеобразная иерархия институтов (ведомств и организаций), в которой они располагаются на шкале «способствующие созданию атмосферы интолерантности». Здесь лидируют правоохранительные органы (почти 60% опрошенных). Затем идут армия и политические партии (чуть более 40%). Государственная дума РФ, по мнению журналистов, также вносит существенный вклад в формирование в российском обществе атмосферы интолерантности. Так думает треть опрошенных. Однако больше, чем Госдума, формирование интолерантности способствуют все-таки коммунальные службы – вечные враги человека... Затем вперемешку идут новые религиозные движения, органы управления городского уровня, средства массовой информации, ГИБДД, судебная власть РФ. Такова первая десятка интолерантных структур.

Если же говорить об институтах, которые, по мнению журналистов, благотворно влияют на общественные права, вносят мир и согласие, то к таковым относятся прежде всего общественные организации. Так думают около 50% участников опроса. Следующее место занимают традиционные церкви, толерантный потенциал которых отметили около 45% опрошенных журналистов во всех регионах, в которых проводилось исследование. На третьем месте в этом условном рейтинге структур, позитивно влияющих на общественные права, – правозащитные организации, авторитет которых в журналистском мнении в последние годы возрос. Их отметили 42,6%. Стабильное четвертое место во всех регионах занимают экологические организации, и это означает, что они уже избавились от репутации экстремистов, которую им старательно приписывали некоторые российские СМИ в прошлые годы. На пятом месте в числе толерантных структур – Администрация Президента РФ. Таково мнение 18% опрошенных журналистов.

Во вторую четверку институтов, способствующих толерантности, входят, по мнению опрошенных журналистов, средства массовой информации, судебная власть, Прави-

тельство России, органы национальной безопасности, профсоюзы²⁸.

Около 40% опрошенных журналистов (примерно столько же, сколько и среди опрошенных представителей населения) полагают, что разговоры о том, что в странах Запада уровень толерантности выше, чем в России, не более чем миф, так как нетерпимость есть везде. Те журналисты, которые согласны с мнением о том, что уровень толерантности в странах Запада выше, чем в России, объясняют это так же, как и представители населения, а именно более высоким уровнем жизни, нормами культуры, традициями и действующей системой санкций за нетолерантное поведение.

К идее возможности формирования толерантного общества в России многие журналисты (27,2%) относятся весьма скептически, однако 66% опрошенных полагают, что если за это встанет весь мир, то, может быть, что-нибудь и получится. Около 7% опрошенных работников СМИ полагают, что борьба с нетерпимостью — это прерогатива президента и органов власти.

Подавляющее большинство опрошенных журналистов (83,8%) убеждены в том, что СМИ должны более активно, чем в настоящее время, заниматься освещением проблем толерантности.

Оценивая свою сегодняшнюю роль, большинство опрошенных журналистов категорически не согласны с обещаниями, что именно СМИ являются пропагандистом экстремизма и насилия, о чем много и часто пишут и говорят некоторые эксперты и политики. Но в еще меньшей мере они видят в современной российской прессе пропагандиста установок толерантного сознания. Большинство опрошенных журналистов (68,3%) считают, что СМИ прежде всего являются трибуной для высказывания различных взглядов.

Признавая, что отдельные журналисты действительно распространяют в СМИ экстремистские настроения, более 40% респондентов-журналистов объясняют такое поведение

²⁸ Средства массовой информации и судебная власть попали в оба списка, что говорит об их двойственном образе, сложившемся в сознании журналистов.

прежде всего материальными соображениями. Как было написано в одной из апок, «некоторые журналисты делают то, за что им платят больше. Следовательно, надо не на журналистов “бочки капить”, а искать заказчика». Около трети опрошенных журналистов полагают, что те, кто так выступают, просто не понимают, что делают. Некоторые журналисты просто хотят привлечь к себе внимание. Вместе с тем чуть более 10% опрошенных журналистов считают, что есть и такие коллеги, которые сознательно используют трибуну СМИ для продвижения в массы своих нетерпимых убеждений.

Что же нужно делать для того, чтобы повысить толерантный потенциал СМИ, предотвращать появление в печатной и электронной прессе заведомо интремистских материалов? Если убрать некоторые заявления типа «надо закрыть все СМИ», то вырисовывается следующая картина. Главным средством опрошенные считают соблюдение всеми журналистами профессиональных этических кодексов. Таково мнение 62%. Важное значение около половины опрошенных журналистов придают укреплению законодательной базы, регулирующей действия работников СМИ. Третье средство повышения толерантности публикаций – это внедрение идей и духа толерантности в деятельность журналистов посредством специальных семинаров, конференций, обсуждений, тренингов и др. Определенную роль, но не очень значительную, по мнению опрошенных журналистов, может сыграть создание разнообразных структур, которые будут проводить профессионально-экспертную оценку спорных публикаций, осуществлять так называемый общественный контроль за СМИ. Лишь единицы высказались за установление жесткого цензурного контроля над СМИ.

Формулируя всекую позитивную программу действий, осуществляя которые СМИ могли бы более энергично способствовать становлению толерантного сознания, опрошенные журналисты выделяли следующие направления своей деятельности:

1) формирование у людей уважения к разнообразию различных мировых культур, цивилизаций и народов, готовность к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися во внешности, языке, убеждениям, обычаям и верованиям (69,6%);

2) отражение разнообразия культурных ценностей, идей и мнений в обществе (55,1%);

3) раскрытие антиобщественной природы экстремизма в различных его формах, противодействие ксенофобии, фашизму, фанатизму и фундаментализму (52,1%);

4) помощь конструктивному взаимодействию социальных групп, имеющих различные ценностные, религиозные и политические ориентиры, содействие снижению социальной напряженности в обществе (31,9%);

5) способствование выработке у населения нормы толерантного поведения и навыков межкультурного взаимодействия (30,8%).

Таким образом, полученный материал дает основания для серьезных размышлений о разработке редакционных программ, направленных на формирование установок толерантного сознания.

Выводы

Материалы исследований, о которых шла речь выше, позволяют сделать некоторые важные выводы.

1. Уровень агрессии в российском обществе определяется несколькими группами факторов: социальными, экономическими, политическими, культурными, медийными.

Говоря о медийных факторах, которые являются предметом рассмотрения в данной статье, следует отметить, что проведенные в последние годы исследования, касающиеся проблемы отражения насилия в СМИ, показывают, что средства массовой информации России, освещая проблему насилия, в основном живут жесткостью, с которой участники насильственных акций расправляются друг с другом. Все это приводит к тому, что массовое сознание отнюдь не настраивается на борьбу с насилием, а, наоборот, начинает либо воспринимать его как естественный элемент жизни, либо восхищаться насилием и насильниками.

СМИ активно используют различные методы воздействия, формируя в чьих-либо интересах отношение аудитории к событиям или явлениям при помощи мифов, стереотипов,

слухов. Это способствует созданию определенным образом ориентированного контента, который задает неадекватные образы действительности (медиаобразы). Не ощущая подмены эмпирической действительности предлагаемой медиареальностью, аудитория выстраивает свои отношения с окружающим миром, ориентируясь во многом не на саму реальность, а на интерпретацию, которую предлагают СМИ.

2. На сегодняшний день сложилось несколько подходов к пониманию роли СМИ в формировании установок толерантности.

С позиции первого – управленческого – подхода СМИ рассматриваются в качестве активного субъекта информационной, воспитательной, пропагандистской деятельности, и они либо плохо эту деятельность осуществляют, либо сознательно «обезличивают» народ, выполняя чью-то злую волю.

Второй подход предполагает, что СМИ представляют собой зеркало, которое отражает то, что происходит в жизни. Следовательно, если и можно в чем-либо обвинять СМИ, так только в том, что они не успевают все отразить (а это проблема мощности каналов и денег), или в том, что отражение иногда некачественное (а это проблема профессионализма журналистов, т.е. в конечном счете – тоже денег).

С точки зрения третьего подхода СМИ – это обыкновенный бизнес и они делают ту продукцию, которую желает видеть потребитель, продавая эту продукцию аудитории, а саму аудиторию – рекламодателю. При таком подходе вопрос о воздействии или адекватности отражения действительности просто снимается.

Сторонники четвертого подхода опираются на идею о том, что главной задачей СМИ является организация диалога между различными социальными силами. В этом случае СМИ – профессиональный модератор, который умеет организовать обсуждение, помогает точно выразить свое мнение тому, кто не может адекватно сформулировать свои мысли. СМИ должны стремиться помочь высоким договаривающимся сторонам достичь согласия.

Исходя из этого можно утверждать, что в деле воспитания толерантности чисто просветительские, пропагандистские

мероприятия принесут мало пользы. Нужен активный диалог с разными группами населения по различным поводам. Диалог, стимулирующий размышления и поступки, направленные на формирование атмосферы толерантности в российском обществе.

3. Для того чтобы СМИ стали влиятельным ресурсом формирования установок толерантности, должны быть преобразованы институциональные основы их функционирования.

Речь идет о месте СМИ в системе общественных институтов. На сегодняшний день господствуют модели, согласно которым СМИ являются либо ресурсом информации и коммуникации, либо посредником между властью и населением. Пришло время понять, что эффективность СМИ многократно возрастает, когда они влиты в плотную сеть гражданского общества, составляют необходимый элемент процессов самоуправления и саморазвития граждан.

4. Важным фактором, влияющим на эффективность СМИ как ресурса формирования толерантных установок, является признаваемая всеми общественными институтами и ощущаемая аудиторией независимость СМИ от власти и бизнеса.

Стремясь к независимости, журналистское сообщество должно отчетливо видеть меру своей ответственности за состояние общества. Пора перестать рассматривать аудиторию как объект манипуляций или совокупность потребителей информационного продукта и увидеть в читателях, зрителях, слушателях суверенных личностей, обращающихся к медиатеку с целью найти в нем образцы человеческих способностей и качества, усвоение которых позволит этим личностям расширить свои собственные человеческие возможности. СМИ должны стать источником необходимых для аудитории способов и методов разрешения стоящих перед людьми проблем, включая демонстрацию путей личностного самосовершенствования и освоения технологий толерантности.

5. Для того чтобы эффективно участвовать в формировании установок толерантности, сами СМИ должны овладеть принципиально новым инструментарием профессиональной деятельности, обеспечивающим организацию

массового диалога между всеми участниками социальных процессов.

Идея толерантности идеально укладывается в рамки диалога («Диалог — путь к толерантности»). Это естественно, поскольку в идее диалога находит свое выражение неизбежность сосуществования (предпочтительно мирного) представителей разных позиций: идет ли речь о человеческом роде или о студенческом сообществе. Встречаясь с «другим», мы неизбежно оказываемся перед дилеммой: считать ли свою позицию и свои взгляды верными, а позицию и взгляды «другого» — ошибочными либо считать и те и другие равноправными, но тогда уже частными и частичными. Выбор первого пути ведет к борьбе с инакомыслием (которая рано или поздно обязательно превращается в борьбу с мыслящим и мыслящим как таковым), выбор второго — к диалогу, партнерству (а иногда к соперничеству, но ограниченному определенными рамками, в предельном случае — рамкой права).

6. Подобный подход предъявляет довольно высокие требования и к журналистам, работникам СМИ, и к системе взаимоотношений между СМИ, властью, обществом. При этом сами журналисты определяют комплекс мер, реализация которых позволит повысить успешность участия СМИ в формировании в обществе установок толерантности.

7. Использование потенциала СМИ для эффективного противодействия экстремизму и ксенофобии несовместимо с введенным ограничением свободы слова и свободы СМИ и осуществлением лобовой пропаганды толерантности и мультикультурализма.

Не стоит уповать на то, что зрелищной «языка вражды» и демонстрацией образцов толерантного поведения можно изменить общую атмосферу в стране. Для этого всем субъектам общественного развития — гражданам и организациям, представляющим их интересы, органам власти, бизнес-структурам и средствам массовой информации — предстоит пройти долгий и трудный путь пересмотра многих, казавшихся неизменными представлений и культурных установок.

Нгуен Ван Зынг,

доцент, декан факультета журналистики при Академии журналистики и коммуникаций (Вьетнам, Ханой)

<_>И очень рад тому, что вновь побывал в Москве в 2012 году, но было очень грустно оттого, что мне не удалось встретиться с моим учителем, научным руководителем моей кандидатской диссертации, защищенной на факультете журналистики МГУ, профессором Е.П. Прохоровым. В глубине сердца и навсегда сохранил к нему чувство глубокого уважения, как к отцу. Он был очень строгим человеком в работе и очень добрым, добрым – в жизни. Профессор Е.П. Прохоров был наставником Учителем, который со всей душой относился к своим ученикам, – всегда помогал им.<_>

*Из письма д-ра Нгуен Ван Зынг,
присланного к публикации вместе со статьей¹*

ОППОНИРУЮЩАЯ РОЛЬ ПРЕССЫ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Постановка вопроса

Системный подход к изучению средств массовой информации основывается на положении о том, что СМИ являются одной из основных подсистем социальной системы и поэтому функционируют в зависимости от доминирующего воздействия на них этой социальной системы, а также от влияния других подсистем, с которыми они связаны отношениями, существующими в определенных исторических условиях. Эти отношения, и в частности между прессой и общественным мнением, всегда имели научно-практическое значение и служили предметом особого внимания социологов, политологов, психологов, а также политических, общественных деятелей, деятелей культуры, которые часто использовали различные способы их поддержания исходя из своих целей. В теории и практике современной журналистики проблема взаимоот-

¹ Благодарю доц. А.И. Вервонкову и ст. науч. сотр. Т.В. Шувакину за помощь в подготовке статьи нашего вьетнамского коллеги Нгуен Ван Зынга к печати. – *Н.Е. Прохоров*.

ношений между прессой и общественным мнением – одна из важнейших, привлекающих внимание исследователей, руководителей, менеджеров, журналистов-практиков.

Вследствие этого теория прессы должна рассматривать эти отношения системно и конкретно, в совокупности научных и практических аспектов.

Данная статья призвана внести свой вклад в обсуждение важной роли социальных медиа и общественного мнения на основе нового подхода к феномену общественного мнения для достижения более четкого представления о тесной взаимосвязи между прессой и общественным мнением в современном обществе.

О сущности общественного мнения и подходе к общественному мнению как элементу массового сознания

С точки зрения истории общественное мнение представляет собой социальное явление, происходящее с возникновением человеческого общества. Это социальное явление начало формироваться с возникновением первобытной общины. На заре истории человечества общественное мнение играло ориентирующую и самоконтролирующую роль в восприятии окружающего мира, в отношениях и поведении людей и сообществ. Оно проявлялось через изначальную форму сообщения друг другу информации с помощью символов о способах собирания пищи, о поведении хищников и т.п. в небольшой коммуникационной группе и межгрупповых связях. С научной точки зрения понятие общественного мнения впервые появилось в XII в. (1159) и связано с именем писателя и общественного деятеля британца Джона Солсбери (John Salsbery). В конце XVIII в. оно было использовано Жан-Жаком Руссо (Jean-Jacques Rousseau), что имело большое значение для развития Просвещения во Франции.

По мере формирования интеллектуальных навыков, духовной жизни народа и демократии в Европе общественное мнение «взошло на престол» в конце XVIII в. В XX в. оно пошло в центр внимания и все чаще становилось предметом интереса

практической государственной и теоретической деятельности, а также различных наук, таких, как политология, право, социальная психология, социология и журналистика.

Так, по мнению Глена М. Врума (Glen M. Vroom), профессора Школы коммуникации при Университете Сан-Диего (США), общественное мнение представляет собой совокупность взглядов какой-либо группы людей в определенное время; общественное мнение не может быть определено в качестве личного сознания, оно формируется в группе людей, которые обмениваются мнениями и совместно определяют характер проблемы, создавая, почему эта проблема является социальной и что нужно сделать, чтобы решить ее. Хотя этот процесс связан с восприятием конкретных личностей, со взглядами каждой из них на социальные вопросы или другие проблемы, итог по форме и содержанию будет зависеть от результатов общественных дебатов.

Еще в XIX в. писатель Джеймс Рассел Лоуэлл (James Russell Lowell), первый редактор журнала *The Atlantic Monthly*, сказал: «Давление общественного мнения похоже на атмосферное давление. Оно всеобщее, но на каждый квадратный сантиметр вашего тела приходится несколько килограммов давления»². По мысли автора, сила общественного мнения есть в любой сфере общественной жизни и она постоянно меняется.

Что касается эмпирического социологического подхода к определению феномена общественного мнения, то оно может быть несколько иным. Так, Варнер (Wagner) ограничивает понимание общественного мнения рамками опросов. Он считает, что общественное мнение состоит из реакций людей на те или иные заявления, а также на непосредственные вопросы в условиях интервьюирования. По Чайлдсу (Childs), высказание общественного мнения предполагает «сбор» личных мнений в любых местах, где можно их выявить³. В этой связи вспомним, что, по утверждению Гегеля, не заслуживает внимания рассмотрение общественного мнения с точки зрения содержания

² Цит. по: *Наука Кипа Гланс. Социология общественного мнения*. – Хайвей, 2005. – С. 98.

³ См. об этом: *Общественное мнение: природа, формирование, роль*. – М., 1963.

и конкретных слов, но достойно уважения его рассмотрение с точки зрения сущности, природы, в качестве единственного субъекта, который может пролить свет на конкретные явления. В то же время, по словам немецкого философа, картина общественного мнения может быть «мутной», включать в себя примитивные, сырые, произвольные суждения, основываться на невежестве, искажении, лжи¹.

В современной науке формулируется идея, согласно которой общественное мнение является выражением состояния социального сознания определенной общности, это суждения, оценки большинства представителей сообщества по поводу событий, явлений, процессов, связанных с социальными потребностями, интересами их носителей в определенное время². Общественное мнение — это совокупность социальных потоков личных мнений о проблемах, событиях, явлениях времени.

Различные точки зрения существуют и о внутренних функциях и особенностях общественного мнения, например:

1. Каждый поток мнений является совокупностью личных одинаковых мнений.

2. Общественное мнение может включать в себя различные потоки суждений, даже противоречащие друг другу.

3. Потоки мнений могут быть широкими (большинство, множество) или узкими (только некоторые).

4. Общественное мнение представляет собой совокупность личных спонтанных мнений, а не «организованное» мнение, которое формируется путем организованных действий (конференции и семинары).

5. Общественное мнение не есть простая сумма личных спонтанных мнений, а является совокупностью социального духа, выражающего сознание, волю и эмоции определенных социальных сил.

6. Общественное мнение способно возникать только по актуальным событиям, явлениям и социальным вопросам (касающимся интересов, отношений многих людей).

Российские ученые также изучали феномен общественного мнения — само понятие, сущность, структуру, функции и его

¹ Виль Г.В. Ф. Пата, собр. соч. — Т. 7. — Хайль, 1958. — С. 324, 332.

² Общественное мнение об инновациях. — Халко, 1999. — С. 14.

роль в процессе социального развития. Например, по мысли В.К. Падерина, «общественное мнение является совокупностью мнений, которые в основном выражаются в решении, оценке, идентификации (словесной или невербальной), отражают реальное значение процесса, явления, события для группы, класса, общества в целом и передает открыто или скрыто... отношение больших и малых социальных групп к проблемам жизни общества, касающимся их общих интересов».

М.К. Горшков, журналист и социальный исследователь, в своей работе об общественном мнении называет следующие его особенности: это подвижное, текучее образование, которое развивается в континууме точек, «способ проявления сознания вообще, в котором может быть заключено духовное, духовно-практическое или практическое отношение субъекта к дискуссионному по характеру объекту действительности, затрагивающему его потребности и интересы»⁶.

Таким образом, можно выделить следующие особенности общественного мнения. Во-первых, оно всегда связано с его носителем – большой группой людей, с их потребностями и практическими интересами. Во-вторых, общественное мнение присутствует в каждой области общественной жизни (политической, экономической, идеологической, сфере образования и нравственности и т.д.). В-третьих, оно имеет потенциал социальной психологии в целом; как критический фактор может стимулировать конкретные направления изменений или, напротив, стабильность социальных действий и поведения людей.

Вследствие развития образования, культуры, повышения информированности людей и благодаря средствам массовой информации сфера общественного мнения расширяется и, что все более очевидно, быстро становится фактором социальных изменений⁷. Таким образом, общественное мнение является особой формой сознания или осознания массы, – это форма выражения живого общественного сознания.

Б.А. Грушин, известный теоретик и практик исследовавший общественное мнение, вслед за философами видел в структуре

⁶ Подробнее см.: Горшков М.К. Общественное мнение. – М., 1988. – С. 112.

⁷ Там же. С. 36.

общественного сознания три важных элемента, или формы. Во-первых, это формы эмоционального отражения (эмоционального и интуитивного) — привычки, вкусы, эмоции, чувства, возбуждения, настроения, впечатляющие образы, страсти. Во-вторых, логические, рациональные, познавательные элементы — абстрактные понятия, значения, стандарты, предпочтения и ориентации. В-третьих, идеальные, иррациональные образования, в том числе произведения художественной литературы, верования, учения, включая разного рода утопии. Грушин подчеркивал, что общественное мнение как бы перекрывает все существующие формы сознания или, точнее, входит в каждую из них в качестве своеобразного способа их существования. При этом «оно входит в состав той или иной формы сознания с разной степенью интенсивности и в сфере политики оно имеет самое широкое хождение и обладает весьма большой реальной силой». По мнению ученого, общественное мнение есть не что иное, как «общественное сознание со сломанными внутри него перегородками». Разрабатывая концепцию массового сознания, Грушин определял общественное мнение как идеалистическое образование, характеризующееся массовостью. Это есть, писал он, «состояние массового сознания, заключающее в себе отношение (скрытое или явное) различных групп людей к событиям и фактам социальной действительности». Что касается субъектов (носителей) общественного мнения, то, считал исследователь, они помимо общества в целом могут быть различные общности людей, объединяющиеся в группы. В результате если брать за основу подход Грушина, то субъектом (носителем) общественного мнения может быть и большинство, и меньшинство, — и такая позиция в значительной степени отражает всю сложность данного феномена.

Изучая общественное мнение, исследователь пришел к заключению, что общественное мнение всегда так или иначе отражает действительность. Невозможно говорить об определении общественного мнения вообще, о законе его абстрактном определении, которое было бы одинаково верным применительно ко всем эпохам и обществам и ко всем случаям.

Итак, можно сказать, что общественное мнение является специфическим социальным явлением: это способ существо-

вания и специального выражения массового сознания, фактическая форма повседневной жизни «ума общества», включая его восприятие, эмоции и чувства, волю и чаяния, мнения и суждения, оценки и отношения. И даже отдельное его проявление становится отражением общественного настроения, т.е. настроения больших групп общества или общества в целом в связи с проблемами и происходящими событиями, которые тесно связаны с их интересами и существующими отношениями.

Отправясь на вышесказанное, можно интерпретировать структуру общественного сознания и общественного мнения следующим образом⁶. Во-первых, массовое сознание (которое связано с массой, группой людей – объектом коммуникационной группы) может быть свойственно каждому отдельному человеку и является сложным живым комплексом. Он состоит из множества различных элементов (в зависимости от подхода к его определению различных наук, таких, как философия, социальная психология, социология и др.). Во-вторых, между развитием человечества, его историей, культурой и общественным мнением существует тесная связь, в которой общественное мнение (как составной элемент общества) является «мембраной» массового сознания.

Если же говорить о прессе, то для нее общественное мнение играет важную роль, является первой «точкой контакта» с событиями. Уровень значимости тех или иных общественных мероприятий и их оценки зависит от соотношения интересов людей, а также от социально-политической важности события. Общественное мнение представляет собой синтез характеристик, данных разумом, эмоциями и чувствами и верно или неверно отражающих различные явления и т.д. Его легко изменить, настроить, если вы знаете, как использовать те или иные средства и методы в соответствии с законами и приемами психологии, воздействия на социальные настроения.

В-третьих, в формировании мыслей и восприятия, отношения и социального поведения публики значительную роль играют СМИ. Это ярко проявилось, например, при обсуждении

⁶ См. об этом подробнее: *Петр Ван Дам. Субъекты воздействия средств массовой информации // Журн. социологии. – 2004. – № 4. – С. 24–28.*

проблемы морских ресурсов во Вьетнаме, тогда стал очевиден их психологический и социальный статус.

Говоря о роли СМИ, нужно подчеркнуть, что социальная критика в средствах массовой информации осуществляется и через общественное мнение. Так проявляется его сила, отчего зависит также и власть прессы. В научно-исследовательской и практической деятельности связь средств массовой информации с общественным мнением является одним из ключевых положений.

Пресса в роли социального оппонента

Существует термин «оппонент». В первую очередь он используется в научной деятельности: оппонирование в науке есть оценка качества научной работы. Оппонент должен оценить научную работу, подтверждая хорошие результаты, выделяя ее преимущества, но одновременно указывая и на слабые стороны с целью дальнейшего повышения качества исследования. В конечном счете он решает, достигнута ли цель научной работы или нет. Таким образом, оппонирование вовсе не тождественно отрицанию.

В социальной жизни оппонирование (оценивание) происходит регулярно и производится в целях помощи людям, чтобы они могли осознавать сущность тех или иных проблем и таким образом улучшать, повышать уровень своего мировосприятия, изменять, регулировать свои отношения и поведение.

Социальное оппонирование (критическое социальное осмысление) понимается по-разному, но можно понимать его так: широкое участие определенной части общества – класса, социальной группы или населения того или иного региона в целом – в комментариях (оценке) действий и решений государства в политической, экономической, культурной и социальной сферах жизни. Подход к определению социальной критики как широкого участия в ней общественных групп выявляет роль «команды знаний» – интеллектуального центра этнической общности. Такая интеллектуальная команда призвана помочь мудро и мужественно бороться за правду и справедливость в стране.

Обратимся к примеру. Критические высказывания прессы и общественного мнения по проблемам строительства высокоскоростных железнодорожных магистралей Ханой — Хошимин и Тханлонт — Бани, а также расширения территории Ханоя до 2020 г. (с перспективой до 2050 г.) во время 7-й сессии Национального собрания (парламента) Вьетнама XII созыва (2005—2010) послужили ярким свидетельством силы общественного мнения. Здесь проявились рост культуры социального оппонирования во вьетнамском обществе, эффективность средств массовой информации и общественного мнения в решении важных вопросов в жизни страны. Ведь именно благодаря изучению статей и общественного мнения Национальное собрание Вьетнама отвергло предложенные правительством проекты строительства названных железнодорожных магистралей. Вопрос же о включении провинции Хатай в столицу Ханой не было вынесено на всенародное обсуждение, и Центральный комитет КПВ единовластно принял такое решение, а затем заставил Национальное собрание Вьетнама его утвердить.

Выполняя важнейшую оппонирующую социальную функцию, СМИ вносят свой вклад в развитие аналитических способностей общества, в первую очередь его так называемого интеллектуального слоя, который, выражая свою точку зрения на важные проблемы жизни, анализирует и критикует непопулярные решения государства в период строительства страны с целью обеспечения устойчивого ее развития, — для того чтобы «люди были богатыми, а страна сильной; в обществе были демократия, справедливость и цивилизация».

Общественный контроль и критика, выражаемые через прессу, являются наиболее ярким примером развития демократии, «увлечения власти народа», как отмечал Хо Ши Мин. Демократия, по мнению Хо Ши Мина, означает, что «люди должны иметь возможность свободно высказывать свою позицию»².

Подобных примеров можно привести немало. Перед Новым годом по лунному календарю в 2007 г. генерал-лейтенант Донг Шн Нгуен направил письмо в Политбюро и премьер-министру, возражая против того, что во многих провинциях Вьетнама

² Молодежь города Хошимина. — 2006. — 12 февр.

леса были отданы в аренду иностранцам (китайским) предприятиям. Но только в конце февраля 2008 г. об этом узнали и сообщали СМИ. Отсутствие гласности формирует настроение неуверенности и тревоги среди народа. Общественное мнение жестко высказалось против. Премьер-министр был вынужден взять вопрос под свой контроль. И решение о временном прекращении этой неблагоприятной практики было принято.

Можно вспомнить и о других событиях. Например, проблема обеспечения порядка при добыче полезных ископаемых в провинции Каобанг стояла очень остро, но только после ряда аналитических статей, напечатанных на страницах VietNamNet, об этом узнали люди. Граждане были возмущены тем, что местные чиновники «творили» в этой провинции. Наклад общественного мнения по данному вопросу вызвал горячее обсуждение в зале и кулуарах Национального собрания Вьетнама. И народ, и власть пришли к выводу, что такая бессистемная добыча полезных ископаемых приведет к потере национальных богатств. Причиной этих явлений было названо отсутствие контроля за добывающими предприятиями (хуиньями соответствующее разрешения) со стороны местных чиновников и центра¹⁸.

Очевидно, что, если пресса не передает гласности, не освещает текущих событий, связанных с основными, жизненными интересами народа, широкая общественность не может знать о них, выразить свое отношение к ним и вовремя дать оценку происходящему. Иными словами, если пресса не является источником информации, гласности, то трудно подвзять общественное мнение по тем или иным жизненно важным вопросам.

Критика в прессе и обнародование общественного мнения, гласность могут помочь предотвратить и ограничить злоупотребления властью при отсутствии независимого надзора институциональных участников управления. В противном случае это приведет к отстранению власти от жизни общества, к коррупции, неизбежному социальному отчуждению режима.

Таким образом, в современном обществе, с демократическими институтами, с более развитыми техническими возможностями, с современными средствами и технологиями, СМИ

¹⁸ Там же. – 2008. – 27 мая.

и общественное мнение играют важную роль и приобретают особое значение.

Факторы, влияющие на качество выполнения оппонирующей социальной функции прессы и общественного мнения

Гласность и демократизация общественной жизни должны постоянно расширяться, особенно в тех сферах общественной деятельности, которые касаются экономики, финансов, управления и работы персонала. Насколько гласность и демократизация общества увеличиваются, настолько возрастает роль социальных медиа в качестве наблюдателей и критиков. В 1998 г. Политбюро ЦК КПВ (союз VIII) разработало Правила развития демократии на местном уровне, в которых выражена политическая воля, направленная на расширение и улучшение качества демократии на местах. Однако ожидаемые результаты не были достигнуты. Развертывание гласности и демократизации — процессы сложные, борьба за их осуществление требует от политических и общественных лидеров смелости, решительности, настойчивости и последовательности в осуществлении намеченных целей, а также внимания к насущным требованиям народа, выражаемым общественным мнением. Вопреки новым политическим тенденциям открытости, гласности, демократии сохранилось стремление к закрытости, утаиванию информации, управлению посредством спекуляций. Авторитарное законодательство предусматривает развитие демократии, но органы, ответственные за его выполнение, скрывали информацию от общественности, хотя должны были по закону внимательно следить за тем, чтобы это законодательство стало действующим механизмом для ограничения злоупотреблений властью.

Таким образом, гласность, демократия не сводимы только к политическим лозунгам; чтобы успешно существовать и выполнять свои функции, они должны быть гарантированы социальными институтами и правовой основой деятельности средств массовой информации и общественного мнения. Демократия должна обеспечить право народа на информацию. Люди имеют право знать, в частности, сумму государственного

внешнего долга, они должны быть сопряжены с уровнем инвестиционной ориентированности и эффективности политики бюджетного кредитования, а также получать публичную информацию о деятельности бизнес-экономических учреждений, о финансовых расходах в государственных учреждениях и т.д. Ряд государственных корпораций плохо ведут бизнес, что приводит к потере миллиардов американских долларов, однако никто из сотрудников не несет ни юридической, ни политической ответственности. Это неприемлемо.

Демократическая тенденция нередко осуществляется только формально, поверхностно или же демократию используют в своих корпоративных целях. Народная демократия, способствуя свободе прессы, может создать такую прессу, которая будет выполнять роль сторожевого таймера и социального критика, в первую очередь контролирующего государственные органы и чиновников в системе государственного аппарата, а также выполняющего роль оппонента для больших проектов. Правительство обязано защищать национальную безопасность и поддерживать общественный порядок; оно должно обеспечить всему народу право на информацию; уметь слушать, воспринимать критику прессы и общественного мнения; относиться к социальной критике как к важной информации при «доработке» политики, совершенствовании методов управления. В начале XX в. неслучайно В.И. Ленин использовал термин «открытое и демократическое общество» при обосновании необходимости открытия нескольких каналов информации с целью сбора мнений, пожеланий и предложений людей, в частности (что особенно важно) патристической интеллигенции, ученых.

В настоящее время особенно важным является повышение уровня знаний людей о правовых документах и об институциональном разделении ветвей власти в государстве, вследствие того что надзор, контроль обеспечиваются законом, осуществляются через законы и на их основе. В период вступления Вьетнама в ВТО нормативная система права, наши новые и дополнительные законы были созданы в короткие сроки, но люди до сих пор еще плохо разбираются в законодательстве, в правоприменении законов возникает все больше и больше проблем. Таким образом, для улучшения контроля и подзакония с

критикой в обществе СМИ, с одной стороны, должны активно проагандировать, обучать и разъяснять народу (демонстрируя свою полную осведомленность) правильность политики и законов государства, не только стимулировать своих граждан на положительные реакции, но и формировать у них способность мониторинга, анализа происходящих процессов. С другой стороны — они должны также следить за созданием правовых документов. Увеличение знаний и улучшение понимания своих прав народом тесно связаны с надзорной ролью Национального собрания. Нужен особый механизм, позволяющий Национальному собранию не только служить трибуной для выступлений, но и получить права и обязанности использовать свои возможности для защиты интересов народа страны. Нужно поднимать уровень властных полномочий Национального собрания по мониторингу и контролю в тесном сочетании с социальной критикой со стороны средств массовой информации и общественного мнения. Нужно хорошо понимать цели, принципы и методы сарказма, совершенствовать культуру социальной критики, а также обладать культурой и смелостью для восприятия критики, чтобы достигать социального согласия в дебатах.

Необходимо постоянно поднимать уровень образованности и нравственности, профессионализма, культуры, политической этики официальных лиц в системе государственного аппарата, поскольку очевидно недостаточность просвещения не только рядовых, обыкновенных людей, но и государственных чиновников. Государственные чиновники должны не только демонстрировать ответственное отношение к материалам СМИ, но также нести юридическую ответственность перед народом, перед партией, должны обладать культурой мышления и человечностью. Политическая культура — это не просто общие требования, она должна выражаться в конкретных обязательствах государственных чиновников. Народ, пресса имеют право проверить их работу. Вспомним такой пример. По поводу строительства магистральных дорог на участке Западное озеро — Вава было много споров. Высказывались разные мнения, взгляды. Спорили люди горячо. И тогда встал вопрос о культуре дискуссий, о том, что руководители должны спокойно воспринимать любую критику.

Нужно непрерывно совершенствовать нормативно-правовую среду, строить правовое государство — гражданское общество, активно создавать здоровые социальные отношения институциональными способами разделения властей в соответствии с научно разработанными концепцией; надо иметь механизмы управления и контроля над властью, чтобы предотвратить злоупотребления ею; надо выступать против неопределенности обязанностей и безответственности чиновников. Наша партия хочет демократизировать политическую жизнь, с тем чтобы контролировать власть, вести борьбу против негативных явлений, развивать экономику, строить процветающую страну, повышать уровень жизни народа. Это огромное желание вьетнамского народа берет начало в исторических уроках развития страны в годы инноваций, из глубоких культурных традиций нашего народа, а также из исторических уроков распада Советского Союза. Пока у нас нет механизма, с помощью которого можно вести эффективную борьбу против злоупотреблений властью, пока право на осведомленность и информированность народа не уважают, а надзорная роль и социальная критика прессы и общественного мнения ограничены. В таких условиях, конечно, руководство партии не будет поощрять некачественные выступления, в результате которых вера народа в справедливость может быть разрушена, а общество подвергнется конституционному риску.

Журналисты должны непрерывно улучшать оперативные возможности своей работы во всех ее аспектах, совершенствовать этические и профессиональные нормы, а также менять условия труда. Они должны быть высококвалифицированными, хорошо знать законодательство, а также иметь знания и опыт обработки и анализа информации, решения правовых вопросов; быть способными оперативно действовать, не нарушая законов и этических норм в сложных условиях рыночной экономики; уметь правильно подойти к источникам новостей; собрать и на высоком уровне проанализировать материал. Наряду с профессиональными, политическими и этическими знаниями необходимо дать журналистам и новые технические средства. Эти современные механизмы распространения информации помогут им успешнее выполнять функции социального контроля и критики в прессе.

Недавно Национальное собрание Вьетнама приняло Закон о борьбе с коррупцией, который дает СМИ больше прав на сбор и использование информации, особенно для расследовательских действий репортера. В нем содержится нормативно-правовая база, финансовые институты, условия защиты журналистов, работающих в ситуации рыночной экономики, которая становится все более сложной. В Законе рассмотрено использование средств массовой информации – социального общения и общественного мнения – как наиболее полезных инструментов реализации и мониторинга социальной критики, расширения гласности и демократизации общественной жизни в борьбе против коррупции, за здоровые социально-экономические отношения. Поддержка СМИ имеет важное значение также и для принятия текущих оптимальных решений. Необходимо учитывать, что СМИ являются для людей не только наиболее широким форумом, предоставляющим возможность высказать свое мнение, обсудить актуальные вопросы жизни страны и народа, но и инструментом и школой для совершенствования навыков, знаний, опыта развития демократии и гласности, а также инструментом для сбора, организации, мобилизации общественного мнения в борьбе с негативными явлениями, например коррупцией.

Если пресса и общественное мнение хорошо справляются с контрольной функцией, ведут социальную критику, это значит, что СМИ способны продемонстрировать свою независимость. Независимость не означает абсолютной политической независимости – ее нигде не бывает. Независимость в данном случае означает, что при выполнении общественным мнением функции социального контроля и критики журналисты не должны «плестись в хвосте», не должны принимать на веру результаты разного рода государственных инспекций. Журналистам следует учитывать результаты своих собственных независимых расследований, а также результаты, добытые благодаря «глазам и ушам народа», и нести ответственность перед законом. Партии и государству также нужны независимые доказательства для подтверждения правильности своей политики, для борьбы с негативными сторонами жизни, чтобы добиваться нормализации социально-экономических отношений, на осно-

ваши которых можно создавать и укреплять доверие народа к системе власти.

Итак, в процессе своей деятельности СМИ, одновременно выражая и формируя общественное мнение, выполняют контрольную функцию надзора, функцию оппонента и социального критика, тем самым внося свой вклад в стабильное развитие страны. В то же время они помогают в разработке и продвижении модели стабильного развития страны на международной арене, что особенно важно в эпоху мировой интеграции.

С.Г. Карконосенко,

*профессор, декан факультета журналистики СПбГУ
по научной работе, дек. кафедры теории журналистики
и массовых коммуникаций*

К сожалению, я очень поздно узнал от Л.П. Проновой [докт. филол. наук, профессор, декан ф-та журналистики СПбГУ] о сборнике, посвященном памяти Евгения Павловича <...> Считаю себя морально-обязанным предложить вам свое участие в сборнике <...>. Евгений Павлович я всегда высоко ценил и относился к нему с глубоким и искренним уважением, дорожил общением с ним...

*Из письма проф. С.Г. Карконосенко,
приложенного к публицистической статье*

ПРОФЕССИОНАЛЫ МЕДИА О СВОБОДЕ ЖУРНАЛИСТА

В большом проекте исследования коммуникационной свободы личности, над которым работают петербургские ученые, особенно важное место принадлежит изучению мнений профессионалов медиа. Они по своему должностному положению постоянно находятся в сопряженности с этим трудно уловимым эмпирически, но оттого не менее реальным свойством бытия личности. С функциональной точки зрения интерес к их мнению объясняется, во-первых, необходимостью дополнить «живым» материалом теоретический анализ личности профессионала как субъекта коммуникационной свободы и, во-вторых, потребностью расширить поле поиска гарантий соответствующих свобод.

Методика исследования. В качестве метода изучения в данном случае использовался экспертный опрос журналистов по стандартизированному набору вопросов с открытой формой ответа. Мотивация обращения к этим специалистам продиктована содержанием этапа исследовательского проекта — изучением субъектов и гарантий свободы личности в массовой коммуникации. Соответственно целью является выяснение мнений специалистов о субъектах и гарантиях коммуникационной свободы. Вопросы ставятся с таким расчетом, чтобы они соотносились с содержанием теоретических разделов и опроса населения. Тем самым достигаются сопоставимость результатов по отдельным операциям и проблемно-тематическая цельность проекта. В центре внимания находится осознание профессионалом себя в медиасреде — своих интересов, целей, желаний и возможности их осуществления. Соотношение этих введённых параметров служит выражением степени персональной свободы журналиста.

Задачи исследования. Основными задачами исследования являются:

- выявление взглядов экспертов и особенно принципиальных совпадений в оценках, что до некоторой степени позволяет судить о распространённости взгляда в среде профессионалов;
- выявление представлений экспертов о перспективах создания в России медиасферы, основанной на принципах коммуникационной свободы личности;
- выявление корреляции мнений эксперта с его статусом, опытом и другими характеристиками личности.

На основании теоретического изучения проблемного поля проекта в целом и результатов исследования 2009—2010 гг. были выдвинуты центральные *гипотезы* конкретного исследования. Гипотетически предвлагалось, что:

- осознание медиасферы как среды личностного развития и самоактуализации (роста субъектности) выражено относительно слабо на фоне прагматически-деятельностного отношения к медиа;
- гарантии и препятствия обнаруживаются в основном в деятельности официальных институтов и коммерческой конь-

конктуры, с меняющим влиянием к социально-психологическим и ценностно-культурным факторам;

– на различные во мнениях влияют статус, опыт завыстости в медиасфере, возраст и другие характеристики экспертов.

Техника проведения опроса. Вопросы задавались по электронной почте с использованием стандартного бланка. Участники опроса подбирались на основе их согласия и с соблюдением конфиденциальности при опубликовании результатов. Период проведения (включая обработку материалов) – май–июль 2011 г. По составу группа экспертов представляет собой профессионалов медиа – особую категорию субъектов коммуникационной свободы, выделенную в программе проекта. В эту категорию входят журналисты как наемные работники, руководители медиаорганизаций и собственники медиаресурса. Все данные статусы представлены в группе опрошенных экспертов, причем руководители (главные редакторы) и собственники одновременно являются активно действующими журналистами¹.

Качественные характеристики опрошенных специалистов заслуживают более подробного описания, поскольку от них зависят глубина и обоснованность полученных ответов. Мы старались установить своего рода цену профессионализма, или ввести условное право на суждение. Поэтому в опросе участвовали только те журналисты, которые имеют базу для анализа – в виде квалификации и опыта профессиональной работы, а следовательно, располагают и опытом использования тех возможностей для самореализации, которые предоставляет пресса. Как оказалось, все они успешно выдержали и другое условное тестовое испытание: каждый из отвечавших повкасал себя человеком определенных убеждений и ясно осознаваемой профессиональной идеологии. Это дало нам возможность наделить участников опроса символическими именами, в которых отразилось своеобразие позиций экспертов. Вслед за тем появилось композиционное решение отчета об исследовании: мы представляем его в форме материалов круглого стола, где журналисты фигурируют под символическими именами и

¹ Пользуясь случаем, хочется поблагодарить экспертов за отзывчивость и заинтересованное отношение к предмету нашего исследования. – С.К.

как бы непосредственно общаются между собой по поводу задаваемых вопросов.

Помимо материала для решения «официальных» задач опроса мы получали еще и необычайно интересные микро-монологи профессионалов о том, что для них лично означает занятие журналистикой. На наш взгляд, эти высказывания представляют собой самостоятельную гуманитарную и исследовательскую ценность, и поэтому они в минимальной степени подвергались сокращениям.

Итак, за круглым столом собрались:

Гражданин — главный редактор газеты, политический обозреватель в прессе и на радио, доктор философских наук, профессор; журналистский стаж — более 25 лет (А.Г. Щелкин);

Реалак — политический обозреватель сетевого издания; опыт работы в СМИ — 11 лет (начала заниматься журналистикой в возрасте 15 лет) (А.А. Медведева);

Бывалый — работал главным редактором региональных газет и журналов, корреспондентом и редактором информационных агентств, занимается издательской и артистической деятельностью; журналистский стаж — более 40 лет (В.М. Цыбалов);

Маслер — генеральный директор издательства и главный редактор федерального журнала, руководит рядом федеральных и региональных изданий, член Союза писателей, кандидат филологических наук; стаж работы в журналистике — 37 лет (Н.Н. Старченко);

Профи — корреспондент нескольких телеканалов, с 15 лет публикуется в газетах; профессиональный журналистский стаж — 7 лет (Н.Л. Иванов).

Для того чтобы тематика дискуссии получила объемное освещение, мы привлекли сравнительный материал — фрагменты опроса шести исследователей и практиков журналистики из Австрии и Германии, проведенного Н.Л. Ивановым в процессе работы над кандидатской диссертацией²; материалы опроса он любезно предоставил в наше распоряжение.

² См.: *Иванов Н.Л.* Светская пресса как субъект взаимодействия государства и Церкви в современной России. Дис. ... канд. полит. наук. — СПб., 2011.

Содержание опроса

— Есть распространённое мнение, что работа в сфере медиа предоставляет человеку больше возможностей для реализации себя как личности и выражения себя, чем это происходит в других сферах. Как вы относитесь к этому утверждению? Можете ли подтвердить его на своем опыте?

Профи. Профессия журналиста дает колоссальные возможности — смотреть на мир, удивляться ему, наблюдать, анализировать и передавать свои наблюдения и выводы аудитории. Несмотря на безусловные муки творчества, бессонные ночи, проведенные на съемках или в редакции, не будем лукавить: в сравнении с другими профессиями журналистика является превосходным способом совмещать любопытство, жажду знаний и желание быть услышанным и увиденным. А когда ты за это еще и деньги получаешь, то понимаешь, как тебе повезло. Поэтому, конечно, работа в сфере медиа предоставляет безграничные просторы для творческой самореализации.

Реалия. Да, я согласна, что работа в сфере медиа дает человеку много возможностей для самореализации. И могу подтвердить верность этого утверждения на основе опыта работы журналистом. Когда человек может начать журналистскую деятельность? Совсем не на первых курсах обучения и даже не после окончания университета. Журналист может почувствовать возможность работать и начать это делать еще на школьной скамье. Таким образом, журналистика позволяет расширить кругозор, каждый день узнавать новое, знакомиться с самыми разными людьми и учиться жизни. Серьезная работа журналистом может стать «университетом» реальной жизни. А накопленный опыт, связи и знания из самых различных сфер можно использовать в зрелом возрасте и в других сферах. Так случилось в моей практике, когда, начав заниматься журналистикой еще в 15 лет, а obviously университета я имела уже широкий круг знакомств, серьезный опыт работы по специальности и багаж приоритетных знаний, на порядок превышающий тот, что был получен в стенах вуза.

Если же человек начинает заниматься журналистикой в зрелом возрасте, уже имея образование (часто не профильное)

и опыт работы в других сферах, то он, наоборот, прикладывает и множит собственный жизненный багаж.

Мастер. Отношусь к этому утверждению положительно. Но при одном и основополагающем условии: человек должен иметь явные способности к журналистской работе и всю жизнь совершенствовать свое мастерство.

Могу подтвердить это на своем опыте: еще будучи на студенческой практике в газете, я смог проявить себя и был приглашен в областную газету «Орловская правда», где успешно проработал пять лет, и в 27 лет был выдвинут на ответственную должность руководителя областной газеты «Орловский комсомолец». Одновременно с этим шло становление мое и как писателя, в местной и центральной прессе начали публиковаться мои рассказы и повести; стал участником VII Всесоюзного совещания молодых писателей.

Потом я был переведен на работу в Москву, в отдел культуры ЦК ВЛКСМ. Затем – ответственный секретарь журнала «Литературная учеба», окончил аспирантуру, получил степень кандидата наук, стал главным редактором всесоюзного журнала «Юный натуралист», а в 1993 г. основал первый в России детский журнал о природе для семейного чтения «Муравейник», которым руковожу по сей день. У меня вышло более десяти книг художественной прозы и двухтомник избранного, стал лауреатом нескольких всесоюзных и всероссийских литературных и журналистских премий, награжден правительственными и общественными наградами. Все это, на мой взгляд, свидетельствует реализации и возможностей, и некоторых данных от природы способностей, это и плоды профессионального труда.

Гражданам. Мне представляется, что это распространенное мнение не вполне корректно. Во-первых, есть масса творческих профессий, где возможностей для реализации себя не меньше, а больше. Во-вторых, внешние СМИ – это корпорация с жесткой редакторской дисциплиной, особо не пишешь. В-третьих, сегодня в журналистике ценится не свобода мысли, а уровень конкретной компетентности исполнителя. Сегодня век «экспертных посредственностей». И, в-четвертых, современные СМИ подлинно «массовые» –

как производитель продукции для массового потребления, а при массовом производстве нужны не таланты, которые действительно ищут пространство свободы, а посредственности с техническими навыками. Так что в наши дни не журналист использует СМИ для развития себя как личности, а скорее наоборот: СМИ используют журналиста. С той лишь разницей, что среднего журналиста будут использовать по полной, а талантливому дадут «именную» площадку для экстравагантных и рейтинговых банальностей (скандалы, «патриотическая» и антидемократическая тематика).

Быльшой. Я тоже полагаю, что любая сфера нашей жизни может предоставить индивидууму, творчески мыслящему человеку возможности для самореализации. Ведь погружившись в ту или иную любимую — это, пожалуй, стоит подчеркнуть — работу, мы обязательно будем стремиться выполнять ее лучше, с блеском. Чтобы не только самому получить удовольствие от сделанного, но своим неординарным подходом к порученному делу, а главное результатами произвести должное впечатление на работодателя и на всех, кого эта работа касается.

Если в сфере медиа можно отличиться яркостью выбранной темы, глубиной ее раскрытия, смелыми, порой парадоксальными суждениями, неожиданной формой (жанром), то в других областях деятельности существует свои ниши, в которых можно отчетливо выразить свое «я». Вспомним Левцу, подковавшего блоху, персонажа древнегреческой мифологии Дедала — выдающегося художника и инженера, считавшегося изобретателем ранних инструментов, построившего Лабиринт на острове Крит, а также других сказочных персонажей и исторических личностей, подаривших миру множество прекрасных вещей и тем самым увековечивших свои имена.

Но журналистские навыки найдут применение и в смежных профессиях. Много лет назад мне довелось работать заместителем директора Дворца культуры имени Ленсовета по массово-политической работе. Я был приглашен именно как журналист, а не как профи-«культпросветчик». Приближалась Олимпиада-80, и в работе с населением нужно было найти яркие, впечатляющие формы, благодаря которым была бы предьявлена вся грандиозная подготовка события.

Я предложил устроить переключку советских городов, при-
нявших Олимпиаду. Это были Москва, Ленинград, Киев,
Минск, Таллин. На сцене театрального зала диорамы состоялось
пять вечеров — театрализованных зрелищ, в которых приняли
участие выдающиеся спортсмены, деятели культуры, науки,
представители общественных организаций, артисты.

Эти вечера записывались на пленку, а затем были показаны
Ленинградской студией телевидения. Ваш покорный слуга был
автором сценариев встреч и их соведущим. Надо ли говорить
о том, сколько и каких материалов о переключке было опу-
бликовано мной и еще добрым десятком журналистов в СМИ
различного уровня.

*— Принято считать, что для успешной деятельности в
сфере медиа требуется высокий уровень свободы. Вы согласны?
Нас это стереотипное суждение, которое не имеет отношения
к практике? Если в нем все-таки есть доля правды, то какого
рода свобода особенно важна (свобода чело и ком)?*

Гражданин. Ко всему сказанному в ответе на первый во-
прос можно только добавить следующее. Свобода СМИ — это
жизненное условие, без которого невозможно добывание и
распространение информации. Свобода СМИ обеспечивается
независимостью владельца СМИ от власти и даже от граждан-
ского общества (общественного настроения на данный момент).
Главное — свобода СМИ от власти (но не от закона).

Проф. Потребность в свободе зависит от собственных
установок. В любом творческом коллективе, будь то редакция
газеты, ТВ или радио, можно занять ту нишу, где ты будешь
работать свободно, сверяясь исключительно с общепринятыми
ориентирами и возможностями, чтобы не ущемить свободу твоей пу-
блики. На мой взгляд, журналисты, которые вопят о серьезных
ограничениях свободы, необъективны: всегда есть возможность
устроиться в издании, где твои взгляды будут уместны.

Мастер. С одной стороны, я согласен с тем, что необходим
высокий уровень свободы. И в то же время, действительно, это и
расхожое, и стереотипное суждение, часто — дымоная завеса,
за которой прячется полная несвобода работающего журналиста.
Особенно это касается политизированных изданий.

Я часто выступаю перед детской и подростковой аудиторией и впрямую говорю ей: «Учитесь!» Знаешь на «отлично» литературу, историю, географию — ты во многом свободный человек. Провел интересное исследование, защитил диссертацию, написал книгу — еще одна степень свободы!

Касаясь нашей профессии, могу твердо сказать, что по-настоящему свободным может быть только широко образованный человек, со своим, возмужавшим мировоззрением и точной системой нравственно-духовных координат. Общаясь с нынешними молодыми журналистами, к сожалению, нередко сталкиваешься с их удручающе низким общеобразовательным и нравственным уровнем.

Бывалый. Естественно, как без нее, свободы, обойтись? Но только абсолютной свободы в производственных условиях не бывает. Любой заданный редактором материал уже в какой-то мере сковывает свободу исполнителя, инициативу выбора. Вот тогда в порядке некоей компенсации журналист включает свой творческий потенциал, ищет возможности наиболее впечатляюще и достоверно осветить предложенную начальством тему. Другое дело, когда сотрудник редакции, обладая всей полнотой выбора и не испытывая на себе давления, терзается — за что же ему козляться? Такому корреспонденту свобода деятельности, право, и не нужна. Ему бы не ходить под старшим, получать конкретные задания и конкретно, в соответствии с буквой его требований, выполнять работу. Но при чем тогда свобода творчества?

Высокая степень свободы от директивных указаний редактора или заведующего отделом нужна творчески одаренным, инициативным журналистам, способным сполна воспользоваться этой свободой для подготовки зрелых, всесторонне взвешенных и эмоционально поданных материалов. Так рождаются сенсации.

Редакция. Я тоже считаю, что свобода нужна в выборе методов и стиля деятельности. Главное — результат. Если в сфере медиа человек работает на кого-то, то задачи ставит ему. Но как выполнить эти задачи, специалист должен решать сам. Это может быть точечная задача, например по поиску определенной информации, это может быть широкая задача, например по освещению собы-

тий в целом секторе (политика, экономика и т.п.). Специалиста не должны ограничивать указаниями: пойдя туда, запиши то, принеси это. Подобные примитивные действия приводят к деградации журналиста. Однако не стоит путать свободу творческой деятельности с laissez-faire'ом всего образа жизни работника.

Многого зависит и от того, кто «заказывает музыку». Если издание получает от X (государства, частное лицо, юридические структуры) финансирование на свое существование и развитие, то критика этого же самого лица X может показаться странным поступком. Если издание обеспечивает себя самостоятельно, то сообщение любых фактов и любых авторизованных мнений себя оправдывает.

Если же вести речь о так называемой свободе слова в гражданском смысле, то это вопрос более тонкий. По-моему, свобода слова должна защищаться там, где разжигается международная рознь, пишется пропаганда насилия, нарушаются моральные и нравственные принципы и т.д.

Здесь мы ненадолго прервем условный диалог отечественных журналистов, чтобы сопоставить их взгляды с суждениями западноевропейских экспертов. Отвечая на вопрос «Каким образом можно измерить свободу духа в газетах, журналах и на телевидении?», они предлагают следующие высказывания (приведены с сокращениями):

- представлена ли тематика действительно важных для общества вопросов, на каком уровне она аргументирована, получают ли все точки зрения право быть услышанными;
- многообразие мнений;
- журналисты могут писать и говорить то, что они хотят (в рамках хорошей журналистики);
- независимость СМИ, свободный доступ к профессии журналиста, отсутствие цензуры, многообразие СМИ и множество направлений;
- предотвращение экономической концентрации, удаленность от государства;
- наличие внутренней свободы в редакции;
- свобода прессы по параметрам Freedom House или Reporters without Borders.

При всех различиях двух опросов по тематике и постановке вопросов все же заметно, что зарубежные эксперты несколько более тяготеют к оценке социального статуса прессы, чем личностного самосознания журналиста. В ответах российских профессионалов медиа отчетливо слышится мотив ответственности человека за использование предоставленных возможностей (статусе прессы). Мы не склонны выводить из этого частного наблюдения широкое обобщения, но все же можем не увидеть здесь примет понимания журналистики как области саморепрезентации творческой личности и гражданского служения. Такое понимание профессии глубоко укоренилось в традициях отечественной прессы и ее научного осмысления.

Вернемся, однако, к нашему круглому столу экспертов.

— Помните, что свободу в практике медиа кто-то должен обеспечивать и гарантировать. Кто именно в российских условиях «ответственен» за свободу?

Реалия. С чего это вдруг «понятно»? Понятно как раз то, что в современных условиях каждый сам отвечает за свою свободу. Никто никому ничего не должен — ни обеспечивать, ни гарантировать. Сфера медиа давно стала саморегулирующимся рынком. И на рынке устанавливаются корпоративные правила, действует конкуренция или констатируется монополия — законодательно должны быть установлены только общие жесткие правила: обязанность органов власти, правоохранительных структур, бюджетных учреждений в определенном порядке сообщать информацию, обязанность субъектов рынка не разжигать межэтническую рознь и т.д.

Гражданин. Гарантии необходимы, и это должен быть только закон. Но кроме конституции и законодательства в цивилизованных странах есть еще культура и традиция, когда власть прислушивается к мнению газет и других СМИ, равно как и к общественному мнению, в этих медиа представленному.

Профи. Гарантии нужны с разных направлений. В первую очередь должны быть законодательные гарантии, подкрепленные практикой. Во-вторых, журналистские союзы должны выступать с однозначными оценками ущемления свободы, если такое случается. В-третьих, необходима поддержка некого

медиаобщества. Ведь на примере комментариев пользователей сайта медиаобщества «Ленивдат.ру» мы видим, как журналисты радуются неудачам коллег.

Мастер. Государство нынче не желает быть ответственным за свободу в сфере печати и массовых коммуникаций, всячески уклоняется от этого. Прямо отарошь берет, когда руководитель высшего ранга утверждает публично, что «у нас хорошее телевидение».

На практике в нашей реальности за свободу отвечает собственник издания, и какие у него взгляды на жизнь и на свою страну — такая там и свобода. Для порядочных, ответственных за судьбу Родины собственников — учредителей изданий свобода заключается еще и в том, чтобы тебя, руководителя любимого многими в России журнала, освободили от унизительной необходимости постоянно стучаться в высокие и не очень высокие двери того же Минобразования и доказывать равнодушным дядям и тетям, что прежде всего нужно обеспечивать школы средствами на подписку лучших детских изданий. Ведь сами дети и их педагоги отлично знают, что им нужно и для учебы, и для души, но их просто не допускают до светлых, умных и чистых изданий.

Бывалый. В конечном счете — кто, как ни главные редакторы изданий, гарантирует свободу? Например, такие, как Дмитрий Муратов в «Новой газете». Сами журналисты до мозга костей, они знают «почем свобода» и при каких условиях рождаются социально острые материалы. И всеми возможными способами создают для своих коллективов такие условия.

Но это скорее счастливое исключение, чем правило. Потому как нередко прогрессивные редакторы, отстаивая свободу для пишущих сотрудников, вступают в противоборство с владельцами массмедиа, о ключевой позиции которых здесь шла речь. А те, будучи консервативными буржуа, уже априори пошарают всякие дерзновенные высказывания и попытки сотрудников газеты или журнала, телеканала разоблачить кого-либо из сильных мира сего. Кто побеждает в этой порой неясной схватке? Разумеется, владелец издания, кормилец и покровитель его штата. Чересчур ерешенный и свободолюбивый редактор недолго просидит в своем кресле. Хорошо, когда, как Константин Ремчуков в «Независимой газете», один человек

является одновременно и главным редактором, и генеральным директором издания.

— *Соответственно на пути свободы есть препятствия. Какие из них особенно трудны для преодоления? Можете быть, вы знаете, как их можно преодолеть?*

Реалма. Ничего не «соответственно». Свобода внутри человека. Если он принимает решение работать в СМИ, где, по его мнению, свобода ограничивается, то он свободен в принятии решения об увольнении из этого СМИ. В современных условиях, когда не устраивает уровень свободы, предоставляемый официальными СМИ, человек может выйти в открытое интернет-пространство и вещать все, что он считает нужным. И вполне возможно, что свободное слово будут читать гораздо больше, чем приглаженные заметки в прикормленной газете. Мой опыт подсказывает, что, конечно, абсолютно свободных от каких-либо условностей СМИ не бывает. Однако, если степень ограничений не превышает 10–20% от объема обрабатываемой информации, — это не мешает ни творчеству, ни самореализации, ни свободе самовыражения журналиста.

Профи. В этой связи: сложнее всего преодолеть собственные страхи. Очень часто журналисты опасаются сказать лишнее критическое слово, так как боятся быть наказанными редактором или объектами своей критики. Такая самоцензура в большинстве случаев бессознательна. При этом журналистика теряет свежий и трезвый взгляд на вещи.

Былыый. Согласен, что прежде всего влияет человеческий фактор. Но есть и чисто технические, технологические аспекты. Например, отсутствие в редакции достойной оргтехники, позволяющей оперативно откликаться на события. Теперь одного факса мало! Нужны современные компьютеры, мощные серверы, надежные средства передвижения, цифровые фотокамеры и диктофоны. Их отсутствие, согласитесь, сводит свободу журналиста.

Как преодолеть эти препятствия? Я бы спросил: как преодолеть косный капитализм?..

Мастер. Скажу конкретнее: препятствие — это повсеместная собственность. В стране практически не осталось государ-

ственных периодических изданий. Что хочешь, то и получишь; кто заплатит деньги, про того и напишу (покажу, расскажу). Это, к сожалению, дежа-вю многих владельцев собственности СМИ. Борьба с этим под силу граждански зрелому обществу, — и некоторые положительные подвижки тут наблюдаются в самое последнее время.

Гражданин. Преодолеть препятствия в состоянии только независимый суд, который защищает право СМИ на свободу слова и наказывает за любую угрозу покушения на это право, откуда бы и от кого бы эта угроза ни исходила.

— *Если у вас есть желаемые, дополните содержание моего вопроса замечаниями, которые вам представляются принципиально важными для обсуждаемой темы.*

Мастер. Да, есть желание дополнить.

Первое: внутри каждого печатного органа, радио- и телеканала сейчас обязательно есть запретные темы или так называемый инфоформат. И человек со стороны туда не входит, каким бы талантливым он ни был. Считаю, что обсуждение такого вопроса дополнило бы видение темы. Второе: говоря о свободе, нельзя обходить вниманием вопрос о правах и обязанностях издателя, журналиста, автора.

Редакция. Вопрос носит общий характер и подразумевают широкий спектр ответов. Их нужно конкретизировать, уточнить, что именно имеется в виду, дополнить примерами. Однако свобода бывает разной: от свободы передвижения, свободы мысли, свободы слова, свободы не вовремя приходить на работу до свободы в местах лишения свободы. В каждом случае будут свои уточнения. В целом же тема свободы актуальна и важна.

Гражданин. Обобщая свои ответы, скажу, что принципиально важны такие положения: во-первых, независимость СМИ от госвласти и, во-вторых, такая же свобода (в пределах контракта) профессиональной деятельности журналиста от владельца газеты.

Профи. На мой взгляд, принципиально важно, что в действительности сейчас журналистике предоставляются повероятно широкие возможности для выполнения своих социальных ролей. Не пользуются этими возможностями единицы журналистов.

Итоговые замечания

Подводя итоги заочной дискуссии, надо признать, что выдвинутые нами гипотезы нашли лишь частичное подтверждение. Это, например, относится к первой гипотезе. Нет оснований считать, что эксперты воспринимают свободу в прессе по преимуществу в прагматически-деятельностном плане, как институциональную категорию, не соотнося ее с личной потребностью в развитии и самоактуализации. В большинстве эпизодов дискуссии звучат высказывания о том, что профессионал в массмедиа обязан сам выбирать путь следования. В противном случае из его деятельности вымываются и смысл (производственный, социальный, личностный), и морально-правственное содержание (самоуважение, достоинство), и готовность к труду («...сотрудник редакции, обладая всей полнотой выбора и не испытывая на себе давления, терается — за что же ему встать». Такому корреспонденту свобода деятельности... и не нужна»).

Вторая общая для экспертов характеристика — понимание свободы как условия деятельности, при всех прозвучавших разночтениях в ее истолковании («Естественно, как без нее, свободы, обойтись?»; «Свобода СМИ — это жизненное условие, без которого невозможно добывание и распространение информации»). Даже в тех случаях, когда эта максима не формулируется отчётливо, она принимается по умолчанию: ни один из экспертов не выступил с отрицанием темы как таковой и ее значимости для себя и всего профессионального сообщества. Особого внимания заслуживает трактовка профессиональной деятельности: она прямо соотносится с реализацией творческого потенциала сотрудника СМИ и понимается как возможность сполна раскрыть природные способности («Высокая степень свободы... нужна творчески одаренным, инициативным журналистам»; «Человек должен иметь явные способности к журналистской работе и всю жизнь совершенствовать свое мастерство»). Заметим, что участники опроса не склонны рассуждать о творчестве в возвышенно-патетической манере, они, скорее, говорят о нем на уровне профессионального мастерства и выполнения редакционных обязанностей («Абсолютной

свободы в производственных условиях не бывает. Любой заданный редактором материал уже в какой-то мере сковывает свободу исполнителя; «Я... считаю, что свобода нужна и в выборе методов и стилей деятельности»). По всей видимости, если бы эксперты выступали с публицистическими материалами о судьбах демократии, они постарались бы выявить ценность свободы для всестороннего духовного расцвета личности на уровне высших этического-моральных аксиом. Однако, когда взгляд обращается к собственным трудовым реалиям, на первый план выходят приземленные, внутриредакционные проявления коммуникационной свободы. Это не снижение темы, а естественная реакция человека, для которого свобода самовыражения является не абстрактным понятием, а повседневной производственной необходимостью.

Здесь возникает повод вернуться к идее целенаправленного роста субъектности в медиа, положенной в концептуальную основу изучения субъектов коммуникационной свободы. Мысль об ответственности человека за использование предоставленных ему ресурсов свободы известна проступает даже в претензиях к товарищам по цеху и VIP-персонам медиainдустрии («Общаемся с нынешними молодыми журналистами... сталкиваясь с их удручающе низким общеобразовательным и нравственным уровнем»; «Журналистике предоставлены невероятно широкие возможности... Но пользуются этими возможностями единицы журналистов»; «При массовом производстве нужны не таланты, которые действительно ищут пространство свободы, а посредственности с телевизионными навыками»).

Вторая дилемма — о приоритетном внимании профессионалов к институциональным гарантиям коммуникационной свободы — не подтверждается в полной мере, но и не отрицается. Выбор направления в поиске гарантий зависит от индивидуального взгляда эксперта на устройство общественной жизни и права и свободы личности. Чем более мысленно профессионалы развернуто в сторону социальных условий деятельности прессы, тем скорее оно находит решения в действиях государства и бизнеса («Гарантии необходимы, и это должен быть только закон. Но... в цивилизованных странах есть еще культура и традиции, когда власть прислушивается к мнению

газет»; «Что хочешь, то и получи.. Это, к сожалению, деяния многих нынешних собственников СМИ»). Но столь же явно выражена и другая позиция, когда источниками гарантий считаются сами журналисты и творческий коллектив («Свобода внутри человека.. он свободен в принятии решения об увольнении из этого СМИ»; «В конечном счете — кто, как ни главные редакторы изданий, гарантирует свободу!»).

Наконец, есть и желание видеть «единый фронт» гарантов, в составе которого журналисты взаимодействуют с государственными институтами («В первую очередь должны быть законодательные гарантии... Во-вторых, журналистские союзы должны выступать с однозначными оценками ущемлений свободы... В-третьих, необходима поддержка всего медиаобщества»). Представленный набор действующих лиц «единого фронта» традиционен, и его элементы сами по себе не вызывают возражений. Однако в цепи поборников коммуникационной свободы не хватает в высшей степени важного звена, без которого она неизбежно разрывается. Имется в виду общественность — та, которую по старинке принято называть аудиторией. На разных этапах своего исследования коммуникационной свободы личности мы неоднократно приходили к выводу о том, что новейшие потребности развития демократии и медийной жизни влекут к повышенной активности граждан. Именно она должна стать основным и самым прочным фактором обеспечения коммуникационной свободы, и именно в ее слабости таются главные препятствия на пути к утверждению в прессе высших духовных ценностей.

Изучение процессов, в которые включен современный «медийный» человек, показывает, что в этом плане несомненные потери и дефициты прихотливо сочетаются с поводами для надежд и оптимизма. В частности, региональные и местные медиа многие делают для одорожения публичной сферы на основе духовной и деятельной солидарности с населением. Как утверждают исследователи медиажизни в провинциальных регионах, «информационные процессы в современной России неоднозначны. Они не замкнуты только на столичные медиахолдинги.. Огромная, трудно выживающая российская провинция пытается противопоставить импортной продукции

свои стратегии и тактики информационного взаимодействия. <...> В каждой области, крае, районе создаются газеты, теле-радиокomпании, в программной политике которых начинают доминировать темы и проблемы, идентичные традициям и культурным нормам российского народа»². Обоснованность этого заявления подтверждается многочисленными примерами: с одной стороны, это факты сотрудничества СМИ с гражданами в рамках акций социальной помощи, защиты прав и духовной поддержки нуждающихся землячков, с другой — статистический срез идейно-правственного наполнения региональных СМИ, в котором преобладают ценности социального оптимизма, честного труда, взаимопонимания и др.

Третья гипотеза — о влиянии на мнения статусных, возрастных и других характеристик экспертов — нашла подтверждение в своеобразном предположении. Влияние демографических показателей почти неощутимо (может быть, сказался недостаток материала для сопоставления). Некоторые различия угол зрения между руководителями СМИ и корреспондентами мы отмечаем выше и добавим, что эксперты с большим редакторским опытом чаще мыслит социальными категориями. Но более всего влияние личных характеристик собеседников сказалось на их отличии от незримых оппонентов (а они, конечно же, есть за кадром нашей дискуссии) из числа тех журналистов, которые не имеют серьезной профессиональной подготовки, а также из числа представителей медиабизнеса.

Все наши эксперты — это зрелые журналисты, они на своей судьбе ощутили потребность в духовной свободе и ее благотворность. С уверенностью можно предположить, что редакционные новобранцы, не обладающие таким запасом личных наблюдений и переживаний, выступали бы с гораздо менее конкретными и продуманными заявлениями. Несомненно также, что для предпринимателей и коммерческих директоров медиапредприятий свобода окрашивается в цвета экономической независимости и соответственно коммерческого преуспевания.

² Маскуров В.Д. «Медийный» человек российской провинции: динамика социального взаимодействия. — Барнаул, 2011. — С. 130.

Е.С. Лапина,

*доцент кафедры истории русской литературы и журналистики
факультета журналистики МГУ*

Профессор Е.П. Прохоров принадлежит к тем людям, которых я с благодарностью считаю своими наставниками. Судьба распорядилась так, что в дни моей студенческой юности именно Евгений Павлович, тогда еще начинающий преподаватель факультета, стал куратором нашей группы.

Будучи учеником и другом Ефима Степановича Удалова, научного руководителя моей дипломной работы, подсказанного мне и тому кандидатской диссертации, Евгением Павловичем с личным сочувствием (хочется думать, и удовольствием!) следил за ходом ее защиты в знаменательный для меня день — 22 мая 1970 г. в малой сдержанной аудитории родного здания на Мясницкой, дом 11, где наш факультет тогда располагался.

Любовь Евгения Павловича к истории русской журналистики, его интерес к изучению опыта крупнейших публицистов провинции, которые он увлекал и от нашего общего учителя, доросла всем, кто так или иначе причастен к этой науке. И особенно, конечно, тем, кто продолжает (или только начинает!) работать на кафедре истории русской литературы и журналистики нашего факультета. Ведь именно здесь он начинал свой многолетний, непростой, но, несмотря на все сложности, очень плодотворный путь в университете — путь от лаборанта до действительно заслуженного профессора МГУ.

Светлой памяти Е.П. Прохорова посвящается эта статья.

ОТРАЖАЯ ЧАЯНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА

*(Из истории печати Среднего Поволжья
в годы Первой русской революции)*

Первая русская революция всколыхнула огромные народные массы, в том числе и крестьянство. Весной и летом 1905 г. крестьянские волнения охватили большую часть России, а к осени — более половины всех ее уездов. Особенно сильным рывком привило движение крестьянства в Поволжье. Как известно, одной из отличительных черт революции 1905—1907 гг. являлось несомненное по времени крупнейших выступлений крестьянства и рабочего класса. Если высшей точкой рабочего

движения в революции было Декабрьское вооруженное восстание рабочих в 1905 г., то крестьянские волнения вспыхнули с огромной силой летом 1906 г., охватив 215 уездов, т.е. половину Европейской России. Этот новый подъем крестьянского движения обусловил появление в Среднем Поволжье своеобразной местной крестьянской печати, в частности газеты «Мужик», выходившей в Саранске Пензенской губернии (с 1904 г. столица Мордовии) и носившей, по утверждению тогдашнего губернатора Пензы Н.Ф. Кошко, «архиреволуционный характер»¹.

Автору настоящей публикации удалось разыскать лишь несколько номеров этой газеты², так как в 1907 г. издание было запрещено, редактор арестован и после трех лет тюрьмы сослан в Архангельскую (потом переведен в Вологодскую) губернию, а газета подверглась уничтожению. За попытку продать сохранившиеся экземпляры жена редактора газеты была арестована и сослана вместе с детьми.

Два номера «Мужика» хранятся в фондах Российской государственной библиотеки (№ 21 и 22 за 1907 г.). В Российской национальной библиотеке нет ни одного экземпляра этого издания. Три номера (6-й за 1906 г., 11-й и 12-й за 1907 г.) хранятся в Саранске в Мордовском республиканском краеведческом музее. Значительный интерес при изучении обстановки, в которой выходила газета, представляет для нас материалы фондов Центрального государственного архива Республики Мордовия, особенно материалы Саранского уездного волниевского управления и канцелярии инсарского уездного исправника.

Несомненную ценность для уточнения идейной направленности газеты «Мужик» имеют сохранившиеся записки бесед автора настоящей статьи с членами семьи редактора газеты, знакомство с семейным архивом, а также с рассказами старожилов города, помнивших и издателя, и газету, особенно бывшего наборщика «Мужика» — И.Д. Лапкава, с которым нам удалось в свое время познакомиться.

Редактор газеты, крестьянин-мордвин из села Курилова Ромодановской волости В.В. Бажанов, был прирожденным

¹ Кошко Н.Ф. Воспоминания губернатора. — Пг., 1916. — С. 173.

² Всего было издано 42 номера. Сведения взяты из письма сына (ныне покойного) издателя газеты — Г.В. Бажанова.

журналистом. Не имея никакого систематического образования, он сумел создать интересную, яркую газету, которая доставляла немало неприятностей не только уездной, но и губернской администрации. Тяга к журналистике многие годы не оставляла Бажанова. После возвращения из ссылки, сдав экзаменом экзамены на юриста и занявшись адвокатской практикой, он попытался в 1912 г. издавать «Саранские вести» — газету уже более умеренного направления, но и она выходила недолго. После Октябрьской революции Бажанов стал активным сотрудником советской власти, в 1919—1920 гг. был прокомиссаром в Саранске, а затем почти до конца своей жизни (умер Бажанов в 1955 г.) был членом коллегии адвокатов и работал во многих районах своей родной Мордовии. Однако и в эти годы он продолжал писать (его фельетоны появлялись в «Известиях» в 1920-е гг.). Дети Бажанова стали журналистами: сын, Г.В. Бажанов, много лет был редактором районных газет в г. Ардатове и некоторых других районных городах; дочь, Е.В. Бажанова, руководила районной газетой в Мельцавах и заведовала отделом в республиканской мордовской газете «Молодой ленинец».

Газета «Мужик» начала выходить в конце 1906 г. Точная дата не установлена, но сохранившийся № 6 за 1906 г. (без даты) рассказывает о местных событиях периода, близкого к новому году. В 1906 г. издание состояло из 6 полос форматом в 1/4 большого газетного листа, с 1907 г. имело 4 полосы форматом в 1/2 большой газеты.

Газета выходила два раза в неделю — по средам и субботам, называлась «народной, политической и литературной», стояла недорого — 3 руб. 60 коп. в год, т.е. была рассчитана на массового читателя, в какой-то степени эту задачу она выполняла: по архивным данным¹, тираж ее был равен 6 000 экз., по устным свидетельствам старожилов, — достигал 9 600 экз.

Факт выхода такой газеты именно в Саранске не случаен. Как свидетельствовал бывший пензенский губернатор, это был самый оживленный город в губернии, а «саранский уезд являлся наиболее дворянским», что порождало, конечно, оче-

¹ ЦГА РМ. Ф. 187. Оп. 1. Д. 6. Л. 4.

стоичную борьбу крестьянства за землю, тем более что этот уезд «граничил с Корсунским уездом Симбирской губернии, сделанным прочным гнездом революции»; в самом Саранском уезде «свирепствовали с особой силой поджогом усадеб»¹, процветала экспроприация земель у помещиков, убийства урядников и стражников.

Несмотря на то что пока обнаружено всего пять экземпляров газеты «Мужик», можно с уверенностью говорить о направленности издания в целом, поскольку во всех сохранившихся номерах, отделенных друг от друга достаточно большим временным расстоянием, с большой твердостью и последовательностью выражена одна и та же позиция. В чем же ее сущность? В какой форме попытался представить ее «полумильтеллигент, полукрестьянин»² В. Баканов?

Стремление газеты быть «литературной» проявилось в основном (по крайней мере, в сохранившихся номерах) в публикации стихотворений Ф. Шкулева и других авторов, носивших откровенно протестный или аллегорически-оппозиционный характер, а также сатирических сказок (редко).

Главное место в издании, особенно с 1907 г., занимали большие статьи, которые, по мысли редактора, должны были носить «политический и популярный» характер одновременно, но чаще они адресовались прежде всего местной интеллигенции, хотя желание редактора газеты и авторов статей подать материалы в доступной и ясной форме очевидно. Ряд статей носил часто агитационный характер, случайно пензенский губернатор писал о «митинговом красноречии» Баканова.

Немалое место в издании занимали материалы местной хроники, в основном это обличение произвола местных властей. Широко был представлен фельетон, мастером которого являлся сам редактор газеты; присутствовал в газете «почтовый ящик», печатались объявления, которые часто были подмешены общему замыслу номера.

Центральное место в сохранившихся номерах «Мужика» занимает вопрос о земле. Так, в № 6 за 1906 г. одна из ведущих статей называлась «Откуда появилась "священная" собствен-

¹ Ежово В.Ф. Указ. соч. – С. 174.

² Там же.

ность помещиков?» В ней говорится: «Многие владельческие князья, графы и родовитые дворяне внушают голодному народу слонами, плетьюми и штыками, что земля принадлежит им и несметные капиталы, заключающиеся в деньгах и драгоценных вещах, являются их священной собственностью...» И далее автор статьи ссылается на историю России, показывая «происхождение» земельных владений, в частности помещиков братьев Орловых, Потемкиных и т.д. В № 11 за 1907 г. помещено стихотворение Ф. Шкулева «Как мужик живет», в котором говорится: «Нетде курочке побегать на родной стороне», «есть земляца и в деревне, да господского козуть», «есть леса и роши, да каине их отдал Бог». Как видно, мнение сформировано вполне определенно: крестьянин лишен земли, главный его враг – помещичья собственность.

Газета попыталась выразить также и свое отношение к возможности разрешения данной проблемы. В № 21 за 1907 г. в статье «О землеустроительных комиссиях» за подписью «Крестьянин Н. Павлов» сказано: «подобные комиссии, учрежденные Указом от 4 марта 1906 г., крестьянину облегчения не принесут, поскольку там «будут заседать самые важные чиновники, отцы и благодетели, которые уже целые столетия только то и делают, что пекутся о народном кармане, а с этой целью и заседают на самых высоких постах и получают самое высокое жалование». Автор несколько раз подчеркивает, что «нельзя примирить кровожадного волка и беззащитную овцу».

Рассказывая читателю о тех мерах, которые принимаются в обязанности комиссиям для удовлетворения интересов крестьян, Павлов особенно резко выступает против программы так называемых крестьянских бабок, с которой выступали и либеральные народники 1890-х гг., высывая справедливую оповедь социал-демократов. В статье с возмущением говорится, что подобные учреждения только дают возможность помещикам сбывать по баснословным ценам захудалые земли, которые попадают «в руки кулаков и митредов», разъясняется, как можно решить земельный вопрос: «Вместо того чтобы говорить об арендовании казенных земель, не лучше ли передать их вовсе в пользование крестьян без всякой платы, которой и так уже переплачено миллиарды на мужицкого кармана. Что же каса-

ется мирного соглашения мужика с баринтом-землевладельцем, то... все споры и недоразумения кончатся только тогда, когда *каждичка* земля будет в руках крестьянина (курсив везде наш. — Г.Л.), и помещик возьмет столько земли, сколько он своими руками, не прибегая к найму, может обрабатывать, т.е. будет жить своим трудом, как живет в настоящее время крестьянин». Говоря о путях передачи земли крестьянству, публицист «Мужика» подтверждает: «Не этим комиссионим разрешить такие мучительные вопросы. Это дело самого народа, и только он сам, обладающий всей полнотой власти, может не только развязать, но, если нужно будет, и разбить этот узел».

Очевидно, такого рода статей было немало в газете, возможно, печатались и еще более острые материалы, во всяком случае, И. Кошко в своих воспоминаниях утверждал, что газета «проповедовала крестовый поход против помещиков»⁸.

Большое место занимал в данном издании вопрос о политическом положении в стране, и прежде всего о Государственной думе. Ее деятельности посвящено несколько материалов в номерах за первую половину 1907 г. «О политических партиях» — так назывались статьи в № 22 за 1907 г., в которой «крестьянин И. Павлов» утверждал, что Дума была convocана под знаменем освободительного движения, что это учреждение не выражает чаяний народа, который требовал созыва Учредительного собрания. В предыдущем номере, в публикации копии наказа крестьян Пензенской губернии своим депутатам, говорилось: «Закон о выборах в Государственную думу так несправедлив и был так искалечен, что громадное большинство населения лишилось избирательного права — выборы были не всеобщие, не равные и не прямые...» Газета солидаризировалась с авторами наказа, которые требовали всеобщего, равного, прямого и тайного голосования без различия пола. А пока, пишет Павлов (№ 22), Дума разбита на разные партии, интересы которых непримиримы, как интересы тех, кого они представляют: мужика и рабочего — с одной стороны, и помещика и фабриканта — с другой. Газета отвергает политику либеральных партий, которые хотят примирить эти силы, рассуждая: «Народу живется плохо... и если ему не уступить, то нам грозит опасность поте-

⁸ Там же. — С. 173.

рять все (доведенный до отчаяния народ восстанет и отберет все), поэтому не лучше ли будет, если оторвать крошечный кусочек от своего пирога и выкинуть ему».

Павлов разъясняет читателю думскую тактику социал-демократов, говоря, что в первую Думу социалисты не шли, желая показать, что она «не может улучшить положения рабочего класса». Теперь в Думе представлены все партии, хотя «социалистическая партия» (автор объединяет в это понятие и социал-демократов, и социалистов-революционеров, и народных социалистов, и трудовиков) «шла только для того, чтобы своими речами раскрывать, кто друг и кто враг народу...»

Газета считала необходимым знакомить читателя с тем, «что происходит в стенах Таврического дворца», агитировала крестьян поддерживать своих депутатов, призывая «собирать сходки, составлять приговоры и наказания» и посылать их с ходокими в Думу. Мы уже упоминали выше о публикации в № 21 газеты «Мужик» за 1907 г. наказа крестьян Пятинской волости Саранского уезда депутатам Пензенской губернии⁷. В нем были выставлены такие требования, как выборность полиции, вообще, равное, прямое и тайное избирательное право, смещение всех министров и администрация и привлечение их к суду, свобода печати, собраний, передача всей земли – казенной, удельной, кабинетной (царской), монастырской, церковной и частновладельческой – без выкупа в руки трудящихся (в уравнильное пользование в форме общинного владения), восьмичасовой рабочий день для рабочих, повышение и установление твердого минимума заработной платы, введение государственного страхования на случай болезни, всеобщего бесплатного обучения, отмена военных налогов, отделение Церкви от государства, т.е. демократизация государственного и общественного строя России.

Естественно, что подобные наказания и призывы составлять их играли большую агитационную и революционизирующую роль и возможны были только в условиях кризиса, известной растерянности верхов. Эту опасность сразу почувствовала

⁷ Как свидетельствует И.Ф. Ковшо, один из депутатов в Думу от Пензенской губернии, доктор Марков, сам составлял такие наказа и выступал с ними в печати.

местная администрация. Переписка иркутского уездного исправника, пензенского губернатора вострел донесенными урядников, приставов о начавшихся «суждениям и составлении наказов и приговоров о земле и воле», предупреждениями и секретными предписаниями губернатора пресечь подобные акты, «имеющие целью сдвигания крестьянства для противодействия правительству»⁴.

Характеристику газету «Мужик», мы не можем не учитывать, что выходила она уже в то время, когда революция начинала идти на убыль. С одной стороны, редакция издания, возможно, не ощущала этого, поскольку революционное движение среди крестьянства, как мы уже отмечали, не всегда совпадало с подъемом рабочего движения (во всяком случае, в сохранившихся номерах нет ощущения спада революции); с другой — многими темами газета прямо отвечала потребностям движения именно в момент, когда революция шла на убыль, в частности материалами о думской тактике демократии, о Думе как об одной из важнейших *требун* для разоблачения самодержавия.

В изученных экземплярах газеты нет упоминания о новой форме власти, которая родилась в ходе революции, — Советах рабочих депутатов. Возможно, сообщения об этом имелись в других номерах, поскольку в «Мужике» не раз давалась политическая информация о положении в стране (так, в № 21 за 1907 г. есть сообщение о том, что в случае разгона Думы будет объявлена всеобщая политическая стачка). Однако идеалом газеты оставалось Учредительное собрание.

Местная хроника, как мы уже говорили, была посвящена борьбе с местным произволом. Газета, в частности, очень резко выступала против саравского уездного исправника Кысиль-Загоринского, что в конечном счете послужило формальным поводом для ее закрытия.

Анализ материалов газеты «Мужик» свидетельствует о том, что она выражала интересы демократически настроенных крестьян, которые пытались отстоять в Думе представители партии трудящихся и выдвигающие идею «левого блока» с трудящими большевики.

⁴ ЦГА РМ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 16. Л. 194, 216.

И.Е. Прохорова,

доктор исторических наук, профессор кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики МГУ

Летом 2011 г. большую часть отпуска наша семья провела на даче. Евгений Павлович часто плохо себя чувствовал, но, как только выдавались дни погоды, он с раннего утра устранивался в кабинет работать. Естественно, пример отца-трудоголика был заразителен. Тем более что тогда я писала большую работу, задуманную в начале 2011 г. — юбилейного для В.Г. Беллинского — и посвященную подробному рассмотрению авторской стратегии этого знаменитого полемиста в его противостоянии не менее известному в середине 1830-х гг. критику С.П. Шевыреву. Мне очень хотелось, чтобы отец еще до начала суезы очередного семестра успел прочитать мое сочинение, ведь Беллинский — давний объект и его штудий.

Евгений Павлович любил и хорошо знал публицистику «нижестового Виссариона», посвятив ее рассмотрению две книги. На мой взгляд, наиболее интересна и успешна в них попытка реконструировать «журнальную теорию» Беллинского, опираясь на изучение всего его наследия, и опубликованного при жизни, и незавершенного, в том числе на частные, не предвидевшиеся для печати письма. Мой же подход к исследованию опыта Беллинского-журналиста был в значительной мере иным. Прежде всего, потому что я сфокусировала внимание исключительно на анализе мастерства Беллинского-полемиста, причем именно в начале его журнального пути, что по многим причинам важно.

Кроме того, я ставила своей целью посмотреть на полемическую стратегию «нижестового Виссариона» в свете современных — XXI в. — представлений о потенциале диалоговой природы журналистики. И вот здесь для меня принципиально важной была концепция «режима диалога» как основы для истинно демократической журналистики, в разработке которой Евгений Павлович как теоретик журналистики имел самое прямое отношение.

Не подлежит сомнению, что при анализе исторических явлений, в том числе и творчества Беллинского, необходимо соблюдение принципа историзма. Давая в своей работе те или иные интерпретации и оценки высказываний выдающегося публициста прошлого, я стремилась соотносить этот принцип с современными взглядами на фундаментальные основы журналистики как формы творческой деятельности. Во всяком случае, Евгений Павлович, усланный-таки прочитать эту мою работу, отнесся к

ной одобительно. Две ее части, с посвящением памяти Евгения Павловича, уже вышли в свет в разных научных изданиях. Думаю, появление еще одного ее фрагмента в данном сборнике вполне уместно.

К ВОПРОСУ О МАСТЕРСТВЕ БЕЛИНСКОГО-ПОЛЕМИСТА В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ ДИАЛОГА В ЖУРНАЛИСТИКЕ

Как нам уже доводилось отмечать¹, первые же полемические выступления В.Г. Белинского в 1834–1835 гг. продемонстрировали его выбор отнюдь не в пользу диалоговой стратегии в журналистике. В полемике с С.П. Шевыревым, одним из ведущих журнальных критиков того времени, молодой сотрудник «Молвы» и «Телескопа» допускал довольно произвольную трактовку выдвинутых «противником» тезисов, затушевывая его удач в литературно-художественной критике и последовательное акцентирование неудач, гипертрофированное их представлением, как и всех своих разногласий с «противником». Такая конфронтационная стратегия наиболее четко и последовательно реализована Белинским в двух его ключевых публикациях в журнале «Телескоп» в 1836 г. Это большая часть обзора «Ничто о ничем, или Отчет к издателю “Телескопа” за последнее полугодие (1835) русской литературы», помещенная в 4-м номере, и статья «О критике и литературных мнениях “Московского наблюдателя”» — в 5-м и 6-м номерах.

Ведя с критиком «Московского наблюдателя» полемику по широкому кругу вопросов, Белинский закономерно полагал нужным выяснить «и его литературное учение и приложения к разбираемым им книгам». Но уже в конце первой, навештанной в № 5 части статьи «О критике и литературных мнениях “Московского наблюдателя”» ее автор язвительно заметил, что

¹ См.: Прохорова И.Е. Полемические выступления В.Г. Белинского против С.П. Шевырева в середине 1830-х годов: выбор стратегии // *Личность и творчество В.Г. Белинского: взгляд из XXI века (К 200-летию «нижнегого Васюковича»)* // Ежегодник кафедры истории русской литературы и журналистики. — М., 2011. — С. 65–82; Она же. В.Г. Белинский vs С.П. Шевырев: реализация конфронтационной стратегии в журнальной полемике (1836) // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика*. — 2012. — № 2. — С. 58–83.

даже после рассмотрения пяти статей Шевырева «литературное учение» последнего «остается <...> тайною»¹.

Хотя, как известно, Белинский — мастер импровизации², в данном случае эффект был им точно рассчитан: заключительная фраза в прерывающейся до следующего номера публикации хорошо запоминается. Так что запомнить читатель Белинского должен был довольно прозрачный намек на отсутствие у Шевырева основательной литературно-критической, литературоведческой концепции, что ставило под вопрос саму его репутацию ведущего критика журнала, претендующего на «ученость» не только в отношении общей образованности, но и профессионального статуса. Заметим, полемика проходила как раз во время утверждения его в должности адъюнкт-профессора Московского университета. Время, когда сразу после защиты и издания до сих пор сохраняющей научную значимость диссертации «Дант и его век» (1834) Шевырев сумел подготовить и опубликовать подряд две большие монографии — «История поэзии» (1835) и «Теория поэзии в ее историческом развитии у древних и новых народов» (1836 г., защищена как докторская диссертация).

Все эти труды, по точной характеристике современных исследователей истории отечественной философской и теоретико-литературной мысли, отличала «общность методологического пафоса, приобретающего все более отчетливую новаторскую направленность», связанную с преодолением канонов утвердившейся тогда русской философской эстетики³. Но то, что всеми принято сегодня, в середине 30-х гг. молодому Белинскому, к тому же в пылу полемики, представлялось по-другому. Да и сам профессиональный статус Шевырева вполне мог быть еще и дополнительным раздражающим моментом для Белинского, по крайней мере на подсознательном уровне, ведь он едва ли забыл о собственной университетской неудаче.

Согласившись с Шевыревым, порицавшим О.И. Сенковского за то, что он «судит о литературных произведениях по

¹ Белинский В.Г. Письм. собр. соч. — М., 1953. — Т. 3. — С. 140.

² См. об этом подробнее: Мамы В.В. Поэзия критической мысли // Новый мир. — 1961. — № 5. — С. 231.

³ Марквич В.М. Уроки Шевырева // Шевырев С.П. Об отечественной словесности. — М., 2004. — С. 21.

личным впечатлениям и отвергает возможность положительных законов искусства», Белинский использовал и это согласие отнюдь не для солидарного наступления на критика «Библиотеки для чтения» и в целом «торгового направления». Критик «Телескопа» предпочел развить атаку на самого Шевырева, в статьях которого якобы невозможно выявить, какими «основаниями прекрасного» он сам руководствовался⁵. По сути, подход Шевырева уравнивался с субъективно-волевым подходом Сенковского.

В этой связи закономерным оказывается то, что весьма значительное место в статье Белинского «О критике и литературных мнениях...» отведено одной из программных публикаций Шевырева «О критике вообще и у нас в России» (1835, № 1). Если при сопоставлении названных статей учесть, что у оппонента Шевырева был почти год для обдуманной оценки его позиция, то возникает вопрос о принципиальной готовности и желании Белинского донести до своего читателя адекватное представление о рассматриваемом «чужом» тексте, об уровне и характере своих разногласий с его автором. В целом представляется, что полемику Белинского против Шевырева и его статью «О критике вообще и у нас в России» можно охарактеризовать как главным образом словесное противостояние при некоторых «предметных» разногласиях и максимуме неготовности к диалогу идей.

Белинский справедливо разделил статью Шевырева на две части: посвященную его «вообще о критике» вообще (что подчеркнуто уже в шевыревском названии) и полемическую, направленную против критики «Библиотеки для чтения». И обе части вызвали почти исключительно негативные отзывы рецензента.

Даже признав «благородное негодование, неподдельный жар, остроту в выражении, резкость и силу слога» Шевырева в «обличениях» Сенковского в полемической части статьи, Белинский тут же съел завет свою ижевскую оценку. Он отказался признать необходимость самих этих «обличений»⁶. Такой «поворот» в ходе рассуждений Белинского — высказывание,

⁵ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. — Т. 2. — С. 140.

⁶ Там же.

что позиция Сенковского не заслуживает слишком большого внимания, — кажется явной уловкой. Ведь сам Белинский не пренебрегал критикой Сенковского ни до ни после публикации статьи против Шевырева. Да и в данной статье Белинский призывал разоблачать «надувателей невежества» в любых их предприятиях, имея в виду, конечно, и редактора, и основного автора «Библиотеки для чтения». А главное, оппонент Шевырева не мог и вряд ли действительно собирался опровергнуть его обоснованное утверждение, что «большая часть России руководствуется ее («Библиотеки для чтения», — *И.И.*) суждениями касательно всех произведений литературных» и это представляет опасность для культурного развития страны⁷.

Несогласие Белинского с общим «понятием Шевырева о критике» изложено более откровенно, без подобных полемических уловок. Зато здесь в полной мере дана о себе знать стратегия замалчивания каких-либо заслуг оппонента и/или совпадений и прямых перекличек с ним в постановке и осмыслении принципиальных для профессии критика проблем. При этом заострялось внимание аудитории на разного масштаба разногласиях с «противником», и особенно на его неудачах.

Белинский посчитал неверной разработку Шевыревым в статье «О критике вообще...» вопроса о значении критики как «главной силы литературного мира» и критика как «первого ее (литературы. — *И.И.*) начинателя». Их особую — главенствующую — роль в России и в этой связи особые — повышенные — к ним требования автор «Московского наблюдателя» склонен был небезосновательно объяснять своеобразием развития отечественной литературы — литературы «народа, позднее являющегося, чем другие», в пространстве европейской цивилизации. Развитие русской литературы, по Шевыреву, не могло не отличаться «обратным» ходом по отношению к литературам, имевшим более древнюю историю, поскольку она изначально подверглась сильнейшим «разнородным влияниям» с их стороны, что требовало серьезного критического осмысления и преодоления. В подтверждение своей идеи Шевырев приводил пример Германии, где «словесность, восшедшая на степень высшего искусства, началась с блистательного развития критики

⁷ Шевырев С.П. Об отечественной словесности... — С. 92.

ученой и глубокомысленной», а Лессинг, Винкельман и Гердер «предшествовали» Шиллеру, Гёте, Жан-Полу⁸.

Дважды (во вступлении к статье и, как уже отмечалось, в заключении к ее первой части) обращается Белинский к этим положениям статьи Шевырева, заявляя о своем несогласии. Вначале критик описывает мнение оппонента как «неловкое, но остроумное», однако отказывается от каких-либо объяснений: «...не хочу рассматривать его». Белинский предпочел перевести разговор на то, что нашей литературе «должна предшествовать некая образованность вкуса», появление «требователей на литературу», ради чего «наша критика должна быть губернатором общества и на простом языке говорить высокие истины»⁹. При этом он совершенно игнорирует тот факт, что о задачах критики по подготовке читателя к восприятию качественной серьезной литературы уже неоднократно говорилось в прессе, и, подчеркнем, в том числе в не удовлетворившей его статье Шевырева.

Правда, формулировку этих задач Шевырев не вывел на первый план, но все его размышления о критике исходили из понимания ее социокультурной функции, предназначения для всего общества — и для пишущих, и для читающих. Более того, автор «Московского наблюдателя» специально остановился на различиях между «критикой общественной», которая постоянно «совершается в общественном мнении большинством голосов» и от которой напрямую «зависит успех и сбыт сочинения», и «критикой истиной», в конечном счете нацеленной на руководство вкусом читательской аудитории. От последней требовался не «одна рассказ личных впечатлений, которые могут быть бесконечно разнообразны, смотря по лицам», и которыми «даже неучтиво обременить публику». «Истинная критика» определялась Шевыревым как «строгий и уточненный разбор этих впечатлений, перевод их жаркого языка на охлажденный, беспристрастный и всем равно доступный, всем общий язык мысли, язык отчета». Показательно сопоставление данного определения с предложенным Белинским: «...наша критика должна быть губернатором общества и на простом языке

⁸ Там же. — С. 87.

⁹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. — Т. 2. — С. 124, 125.

говорить высокие истины». Шевырев призывал водворить в России литературную критику, «воспитанную своею (отечественной — И.Л.) наукою и основанную на глубоком изучении истории словесности», не приемлющую «произвола», личных пристрастий в оценках.

Заметим, кстати, что осознавал Шевырев и пользу аннотированной библиографии, разного рода дайджестов (говоря современным языком). Этим предлагалось заняться журналистам, умеющим лишь «делать хорошие извлечения из книг <...> и рассказывать содержание». Но такие авторы, по Шевыреву, еще не критики — «только услужливые секретари публики», которая не имеет времени и средств «приобретать все книги».

Так, не позволяя повснить смысл своего несогласия с Шевыревым в вопросе о значении и задачах литературной критики в России, сотрудник «Телескопа» в той же статье предложил определить функций и соответствующего им языка критики, которые чуть не дословно совпадали с отвергнутыми им — пожалуй, только более лаконичные, без уточняющих подробностей. Больше внимания Белинский уделил опровержению другого шевыревского высказывания о критике. Имеется в виду также принципиальное для автора «Московского наблюдателя» суждение, что критика — это «сила, посредствующая между творчеством и наукою».

Вообще, представления Шевырева о соотношении словесности и науки, творческой свободы и подчинения всевозможным «урокам опыта», «законам» теории, «преданию» постоянно развивались, модифицировались. В рассматриваемой статье «О критике вообще...» сделана попытка показать «жизнь литературного мира» как диалектическое противоречие, «борьбу между словесностью художественною, беспредельно вновь творящею, и наукою и преданием, которые хотят ограничить ее стремление определенными законами и формами». Для сохранения «равновесия и гармонии» и соответствующего устойчивого движения в мире литературы необходима третья сила — литературная критика, «примиритель, равно наблюдающий права каждой» из «двух враждующих сил»¹⁹.

¹⁹ Шевырев С.И. Об отечественной словесности... — С. 97, 95, 88, 100, 99.

Белинский объявляет это рассуждение Шевырева выведенным из «слухового начала», причем полностью его процитировав, но весьма вольно истолковав как утверждение того, что «жизнь искусства» (имею в виду «жизнь литературного мира», что отнюдь не тождественно в системе координат Шевырева) составляет исключительно борьба «между искусством и наукою». Оппонент Шевырева провозглашает такую борьбу «смертью искусства», а не его «жизнью». Вдохновение художника, по выражению Белинского, «лучше науки».

В ходе полемики Белинский формулирует в общем справедливый (и разработывавшийся им, как известно, с «поддачки» Н.В. Ставропича в ходе их занятий немецкой философией) тезис, что «не наука создала искусство, а искусство создало особенную науку – теорию изящного»¹¹. Однако презентация этого тезиса как абсолютно противоположной шевыревской позиции была явно надуманной. Ведь критик «Московского наблюдателя» вовсе не декларировал первенство науки в отношении искусства. В Предисловии же к своей книге «Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов» (цензурное разрешение 2 декабря 1836 г.) Шевырев прямо заявил: «Искусство было прежде теории. Не искусство было следствием теории, а теория следствием искусства. Эта истина подтверждается опытом всех веков и народов»¹². Причем почти дословное совпадение тезисов оппонентов нельзя рассматривать как вынужденное признание Шевыревым правоты Белинского только потому, что шевыревская книга вышла в свет несколькими месяцами позднее появления статьи в «Телескопе». Тем более что еще до выхода Белинского на журнальную арену, с начала 1830-х гг., находясь за границей и самостоятельно изучая труды европейских философов и эстетиков, Шевырев все больше склонился к необходимости выработки особой «методы исторической», отличной и от французской эмпирической, и от немецкого умозрения. Так что указанное совпадение в суждениях оппонентов – довол-

¹¹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. – Т. 2. – С. 139.

¹² Шевырев С.П. Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов. – М., 1836. – С. 1.

нительное свидетельство общности теоретических исканий двух ведущих критиков середины 1830-х гг.¹³

Произвольно приписывалось Беллинским оппоненту и стремление «покорить» искусство критике, ведь предлагаемая ей Шевыревым цель «равно наблюдать права» борющихся сторон — искусства и науки — не тождественна цели «покорить» одно явление другому. Также необоснованно жесткое полемическое утверждение оппонента Шевырева, что влияние критики «простирается не на искусство, а на вкус публики». Во-первых, как уже отмечалось, критик «Московского наблюдателя» никогда не отказывался обращаться «к мысли и чувству» читателей. Он не желал лишь им «завлаживать свои мнения» или «утождать» какому-либо их «страстям», считая действительно полезным обсуждать с ними только те «произведения, которые чем-либо могли действовать на нравственный успех общества, в хорошую или плохую сторону»¹⁴. Во-вторых, сам Беллинский на первой странице статьи «О критике и литературных мнениях...» выдвигает ставшую классической формулу критики как «движущейся эстетики», а последняя, понятно, не могла не воздействовать и на вкус «грома-творца», не ограничиваясь вкусом публики¹⁵.

Илишние категоричными представляются отрицание Беллинским шевыревского определения критики («посредник», «пরিामритель») и противопоставление ему своего — «применение теории к практике». Ведь тогда Беллинский уже читал опубликованный Шевыревым «Перечень Наблюдателя», в котором оптимальная для создателя критического или критико-библиографического текста позиция описана довольно точно: «искренний и пристойный разговор» с читателями «о тех впечатлениях, которые производят на нас явления нашей

¹³ Беллинский, работая над статьей, скорее всего, не мог знать полного текста книги, которую тогда заканчивал Шевырев. Но удивительно, что упрек Беллинского критику «Московского наблюдателя» в желании «подчинить искусство теории» воспроизводится во многих достойных современных работах по истории критики, в том числе во фрагментах, непосредственно посвященных Шевыреву.

¹⁴ *Московский наблюдатель*. — 1836. — Кн. 1. — С. 80.

¹⁵ *Беллинский В.Г.* Полн. собр. соч. — Т. 2. — С. 123, 139–140.

словесности, и поверия этих впечатлений с положительными истинами науки»¹⁵.

Итак, «чужое» слово воспринималось Белинским в основном как повод для возражения, даже если по сути, по своей общей идее позиция носителя этого «чуждого» слова была близка оппоненту. Как показывает анализ статьи Шевырева «О критике вообще и у нас в России» и оценки этой публикации Белинским, полемичку он понимал как «войну» рода «уничтожения противника» с использованием всех доступных средств, включая разного рода уловки в интерпретации его слов.

Выбор Белинским такой позиции был вполне закономерен: в годы, когда он формировался как журналист, да и много позднее, когда на его публицистике воспитывались следующие поколения журналистов, мастерство полемиста, как правило, отождествлялось прежде всего с умением дискредитировать «чужое» слово. Подобное понимание полемички исключало диалоговую стратегию с присущей ей установкой на «разговоры с договоренностью», т.е. на конструктивное обсуждение тех или иных явлений и высказываний о них в журналистике ради поиска консенсуса с противоположной стороной, — о значимости такого «режима диалога» много размышляют современные теоретики журналистики. Об этом, например, ярко свидетельствует книга Е.П. Прохорова «Журналистика и демократия»¹⁶.

Конечно, в любую эпоху для выбора конфронтационной стратегии в полемике и, главное, успеха в ее реализации, которого добился Белинский, журналисту нужны соответствующие психологические качества. По меткому выражению Ив. Иванова, это особое «сладогострастие протеста» и готовность «заклеймить» противника «взором отвержения»¹⁷. Сам Белинский, очевидно, хорошо осознавал также свои наклонности. Обобщая свой журнальный опыт в феврале 1847 г., он подчеркивал, что «природа осуждала» его «звать собакою

¹⁵ Московский наблюдатель. — 1836. — Кн. 1. — С. 79–80.

¹⁶ См. об этом подробнее Прохоров Е.П. Журналистика и демократия. — М., 2004. — С. 155–194.

¹⁷ Иванова Ив. История русской критики. — Т. 3. — Ч. 4. — М., 1953. — С. 109–101.

и быть паклом» и что «все лучшее» его статьи написаны, когда он мог отдаться «негоднованию и бешевству»¹². Влияние таких страстей почти неизбежно толкало шолохова к границе дозволенного в вольности трактовки «чужого» слова, к нетерпимости в отношении «чужого»/«другого» мнения, которые явно противоречат принципам демократизма в современном их понимании, о чем также обоснованно писал в последних своих работах Е. П. Прехоров.

А. Н. Соколова,

*кандидат филологических наук, главный редактор
ООО «Центр компьютерного моделирования»*

Судьба распорядилась так, что мне довелось стать последней из почти 40 аспирантов профессора Е. П. Прехорова. Общение с Евгением Павловичем для меня — это настоящая школа научного исследования, понимания журналистики, ее миссии. Поэтому я не могла не откликнуться на предложение принять участие в Книге памяти моего Учителя. А размышляя над формой участия в ней, подумала, что будет интересно немного приоткрыть занавес над тем, как петербургской приходилось Евгению Павловичу как научному руководителю — авторитетному ученому, имеющему собственную продуманную позицию по самым разным научным проблемам, но при этом в высшей степени демократичному, деликатному, совершенно чуждому авторитарного стиля общения с коллегами, в том числе и младшими. Знаю по собственному опыту общения с Евгением Павловичем, как он стремился вести принципиальный и в то же время дипломатичный диалог и со своими аспирантами, и с опытыми сотрудниками кафедры, далеко не всегда согласными с теми или иными подходами и понятиями, которые разрабатывались начинающими исследователями под его руководством.

Один из параграфов моей диссертации на тему «Развитие теоретических представлений о функциях журналистики» должен был быть посвящен тому, как соответствующие функции понимались в разные эпохи ведущими российскими и зарубежными исследователями. Для упорядочивания данных, полученных в результате изучения различных концепций, Евгений Павлович рекомендовал мне обратиться к методу кластерного анализа.

¹² *Белковский В. Г.* Письм. собр. соч. — Т. 12. — С. 337–338.

Предполагалось, что каждый кластер будет состоять из набора функций, описанных одним автором. Однако после обсуждения диссертации на кафедре от этой задумки было решено отказаться, а само понятие «кластер» было заменено на более привычное — «группа», или «набор» функций.

Поскольку суть параграфа из-за внесенных исправлений не менялась, я довольно легко согласился на этот шаг, тем более что он был инициирован уважаемыми учеными, участвовавшими в обсуждении моей работы на кафедре социологии журналистики. Но Евгений Павлович по-прежнему одобрял идею применения кластерного анализа, о чем говорил и во время обсуждения. И каждый он советовал мне не спешить исключать соответствующие фрагменты из рукописи, хотя даже намек на какое-либо проявление авторитаризма со стороны Евгения Павловича никогда не было — свободой окончательного решения он всегда оставлял за автором текста.

Сейчас, когда для написания этого материала я решила восстановить черновой вариант «спорного» параграфа, с досадой обнаружила, что, переписывая его, видимо, в плену эмоций, удалила на компьютере все, что было решено не включать в итоговый вариант работы. К счастью, первоначальный его текст сохранился в старом почтовом ящике, причем с пометками Евгения Павловича. Вполне самостоятельный и, само надеяться, небезынтересный для исследователей СМИ фрагмент моей диссертации в той редакции, которая в основе своей была поддержана проф. Прохоровым (правда, с намеком на формат статьи названным), печатается впервые.

ИСТОРИЯ ОПИСАНИЯ ФУНКЦИЙ ЖУРНАЛИСТИКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ КЛАСТЕРНОГО АНАЛИЗА

Системно организованная теория функций журналистики — основа творческого, гуманистически ориентированного функционирования СМИ. Выявление функций журналистики и построение их системы невозможно без опоры на уже имеющиеся в теории журналистики представления о совокупности функций. Однако позиции исследователей, авторов основных, на наш взгляд, работ по данной проблеме различны. Неодинаковы как приводящиеся перечни функций, так и их

характеристики. Для группировки и упорядочивания данных, полученных нами в результате рассмотрения различных источников, частично обратимся к методу кластерного анализа, цель которого, как отмечают М.С. Олдендерфер и Р.К. Блотфилд, заключается в поиске существующих структур, а также в приведении структуры в анализируемые данные¹.

Кластерный анализ по группам, или кластеризация, является широко распространенным научным методом, находящим применение в социологии, археологии, психологии, политологии и многих других сферах знания. Сам термин «кластеризация» произошел от англ. *cluster* – «гроздь, группа, скопление». Данный вид анализа можно определить как классификацию объектов по характеризующим их признакам, разделение совокупности объектов на однородные группы, близкие по «определяющим критериям, выделение объектов определенной группы. Задачей кластерного анализа является, как отмечает Л.Х. Питтис, «разбиение неоднородного множества, состоящего из каких-либо элементов, имеющих сходные измерения, на группу подмножества, каждое из которых признается условно-однородным»².

В данном случае в качестве неоднородного множества выступят функции журналистики, представленные различными исследователями в данной области в разные времена. Каждый кластер будет состоять из набора функций, описанных одним автором. Выше мы отметили, что лишь частично обратимся к методу кластерного анализа, поскольку полученные нами в конечном результате группы функций не будут однородными, как того требуют нормы кластерного анализа, они будут состоять из другого неоднородного множества, требующего дальнейшего рассмотрения и идентификации логико-смысловых отношений между употребляющимися понятиями, выявлении лексического и логического начал в терминологии проблемы.

Итак, общей особенностью наборов функций журналистики, включенных нами в один кластер, будет их принадлежность одному автору, а иногда, как станет ясно далее, принадлежность даже целой эпохе.

¹ Фастерный, дескриптивный и кластерный анализ. – М., 1989. – С. 149.

² Питтис Л.Х. Кластерный анализ: основные идеи и методы. – М., 2000. – С. 3.

Исследовательский интерес к выявлению функций журналистики и «расширение» соответствующих наборов проявлялись постепенно, вслед за возрастанием роли информации в жизни общества. По сути, первыми попытку классифицировать функции журналистики, системно описать их цели и задачи в процессе массовой коммуникации совершили в середине XX в. западные социологи. Данной проблемой занимались также известные ученые, как Р. Мертон, Ч.Р. Миллс, Г. Лассуэлл, К. Райт, Д. Маккуэйд.

В 1947 г. Роберт Мертон сформулировал свою теорию функционального анализа, основная теорема которой гласит: «Как одно явление может иметь различные функции, так одна и та же функция может выполняться различными явлениями»¹. В соответствии с функциональным подходом Р. Мертон рассматривает общество как «систему в равновесии». Ученый отмечает, что если функция способствует выживанию системы, ее адаптации к окружающей среде, то дисфункция дает обратный результат. Р. Мертон утверждает, что, пока функциональные действия преобладают, а дисфункциональные сведены к минимуму, общество находится «в равновесии», поскольку функциональные действия перевешивают дисфункциональные. Он также разделяет функции на явные (следствия вызваны намеренно и легко наблюдаемы) и латентные (следствия вызваны ненамеренно и не так легко наблюдаемы).

Сторонники этого направления в исследовании массовых коммуникаций стремились понять, какие конкретные структуры или разновидности содержания медиа функциональны, а какие дисфункциональны. Первый учебник по теории массовых коммуникаций, в котором был предложен функциональный подход к анализу массмедиа, был написан и опубликован Чарльзом Райтом Миллсом². Однако попытки систематизировать главные функции журналистики начали предприниматься задолго до этого события. Еще Г. Лассуэлл³ выделял три базовые функции коммуникации: наблюдение за

¹ Там же. – С. 59.

² Mills C.W. *The Sociological Imagination*. – N.Y., 1959.

³ Lasswell H. *The Structure and Function of Communication in Society // The Communication of Ideas / Ed. by L. Bryson*. – N.Y., 1948.

окружающей средой, корреляция различных частей общества в ответ на воздействие среды и передача культурного наследия. «Иначе говоря, медиа должны передавать, комментировать и интерпретировать информацию, чтобы помочь людям составить полное представление о событиях и выработать консенсус; отражать культурные ценности и символы, жизненно важные для идентичности и преемственности общественного развития»⁶, — такое пояснение к классификации Г. Лассуалла дает современный российский исследователь Г.П. Басулев.

В 1960 г. американский исследователь К. Райт в работе, опубликованной в *Public Opinion Quarterly* (Wright C.R. Functional Analysis and Mass Communication) добавил к перечню Г. Лассуалла четвертую функцию — развлекательную, которая помимо «передачи культурного наследия» имеет и другой аспект: расслабляет, снимает напряжение, помогает людям справиться с жизненными проблемами.

Развил эту классификацию Д. Маккуэйл⁷. Он дополнил ее новой функцией — мобилизующей, благодаря которой медиа содействуют рациональным интересам и внедряют в сознание людей определенные ценности и модели поведения. В результате у него получился следующий набор функций журналистики:

— **информировать** (обеспечивать информацией о событиях в обществе и мире; сигнализировать об отношениях с властью; облегчать обжалование, адаптацию и прогресс);

— **коррелировать** (объяснять, интерпретировать и комментировать смысл событий и информации; обеспечивать поддержку существующей власти и норм; социализировать; координировать разные формы деятельности; добиваться консенсуса; устанавливать приоритетность и сигнализировать об относительном статусе);

— **обеспечивать преемственность** (выражать господствующую культуру и признавать субкультуры и новые культурные веяния; формировать и поддерживать общность ценностей);

— **развлекать** (обеспечивать развлечения, отвлечение, средства расслабления; снижать напряженность в обществе);

⁶ Басулев Г.П. *Массовая коммуникация: западные теории и концепции*. — М., 2003. — С. 66.

⁷ McQuay D. *Mass Communication Theory: An Introduction*. — L., 1987.

– **мобилизовать** (в общественных целях проводить кампании, касающиеся сфер политики, войны, экономического развития, занятости, иногда религии).

Данные пять функций журналистики, выделенные западными социологами в середине прошлого столетия, образуют наш первый кластер. Для формирования второй группы обратимся к разработкам советских исследователей. Опираясь на опыт зарубежных коллег, они формировали свои подходы к этому вопросу¹, определяя задачи, цели и условия эффективности СМИ.

Так, Ю.А. Шерковин рассматривает функции журналистики в нескольких аспектах: социальном, социально-психологическом, в свете функциональной теории, а также с точки зрения «эффектов», достигаемых в результате восприятия аудиторией содержания коммуникации². Исследователь описывает функции журналистики с позиции индивида и потребителя информации, которые должны получать удовлетворение от информации, необходимой для разрешения различных социальных и бытовых проблем (утилитарный эффект), спорных вопросов (эффект усиления позиции), поддержания «ценности» аудитории (престижный эффект), удовлетворения познавательного интереса (гносеологический эффект), оказания эмоционального эффекта и эстетического обогащения. Ю.А. Шерковин подчеркивает: «...общая функциональная эффективность массовой коммуникации в высшей степени зависит от того, насколько удовлетворяются интересы аудитории с реализацией указанных эффектов»³. Исследователем выделяются следующие функции, которые входят в состав нашего второго кластера: **изучение окружающей среды, корреляции реагирования отдельных частей общества на окружающую среду, передача социального наследия от одного поколения к другому, развлечение**. Как видим, данный автор следует модели Г. Лассуэлла.

Стоит отметить огромное влияние, которое оказывало на ранние концепции советских авторов учение В.И. Ленина, счи-

¹ См.: Шерковин Ю.А. О природе и функциях массовой коммуникации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Журналистика. – 1967. – № 4. – С. 45.

² Там же. – С. 44–45.

³ Там же. – С. 49.

такого необходимым использование журналистики в период открытого противоборства с политическими институтами в политических интересах и выделенного ее соответствующими функциями. Понимая огромное значение прессы, Ленин настаивал на выполнении ею такой деятельности, как пропаганда, агитация и организация. Положение, утвержденное Лениным, стало руководящим принципом для последующей марксистской печати. Десятилетиями формула «пропаганда, агитация, организация» считалась определенным функцией журналистики.

В своей работе «Основные функции и принципы партийной и советской печати» И.А. Портушкин, опираясь на труды Ленина и постановления партийных съездов, выделяет три основные функции печати — коллективного пропагандиста, коллективного агитатора и коллективного организатора. Периодическая печать представляется им в качестве «многоучебного средства идейно-политического воспитания и организации трудящихся масс», «средства систематического ведения принципиально выдержанной и всесторонней пропаганды и агитации», которое призвано «ежедневно идейно воздействовать на народ, разъяснять массам свою политику, привлекать на свою сторону рабочих и крестьян»¹¹. Вслед за Лениным И.А. Портушкин сравнивает печать с лесами, «которые возводятся вокруг строящегося здания, намечают контуры постройки, облегчают сношения между отдельными строителями, помогают строителям распределять работу и обобщать общие результаты, достигнутые определенным трудом»¹².

Уточняя суть функций периодической печати, автор говорит о ее задачах: разъяснить народу политику правящей партии, помогать людям увидеть «контуры» лучшего будущего, «занять свое место в общенародном строю», знакомить «массы с успехами, достигнутыми организованным трудом народа», «бороться за претворение в жизнь задач величайшего исторического значения, мобилизовать массы»¹³. Таким образом,

¹¹ Портушкин И.А. Основные функции и принципы партийной и советской печати. — М., 1955. — С. 7.

¹² Там же.

¹³ Там же. — С. 7–8.

строго обозначая только три основные функции, И.А. Портянкин упоминает и другие, по всей видимости, неосновные задачи журналистики, не получающие ни четких, конкретных названий, ни более или менее развернутых характеристик.

И.А. Портянкин признает неразрывную, закономерную взаимосвязь между агитационной, пропагандистской и организаторской функциями: «Отрыв агитации и пропаганды от конкретных организационных задач, так же как и попытка осуществить организаторскую функцию без активного, действительного развития на страницах газеты агитации и пропаганды, неизбежно приводит газету к притуплению чувства времени, к потере оперативности и действительности, к отставанию от жизни и превращению в бесполезный, никому не нужный листок»¹⁴, — заключает автор.

Более четкие характеристики функций пропаганды, агитации и организации мы встречаем в пособии Л.И. Коняк «Функции печати нового типа». Научное обоснование роли печати здесь также связано с теоретическим и практическим опытом революционной прессы. Функции «печати нового типа» последователь формулирует, опираясь на работы В.И. Ленина, подчеркивая, что «впервые» именно «в марксистском учении о печати появилась четкая, всеобъемлющая характеристика функций газеты»¹⁵.

Пропаганда, согласно Л.И. Коняк, необходима для разъяснения марксистско-ленинской теории, политики КПСС по внутренним и международным вопросам, борьбы с ревизионизмом, разоблачения буржуазной идеологии. Агитация — это «предоставление читателю широкой панорамы жизни» при помощи отбора самых характерных фактов, событий, данных¹⁶. В основе агитации лежит «массовое действие для примера». «Пропаганда и агитация в прессе нового типа не сводятся к информированию, осведомлению. Роль газеты как коллективного пропагандиста и агитатора в том, чтобы побудить читателя к осознанному, активным действиям на благо общества»¹⁷, —

¹⁴ Там же.

¹⁵ Коняк Л.И. Функции печати нового типа. — Свердловск, 1974. — С. 9.

¹⁶ Там же. — С. 73.

¹⁷ Там же. — С. 76.

пишет Л.И. Коняк. Организационная функция заключается в формировании сознания людей в определенном духе, устремлении их мыслей и действий к единой цели, объединении людей вокруг их коренных интересов. **Пропаганда, агитация и организация** станут составляющими нашего третьего кластера.

Развитие теории журналистики привело к новым шагам на пути развития теории функций. На страницах советской прессы развернулись дискуссии по вопросам функций и принципов советской печати. Некоторые исследователи указывали на необходимость расширения функциональной системы журналистики. В частности, Г.И. Хмара выделяет уже пять основных функций прессы – **информационную, просветительскую, воспитательную, регулятивную (или управленческую) и гедонистическую**²⁰ (четвертый кластер).

В этой работе мы встречаем и четкие характеристики выделяемых функций. Так, информационная функция – это функция, «с помощью которой идет поток информации об экономическом, политическом, социальном, духовном развитии нашей страны <...> и о положении в других странах мира»²¹. Просветительская функция «предусматривает пропаганду комплекса знаний по различным областям науки, техники, культуры, искусства», воспитательная «способствует формированию у аудитории, различающейся по социальным и демографическим признакам, научного мировоззрения, глубокой идейной убежденности, общественного мнения, влияет на массовые настроения»; а регулятивная функция «направляет энергию и силы трудящихся на реализацию выдвинутых программных задач»²². Гедонистическая функция – это «функция эмоционального удовлетворения или наслаждения, которое вызывается воздействием той или иной информации». «Эта функция, бесспорно, содействует запоминанию полученных сведений или знаний и влияет на реальное поведение личности, различных социальных групп населения»²³, – уточняет исследователь.

²⁰ Хмара Г.И. Печать в системе массовых коммуникаций // Проблемы социологии печати. – Вып. 1. – Новосибирск, 1969. – С. 183–216.

²¹ Там же. – С. 188.

²² Там же.

²³ Там же.

В.С. Коробейников сравнивает функции журналистики в условиях социализма и капитализма, отмечая, что при социализме «ведущими для средств массовой информации являются функции экономического строительства и развертывания социалистического соревнования, политического и идейно-нравственного воспитания, культурно-эстетическая функция, образовательная функция»²² (пятый кластер).

И.П. Магай, строя свою систему функций журналистики, укладывает ее, разделяя функции на основные и неосновные (испомогательные). По мнению исследователя, только через триединство основных функций (выделенных еще Лениным пропаганда, агитация и организация) пресса способна осуществлять управленческую деятельность, воздействуя на политическую практику и политическое сознание в интересах правящей партии и населения. «Таким образом, основные функции в терминологическом смысле означают то, что они составляют сущностное содержание журналистской деятельности»²³, — обобщает автор. При этом журналист в обществе выступает как субъект нескольких функций. Во-первых, он пропагандист, агитатор и организатор, целенаправленно воздействующий на аудиторию. Во-вторых, он коммуникатор, в-третьих, — субъект познания. Если основные функции вымечают «внешние» стороны журналистской деятельности, то под неосновными функциями подразумеваются «внутренние» стороны деятельности, входящие в состав основных функций. Коммуникативная функция, пишет И.П. Магай, — это «социально-психологическое общение, которое представляет собой живое взаимодействие двух равноправных величин (субъект — субъект)» и «определяет агитационно-пропагандистскую и организаторскую деятельность»²⁴.

В процессе коммуникации «механизмом взаимодействия» выступает журналистская информация — текст, слово, с помо-

²² Коробейников В.С. Функции средств массовой информации в социалистическом обществе // Человек социалистического общества и процессы мировой коммуникации. Мат-лы второго симпозиума-семинара коммуниста. — Л., 1977. — Т. 1. — С. 43.

²³ Магай И.П. Методологические проблемы журналистского мастерства (функции прессы и социальная роль журналиста). — М., 1978. — С. 34.

²⁴ Там же. — С. 33.

щью которого пресса ведет свой диалог с читателем. Добывать и переработать информацию позволяет познавательная деятельность, которая носит «прикладной» характер по отношению к основным функциям. Таким образом, шестой кластер состоит из пяти функций: **пропаганды, агитации, организации, коммуникации и познания.**

Некоторые исследователи относят к числу наиболее продвинутых разработок этого периода модель функций СМИ, созданную Б.А. Грушиным. По мнению исследователя, существует пять элементарных (или целевых) функций: **информирование, воспитание, организация поведения, создание определенного эмоционально-психологического тонуса, коммуникация**²⁵ (седьмой кластер).

Информирование Б.А. Грушин определяет как «увеличение объема и (или) изменение состава знаний у представителей аудитории, на которую передается информация и которая выступает в роли объекта управления»²⁶. Воспитание — это «формирование или изменение интенсивности или направленности определенного типа установок (ценностных ориентаций) у представителей аудитории, на которую передается информация (у объекта управления)»²⁷. Функция организации поведения определяется исследователем как «прекращение, изменение или инспирирование какого-либо действия представителем аудитории, на которую передается информация (объекта управления)»²⁸. Создание определенного эмоционально-психологического тонуса, согласно Б.А. Грушину, — «изменение комплекса психологических, физиологических и т.п. характеристик (типа усталости, повышенной раздражимости, сонливости, «плохого настроения»)»²⁹.

Немецкий исследователь Г. Перрик называет три основные группы функций журналистики (восьмой кластер):

— **идеологическую** (интеграция людей в идеологические, прежде всего политические, отношения, оказание им помощи

²⁵ Грушин Б.А. Массовая информация в советском промышленном городе. — М., 1980. — С. 85–87.

²⁶ Там же. — С. 85–86.

²⁷ Там же. — С. 86.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. — С. 87.

в такой ориентации в социальной действительности, которая соответствует их месту в общественных отношениях, их мобилизации для сохранения и развития этих отношений);

– **культурную** (развитие человека, его личности, зависящей от многообразия его общественных связей, формирование образа жизни, основанного на достижениях человеческого разума, образование, воспитание, развлечение);

– **социальную** (формирование человеческой индивидуальности в рамках образа жизни известных социально-исторических общностей)²⁰.

И.Д. Фомичева к числу функций СМИ относит коммуникативную, информационно-познавательную, ценностно-ориентирующую, социально-организационную и функцию психической регуляции²¹ (девятый кластер). Коммуникацию автор выделяет как исходную функцию СМИ, поскольку «ни один вид совместной деятельности не может быть осуществлен людьми без общения»²². На втором месте информационно-познавательная функция, т.е. «изучение действительности и сообщение о ней для других». «Все виды человеческой деятельности в современном мире требуют информационного обеспечения. Информация — содержание всех видов общения»²³, — пишет И.Д. Фомичева. Третье место в этом списке принадлежит ценностно-ориентирующей функции, подразумевающей процесс распространения идей, сопряженных с определенными ценностями, стимулирующих принятие и усвоение определенных социальных норм и образцов поведения. Затем следует социально-организационная функция (функция интеграции общества, «стратегия» ее подвзетом), которая направлена на развитие и преобразование социальных структур и взаимодействий, на формирование социальных субъектов и их поведения. Функция психической регуляции включает в себя регулирование чувств, состояний и настроений, снятие напря-

²⁰ См.: *Вернее Г. Журналистика как отрасль духовного производства // Основные вопросы теории журналистики*. — М., 1993. — С. 83.

²¹ См.: *Фомичева И.Д. Журналистика и социология*. — М., 1995. — С. 132–140.

²² Там же. — С. 132.

²³ Там же. — С. 134.

жения, развлечения, формирование самых высоких чувств — очищения (катарсис), раскаяния и т.п.

В состав нашего десятого кластера войдут семь функций журналистики, выделенных Г.В. Кузнецовым в связи с деятельностью телевидения:

— **информационная** (осведомление людей о событиях в стране и мире, поиск новостей);

— **культурно-просветительская** (приобщение аудитории к достижениям науки и культуры);

— **интегративная** (или консолидирующая, объединяющая, подразумевающая выявление общих для аудитории — общечеловеческих, общеевропейских, общенациональных, общегородских и т.п. — ценностей, обсуждение путей решения общих проблем и противодействие деструктивным, опасным для общества тенденциям, сохранение единого информационного, культурного, духовного пространства);

— **социально-идеологическая** (или управленческая, которая предполагает прямую вовлеченность телевидения в систему административного воздействия на население, в пропаганду определенного образа жизни с соответствующим набором политических и духовно-правственных ценностей);

— **организаторская** (организация каких-либо совместных действий масс людей);

— **образовательная** (регулярные циклы дидактического характера в помощь лицам, получающим образование);

— **рекреативная** (отдых, восстановление сил человека, израсходованных в процессе труда)²⁶.

Авторы опубликованного в 2000 г. учебника «Радиожурналистика» предлагают группировать «многочисленные функции радиовещания» следующим образом:

— **информационные: собственно информационная функция, рекламная;**

— **обеспечивающие социальное управление обществом: интегративная функция, функция выражения и формирования общественного мнения, общения, воспитательная, агитационно-пропагандистская, организаторская;**

²⁶ См.: Кузнецов Г.В. Телевидение и общество // Телевизионная журналистика. — М., 1998. — С. 40–52.

– культурно-просветительские: эстетическая, просветительская, функция развлечения – рекреативная²⁰.

Таким образом, наш одиннадцатый кластер будет состоять уже из одиннадцати функций, которые, стоит отметить, не просто перечислены, но и объединены в соответствующие группы.

Л.Н. Федотова выделяет такие функции СМИ, как функции информирования, воспитания, организации поведения, снятия напряжения, коммуникации²¹ (двенадцатый кластер). При помощи информационной функция, по мнению этого автора, СМИ актуализируют для каждого индивида морально-этические, правовые, идеологические нормы данного общества в исторически конкретный временной отрезок. Воспитание подразумевает передачу информации об идеалах общества, в котором существуют средства массовой коммуникации, передачу опыта поколений и формирование общественного мнения. Функция организации поведения включает в себя деятельность «от организации газетной кампании по сбору помощи людям, пострадавшим от землетрясения, или рекомендации следовать рекламе, опубликованной на страницах этой газеты, до распространения моды»²². Функция снятия напряжения признается тождественной функции рекреации, развлечения или установления эмоционального баланса. Коммуникация – это связь, общение, подразумевающее обмен духовными ценностями, одинаковыми для общающихся, а также обмен одинаковыми эмоциональными состояниями.

С.Г. Коробиненко разделяет понятия «социально-ролевая характеристика журналистики» и «функции журналистики». Он выделяет четыре социальные роли журналистики: производственно-экономическую, информационно-коммуникативную, регулирующую, духовно-идеологическую. Систему же функций исследователь строит на основании субъективного подхода, т.е. классифицирует функции журналистики на

²⁰ *Радиожурналистика: Учебник* / Под ред. А.А. Шерем. – М., 2000. – С. 113.

²¹ См.: *Федотова Л.Н. Социология массовой коммуникации: теория и практика*. – М., 2003. – С. 41–43.

²² Там же. – С. 42.

основе потребностей субъектов, вступающих во взаимодействие с прессой, а именно потребностей социальной системы (функции интеграции и познания), социальных институтов и групп (функции пропаганды, агитации и организации), личностей (функция ориентации) и журналистов (служебно-профессиональная и творческая функции)¹⁶.

Таким образом, мы получаем тринадцатый кластер, в котором каждой функции дана подробная характеристика.

Интеграция (составных элементов общества) — функция, в которой воплощается объединяющее значение журналистики. Она нацелена на достижение в обществе духовного единства и согласия и отвечает за выживание, самосохранение системы и одновременно ее непрерывное движение, которое в свою очередь является условием жизнестойкости и самосохранения.

Функция воззвания (или самовоззвания общества), благодаря которой для общества раскрывается «вся правда в целом», в приводящихся фактах, описываемых событиях, противоречиях, а также в прогнозах, предвидении будущего находит отражение действительность.

Пропаганда в понимании петербургского исследователя — это распространение политических, философских, экономических, технических и иных знаний и идей, эстетических и морально-правственных ценностей.

Агитация представляет собой воздействие на аудиторию путем создания примера для подражания, а также с помощью призыва и морального стимула.

Организационная функция нацелена на достижение определенных сдвигов в социальной практике, в поведении социальных групп, организаций, людских масс.

Ориентация объединяет в себе такие виды журналистской деятельности, которые помогают социализации индивида, его осознанному «подстраиванию» к непрерывно меняющейся действительности.

Функция психологической разрядки объединяет в себе релаксацию, гедонистическую функцию и функцию психотерапии (или психоигноремы).

¹⁶ См.: Карповичева С.Г. Основы журналистики. — М., 2006. — С. 202–221.

Служебно-профессиональная функция способствует реализации знаний и навыков журналистов, подразумевая исполнение ими своих должностных обязанностей и общественного долга; обеспечивает сотрудников СМИ средствами к существованию.

Творческая функция подразумевает самопознание, личностную самореализацию и саморазвитие журналистов во время создания журналистских произведений.

Наш четырнадцатый кластер состоит из шести функций журналистики, обозначенных Е.П. Прохоровым в его книге 2007 г.²⁶:

– **коммуникативной** – функции общения, налаживания контакта, которую автор называет исходной функцией журналистики;

– **непосредственно-организаторской** функции, реализующей роль журналистики как института общественного контроля за ходом дел в различных областях жизни;

– **идеологической** (социально-ориентирующей), отвечающей за информационное обслуживание массового сознания, и прежде всего общественного мнения: от простого сообщения фактов до стремления оказать глубокое влияние на мировоззренческие основы и ценностные ориентации аудитории, на самосознание людей, их идеалы и стремления, включая мотивацию поведенческих актов, что достигается характером и мерой информированности аудитории;

– **культуроформирующей**, заключающейся в участии журналистики как одного из институтов культуры общества в пропаганде, распространении высоких культурных ценностей, в воспитании людей на образцах общемировой культуры, тем самым способствуя всестороннему гуманистическому развитию человека;

– **рекламно-справочной**, связанной с удовлетворением утилитарных запросов в связи с миром увлечений разных слоев аудитории;

– **рекреативной** (гедонистической, развлекательной, функции релаксации), цель которой заключается в создании

²⁶ См.: Прохоров Е.П. Вызовы в теорию журналистики. – М., 2007. – С. 57–85.

условий для отдыха, интересного проведения досуга, приятного заполнения свободного времени, снятия усталости и напряжения, восстановления и укрепления душевного покоя и равновесия.

Другой исследователь, Е. В. Ахмадулин, при анализе функций журналистики обращает внимание на важность роли системоформирующего фактора — «социально-политической организации общества в зависимости от действующего режима правления (авторитарного, тоталитарного, демократического)», который «устанавливает политическую и законодательную платформы, рамки и условия функционирования системы журналистики в конкретной социальной системе данного общества»⁴⁹. В связи с этим ученый указывает на «природное свойство журналистики» — информационно-коммуникативную функцию, которая не имеет никакого значения вне социума. Он выделяет также функции социальной адаптации, интегрирующую и регулирующую, заданные таким системоформирующим фактором, как социально-политическая организация общества; «функции от фактора общественных интересов»: идеологическую (подфункции — агитация и пропаганда), дифференцирующую (подфункции — обеспечение социального плюрализма и толерантности), контрольную; «функции от культурно-образовательного фактора»: культуруформирующую (воспитательная подфункция), рекреативную, образовательно-просветительскую (с медиаобразовательной подфункцией); «функции от технико-экономического фактора»: ориентирующие (с рекламной подфункцией).

Кроме того, исследователь выделяет «иные функции журналистских текстов» — контактную, справочно-консультационную, обзорную, аналитическую, функцию документирования, коммулятивную. И в заключение автор называет некоторые функции, упоминавшиеся другими исследователями. Так, он отмечает, что А.Н. Алексеев выделяет функции публицистической и религиозной коммуникации, а И.В. Чередищенко называет перформативную, когнитивную, моделирующую и семиотическую функции.

⁴⁹ Ахмадулин Е.В. Основы теории журналистика. — М.: Ростов н/Д, 2008. — С. 211.

Большинство названных автором функций получают следующие характеристики¹¹.

Информационно-коммуникативная функция – природное свойство журналистики, т.е. тот социальный феномен, вокруг которого и ради которого создавалась система. Эта функция двуедина, поскольку, по мнению Е.В. Ахмадулина, без информации (сообщения) не может быть коммуникация (общения). Информация в системе журналистики понимается как совокупность сведений, заключенных в тексте, или как вся совокупность новых сведений (о предметах, явлениях, отношениях), снимающих, уменьшающих неопределенность (незнанию) в уже воспринятых и частично познанных предметах и явлениях. Коммуникация представляет собой осознанное межсубъектное взаимодействие коммуникантов с разным уровнем подготовки (образования, знания истории вопроса, опыта «общения» с коммуникатором и другими членами аудитории).

Функция социальной адаптации способствует приспособлению членов аудитории к условиям жизни в конкретной окружающей среде, социализации – усвоению социально-культурного опыта, навыков, знаний, норм, ценностей, традиций, накапливаемых и передаваемых из поколения к поколению – в данном конкретном обществе, в системе его общественных отношений.

Интегрирующая функция направлена на сохранение целостности общества и государства в рамках единого информационного пространства, она нацелена на достижение в обществе духовного единства и согласия.

Регулирующая функция подразумевает широкий набор целей, формируемых государственной системой в качестве подфункций, которые в научной литературе получили названия организационной, регламентирующей, контролирующей и других функций.

Идеологические функции способствуют формированию представлений, пониманий, приоритетов, оценок людей в отношении различных явлений социальной жизни (политических, экономических, правовых, этических, моральных, эстетических, философских, религиозных/атеистических),

¹¹ Там же. – С. 216–241.

а также определенных личностных, групповых интересов в различных сферах жизнедеятельности (коллекционирование, спорт, охота, рыбалка, садоводство и т.п.). Подфункциями идеологической функции являются пропаганда (распространение политических, философских, религиозных, экономических, научно-технических, художественных и иных идей и знаний, а также этических, эстетических и морально-нравственных ценностей с целью формирования в общественном сознании определенного мировоззрения, которое включает в себя систему принципов, идеалов, убеждений, определяющих отношение к природе, обществу и человеку) и агитация (представляет собой воздействие на аудиторию путем демонстрации примера для подражания, а также с помощью призыва и морального стимула с целью убедить в чем-либо, склонить к чему-либо).

Дифференцирующая функция — это сегментация и противопоставление различных социальных групп по идеологии, жизненным целям, интересам и т.п. при помощи отражения в типологической структуре средств массовой коммуникации разнополярных идей, взглядов, программ государственных, партийных, общественных движений, союзов, организаций и других объединений гражданского общества. Данную функцию сопровождают связанные между собой подфункции социального плюрализма (противопоставляет политико-идеологическому мейнстриму множество общественных интересов различных групп и социальных институтов, обеспечивая их отражение в средствах массовой информации) и толерантности (отвечает за формирование у аудитории средств массовой информации терпимого отношения к существованию в обществе различных идей, взглядов, программ, интересов и т.п. и за перевод различных социальных групп из русла социального конфликта в русло общественного диалога).

Контрольная функция отвечает за наблюдение за выполнением/невыполнением социальными институтами гражданского общества законов, уставов, обязательств, правил, традиций со стороны прежде всего государственных, властных образований.

Культуроформирующие функции направлены на распространение в обществе высоких культурных ценностей,

воспитание аудитории на образцах общемировой культуры и в конечном счете – на формировании творческой личности. Культуроформирующие функции имеют воспитательную подфункцию – формирование и развитие способности человека к эстетическому восприятию и переживанию, эстетического вкуса и идеала, способности к творчеству по законам красоты, к созданию эстетических ценностей в различных сферах жизнедеятельности, в поступках и поведении.

Рекреативная функция, которую называют также гедонистической или функцией релаксации, способствует снятию усталости и напряжения, восстановлению и укреплению душевного покоя и равновесия путем создания условий для отдыха, интересного проведения досуга, приятного заполнения свободного времени.

Образовательно-просветительская функция выполняет роль доведения уже имеющихся знаний о мире, предметах, явлениях, новых открытиях до широкой аудитории. Прямая или косвенная медиаобразовательная подфункция, возникшая на заре зарождения журналистики, призвана делить аудиторию на профессиональное использование средств массовой информации, понимание их плюсов и минусов.

Ориентирующие функции направлены на информационное обеспечение аудитории в производственной, экономической, финансовой, технико-технологической сферах жизнедеятельности человека. В ориентирующей функции немалая роль принадлежит рекламной подфункции – информации о товарах и услугах, способствующей их продвижению на рынок, формированию спроса на них. Реклама, по мнению Е. В. Ахмадулина, хотя и является отдельной отраслью информационной деятельности и информационного бизнеса, занимает одно из ведущих мест в системе журналистики, помогая потребителю сделать свой выбор, формируя культуру потребления.

Контактная функция направлена на привлечение внимания аудитории (с помощью заголовка, графика, места на полосе, шрифтов, иллюстраций и т.д.), вступление ее в контакт с текстом.

Справочно-консультационная функция проявляется в доведении до широкой аудитории уже известных сведений.

Обзорная функция выражается в предоставлении аудитории панорамы событий и явлений.

Аналитическая функция проявляется себя в углубленном, всестороннем рассмотрении факта, события или явления.

Функция документирования направлена на тиражирование законов, указов, других нормативных актов или документов, принятых государственными институтами власти, общественными, политическими или иными объединениями.

Коммулятивная функция проявляется в накоплении и хранении социально значимой информации в базах данных, культурно-исторических хранилищах и фондах.

Функции публицистической и религиозной коммуникации упоминаются автором, однако не получают определения.

Перформативная функция проявляется лишь тогда, когда данное социально значимое действие невозможно реализовать иным способом (все случаи частных журналистских расследований с последующими печатными разоблачениями; ситуации экстренных оповещений аудитории, прямые трансляции шоу-программ и т.д.).

Когнитивная функция проявляется в формировании фонда социально актуальных знаний у массовой аудитории. Подфункциями ее являются интерпретирующая (выход на новый уровень понимания действительности) и метажурналистская (получение новых ориентиров, способствующих верной оценке качества публицистической продукции).

Моделирующая функция проявляется в создании новой журналистской модели мира. Ее подфункции – виртуальная (гипотетический компонент информационного пространства) и дезинформативная (недостоверный компонент информационного пространства).

Семиотическая функция проявляется в конструировании новых языков культуры и новых текстов, создаваемых с помощью комбинированных способов семиозиса (теле-, радио-, компьютерная журналистика), что ведет к расширению семосферы.

Названные функции (с учетом того, что определение некоторых из них, как отмечает автор, было заимствовано им из работ других ученых) составляют наш пятнадцатый кластер.

Заслуживает внимания и подход к проблеме функций журналистики Т.В. Науменко. Исследовательница упрекает других авторов в смешении целей деятельности («для чего работать») и форм деятельности («как работать»), в результате чего коммуникация, реклама, развлечения и другие виды деятельности журналистики выдаются за ее функции. По мнению Т.В. Науменко, «исходя из понимания функции как той роли, которую играет элемент в системе, можно утверждать, что функцией журналистики как деятельности, выступающей элементом системы духовно-практической деятельности, является внедрение в массовое сознание продуктов специализированного сознания в форме оценок явлений и фактов, актуальных с точки зрения социальных субъектов»⁶². Такое описание одной (хотя и весьма широко трактуемой) функции не позволяет выделить его как отдельный кластер.

Конечно, кроме рассмотренных выше концепций существуют и другие точки зрения на данную проблему. Мы упомянули лишь наиболее, на наш взгляд, известные на сегодняшний день и значимые разработки отечественных и зарубежных исследователей, позволяющие сделать некоторые выводы касательно развития теории функций журналистики, показать «историю вопроса»⁶³. При этом, несмотря на то что авторами выделяются и описываются несоответствующие ряды функций журналистики, важность их классификации осознается всеми исследователями. Но, к сожалению, лишь некоторые работы отличаются стремлением к созданию системы функций журналистики.

Рассмотренные выше перечни функций журналистики и характеристики, которыми наделили их те или иные авторы, в нашем исследовании условно разделены на 15 кластеров. Проведенный далее для установления смыслового соотношения между ними логико-семантический анализ, представляется, позволяет перейти от общего теоретизирования к выявлению

⁶² Науменко Т.В. Функция журналистики и функция СМИ. URL: <http://www.orgainburg.ru/culture/otzidy/30/kazhenka>

⁶³ В данном разделе диссертации не рассматривалась такая важная в теоретико-журналистской сфере работа, как «Теория СМИ: актуальные вопросы» Е.Л. Вартановой (М., 2009), изданная уже после написания публикуемого сегодня параграфа.

конкретной системы функций журналистики. Именно об этом шла речь в следующих частях нашей диссертационной работы «Развитие теоретических представлений о функциях журналистики» (М., 2010).

Г.В. Чевозерова,

доцент кафедры журналистики и социологии Тольяттинского государственного университета

«Только в диалектическом взаимодействии теории и практики, когда теория обобщает практику, а практика служит опорой теории и критерием ее истинности, происходит развитие творческого потенциала журналиста» – эта мысль сформулирована Евгением Павловичем Прохоровым на первой же странице его учебника «Введение в теорию журналистики», выдержавшего восемь изданий. Она-то и порадила предлагаемые ниже размышления о взаимоформирующей связи теории и практики журналистики. Надо отметить, что в названной книге Евгения Павловича уделено внимание буквально всем проблемам профессионального становления и развития журналиста и любая выдержка из нее была и остается актуальным поводом для размышлений как практиков, так и исследователей СМИ.

ЖУРНАЛИСТИКА КАК ПОЗНАВАТЕЛЬНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ:

диалектическая взаимосвязь теории и практики журналистики

Любая практическая деятельность, и журналистская в том числе, обладает следующими признаками:

- является целенаправленной;
- имеет предметно-чувственный характер;
- осуществляет преобразование материальных систем.

Целенаправленность журналистской практики выражается в стремлении воплотить в тексте как материальном носителе свое миропонимание и мирозерцание. Однако текст – это не окончательный результат работы журналиста. Ведь он всего лишь материальный носитель, т.е. предметно-чувственное

воплощение некой мыслительной модели. Далее эта модель, будучи уже самостоятельной, отделенной от своего автора каналом передачи информации, взаимодействует с аудиторией и оказывает на нее определенное влияние. Вот это влияние и есть окончательный результат деятельности журналиста. Причем сам результат также имеет идеально-материальный характер. Изменения в сознании аудитории есть результат идеальный, т.е. духовно-интеллектуальный. Его принято называть **аффективностью** влияния на сознание аудитории. Но также изменения рано или поздно оказывают влияние и на поведение аудитории, что выражается уже в конкретно-материальном преобразовании действительности, которое принято называть **действительностью журналистского текста**.

Как видим, журналистская деятельность обладает всеми признаками практической деятельности и предстает как целенаправленная предметно-чувственная деятельность субъекта, направленная на преобразование материальных систем. Ее особенностью является то, что как вид практика она преобразовывает действительность не прямым путем, а согласно своей профессиональной миссии, через формирование политического сознания аудитории, способной в дальнейшем самостоятельно осуществлять перемены своей судьбы и общественной жизни.

Кратко схему журналистской деятельности можно представить в следующем виде (рис. 1).

Очевидно, что в процессе журналистской практики постоянно происходит преобразование материальных систем в идеальные и наоборот. Действительность как материальная система преобразуется в сознании журналиста в ее идеальный образ. Этот образ в результате действий журналиста материализуется в

Рис. 1. Схема журналистской деятельности

текст. Текст, в материальном виде представленный в СМИ, вновь превращается в идеальный образ в сознании воспринимающей его аудитории. Сознание моделирует его в реальное поведение аудитории, которое и осуществляет изменение той материальной действительности, которую изначально изучал журналист. Процесс носит замкнутый циклический характер.

Таким образом, логично предположить, что идеальное как познавательное и материальное как практическое неразрывно связаны с журналистской деятельностью. Иными словами, журналистика предстает как **познавательно-практическая деятельность**.

В таком случае следует признать несостоятельными попытки ограничить журналистику такой функцией, как чистое информирование, которое якобы не предполагает никакого идейного и практического воздействия на аудиторию. Другое дело, что способ и степень влияния могут быть разными, но осуществлению *вообще* влияния не может, потому что без него как результата целенаправленного и преобразования практика утрачивает свои отличительные признаки и перестает быть практикой как таковой, превращаясь в чистое познание.

И если уж такого рода влияние неизбежно, то надлежит определить, каким ему быть. Практика способна породить два противоположных по значимости результата – созидательный и разрушительный. Очевидно, что миссия журналистики и онтологические цели ее информационной политики направлены на созидание, на устойчивое развитие личности и общественной системы в целом. А цель устойчивого развития предполагает всеобщее стремление, во-первых, к сохранению бытия как такового и, во-вторых, к его дальнейшему развитию.

Что же касается эффективности влияния, то она может возрастать одновременно с увеличением степени убедительности журналистских текстов. Есть и другие творческие факторы усиления эффективности журналистского текста, которые подробно анализирует Е. П. Прохоров в своей книге «Введение в теорию журналистики»¹, и мы не будем здесь специально на них останавливаться.

¹ Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики. – М., 2011. – С. 313–323.

Если в конечном итоге изменения реальной действительности, порожденные журналистским текстом, носят *созидательный характер*, то можно говорить о том, что журналистика как практическая деятельность выполнила основные просологические функции практики. Она, ее тексты явились:

- предметом для размышлений аудитории;
- движущей силой, породившей размышления и затем практические действия аудитории;
- критерием истины, поскольку привели к созидательным результатам;
- целью познания, которая неизбежно в конечном счете направлена на практические преобразования действительности.

Если же журналистские тексты повлекли за собой разрушительные последствия, то они не могут служить критерием истины, ибо истина, как известно, всегда конструктивна, разрушительна только ложь. Такие тексты не могут быть и целью познания в силу своей деструктивности. Они не способны выполнять как минимум половину просологических функций, присущих практической деятельности как таковой.

Познание тоже реализует несколько функций по отношению к практике. Журналист и вслед за ним аудитория в процессе познания действительности обнаруживают проблемные зоны и благодаря проведенному анализу могут выработать рекомендации по решению проблем. Таким образом, познание выполняет функцию информирования и функцию регулирования существующей практики.

Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что *важные журналисты по свою аудиторию должно осуществляться только методами убеждения и исключительно ради созидательных для личности и общества результатов*. Эти положения следует считать фундаментальными принципами журналистики как познавательно-практической деятельности.

Как познавательная, так и практическая деятельность непрерывно сопряжены с оценками. Созидательный результат, на который, как мы выяснили, должен быть нацелен журналист, оценивается как положительный, хороший. Значит, для его достижения необходимо ориентироваться на какие-то ценности. Да и сам положительный результат представляет собой цен-

ность. Так познавательное и практическое оказываются тесно связанными еще и с аксиологическим (ценностным).

Какие же ценности могут направлять журналиста? Материальные блага не являются конечной ценностью, ведь они значимы не сами по себе, а лишь постольку-потому делают человека счастливым. Именно поэтому истинными ценностями (ценностями в конечном итоге) считают ценности духовные: счастье, свободу, добро, удовлетворение жизнью и т.д. Положительный результат журналистского творчества оценивается именно этими категориями как стратегическими социальными ценностями и на них ориентируется.

Если познавательное и практическое так взаимосвязаны в процессе журналистской деятельности, то логично предположить, что столь же тесно окажутся связанными и теория журналистики с практической журналистской деятельностью. Теория то анализирует практику, то предвещает ее. Это взаимодействие можно было бы изобразить схематически, добавив в уже известную нам схему практической журналистской деятельности теорию этой деятельности (рис. 2).

Схема наглядно показывает, что любое действие журналиста предвещается теорией, предписывающей алгоритм этого действия. Но, поскольку весь процесс журналистской деятельности цикличен, все фрагменты теории журналистики могут быть скорректированы реальным поведением аудитории. Таким образом, практика делает теорию истинной, а теория практикую — правильной, продуктивной, солидарной.

Очевидно, что наиболее результативной будет теоретически обоснованная журналистская деятельность, осуществлен-

Рис. 2. Схема взаимосвязи теории и практики журналистской деятельности

емая методами убеждения с ориентацией на создательный социально ценный результат.

На основе проведенного анализа журналистики как познавательно-практической деятельности можно предложить следующий план для анализа журналистского текста с точки зрения его результативности.

1. Какова основная цель влияния на сознание аудитории, прочитываемая в данном тексте?

2. Насколько убедителен текст? Представьте подробную мотивацию своей оценки (какие выводы вы считаете обоснованными в достаточной степени и есть ли в тексте ссылки на источники информации).

3. Какие творческие факторы усиления эффективности использованы журналистом?

4. Охарактеризуйте качество реализации в тексте просеологических функций:

– может ли данный текст стать основой и движущей силой для анализа аудиторией отражаемых в нем объектов и процессов? О чем скорее всего будет размышлять аудитория?

– может ли данный текст стать движущей силой, породившей практические действия аудитория? какие именно?

– к каким практическим созидательным или разрушительным преобразованиям действительности может привести текст?

5. Охарактеризуйте качество реализации в тексте практических функций журналистского познания:

– о чем проинформировал журналист аудиторию?

– могут ли данные сведения оказать регулирующее влияние на существующую практику? в чем именно?

6. На какие ценности опирается журналист в своем тексте? На какие ориентирует аудиторию?

Предложенный план можно использовать не только при изучении качеств созданных произведений (теоретический анализ), но и как способ самоконтроля при создании журналистских текстов. В этом будет заключаться практическое значение приведенных выше теоретических размышлений.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что теория и практика в журналистике оказывают друг на друга взаимовыгодное влияние.

Т.В. Шумилина,

*старший научный сотрудник кафедры социологии журналистики
факультета журналистики МГУ*

Теоретическое наследие Е.П. Прохорова – неиссякаемый источник знаний, идей и тем для тех, кто занимается исследованием современных СМИ. Приступая к работе над этой статьей, я обратилась к трудам ученого и в который раз отмечала, что его подход к вопросам, которые в последнее время стали предметом внимания исследователей и практиков журналистики, отличается глубиной и актуальностью и он может служить методологической основой для понимания процессов, развивающихся в современных СМИ. В данном случае речь идет о журналистской деонтологии – разделе в его научном творчестве, связанном с изучением деятельности журналиста, в рамках которого рассматриваются как объективные закономерности, обеспечивающие результативность этой деятельности, так и субъективно-личностные факторы, позволяющие журналисту наилучшим образом выполнить свой долг перед обществом.

ЖУРНАЛИСТСКАЯ ДЕОНТОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМА НЕПРОФЕССИОНАЛИЗМА

Проблема ответственности журналиста перед обществом за наилучшее выполнение своего профессионального долга – одна из тем, которым Е.П. Прохоров уделял особое внимание в последние годы своей жизни, она завершает и его учебник «Введение в теорию журналистики»¹. Характерно, что проблема ответственности журналиста перед собой, редакцией, журналистской

¹ См.: Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики. – 7-е изд. – М., 2007. – С. 323–348 (гл. 10. Журналистская деонтология). [Стоит отметить, что первой публикацией Е.П., уже в названии которой была заявлена деонтологическая проблематика, стали одноклассные тезисы К вопросу о сущности и структуре журналистской деонтологии // СМИ в постсоветском обществе: Журналистика в 1996 году. – Ч. 1. – М., 1997.]

корпорацией и обществом в целом упоминается Прохоровым с профессионализмом. «Профессионалу важно постоянно размышлять над тем, в чем его долг перед обществом и насколько эффективно он его исполняет»², — пишет ученый. Профессионал не может являться таковым, если не действует ответственно. Ответственность — это «проявление (осознание, понятие и мера выполнения) профессионального долга, способность соотносить свою позицию, деятельность и ее результаты с необходимостью»³. Пространство долга, по мнению Прохорова, «составляет по меньшей мере четыре области — гражданскую, этическую, трудовую и внутриредакционную»⁴. Профессиональное совершенствование журналиста есть реализация его профессионального долга во всех этих областях. Нет ничего как в личности журналиста, так и в его поведении, что не должно подвергаться деонтологическому анализу, включая «даже такие "мелочи", как манера одеваться, говорить, общаться с окружающими и т.д., поскольку они отражаются на характере и мере выполнения профессионального долга, требуют деонтологической самооценки...»⁵

Проблема, занимавшая ведущего теоретика в области СМИ, в текущей практике решается не в пользу профессионализма. Дефицит профессионалов ощущают и практика СМИ, и эксперты, и аудитория. Проблема эта проявляется по-разному. Одно из таких проявлений — исчезновение «звезд» журналистики с экранов, из эфира, со страниц печатных изданий. Почему это происходит? Куда уходят «звезды»? Кто приходит им на смену? Как будет развиваться этот процесс? Все это вопросы, требующие ответа от теоретиков в области журналистики. Попробуем разобраться. Опорой в этой работе нам будут служить теоретические наработки Евгения Павловича Прохорова.

Журналистика без «звезд»

Если посмотреть на определение понятия «звезда» в толковых словарях, можно отметить многозначность этого слова. Казалось бы, в публичной сфере, о которой мы ведем речь,

² Там же. — С. 323.

³ Там же. — С. 325.

⁴ Там же.

⁵ Там же. — С. 324.

с понятием «звезда» все достаточно ясно: оно употребляется как определение человека известного, знаменитого, пользующегося успехом и признанием у своих поклонников. Однако журналистика — это такая профессиональная сфера, в которой общественное признание завоевывается не только талантом и общественными заслугами, но и особенностями личности, позволяющими влиять на аудиторию, убеждать ее и подчинять своему мнению. По определению Владимира Ивановича Далея, это явление лучистое, «подобие небесной звезды»⁴. Характерно, что в том же словарном звезде в словаре В.И. Далея есть определение глагола «звездить — говорить резкую правду, без обиняков»⁵. Это указывает данные понятия применительно к журналистике с представленными как о влиятельности, авторитете журналиста, так и о журналистском долге, преданности своей профессии, о чем писал Е.П. Прохоров. Шумная популярность, известность, даже скандальная, могут делать «звездами» представителей шоу-бизнеса, но не журналистов.

В июне 2012 г. в рамках фестиваля региональных радиoproграмм «Вместе — радио» прошла встреча участников фестиваля с президентом Международной академии телевидения и радио, недавно назначившим руководителем Общественного телевизионного канала Анатолием Григорьевичем Лысенко. Была в ходе беседы затронута и проблема отсутствия «звезд». «Вопрос: Мы часто с коллегами говорим о том, что радио стало бедняком. Но у нас много ведущих старых времен, кого мы знаем. Из совсем молодых и кончиков вы никого не знаете. Ситуация с “Маяком” — убрали имена и оставили только названия программ, то есть такая нормальная махина, позволяющая убирать и вводить новых ведущих, новые голоса в эфир практически незаметно для окружающих. Радио неинтересно для аудитории. Мы на секции управления часто говорим о том, как же привлечь внимание и что же делать менеджерам, чтобы вернуть личность на радио»⁶.

⁴ Далея В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1955. — Т. 1. — С. 473.

⁵ Там же.

⁶ Лысенко А.Г. Возможен ли компромисс в журналистике? // Вместе — радио. — 2012. — 10 июня. URL: <http://www.radioportal.ru/topic/news/13484/>

В ответе профессионала, которого с полным основанием можно считать экспертом, было названо несколько факторов, способствующих появлению «звезд». Прежде всего — хорошее знание предмета, собственная интерес к нему, увлеченность, которую журналист стремится передать аудитории. «Иногда меня раздражают радиозвезды. На мой взгляд, — заметил А.Г. Лысенко, — звезда — это содержание. Вот я не люблю Соловьевск: не люблю, как он ведет передачи ни по телевизению, ни по радио, но у него в передаче есть звезда — это его мама. И когда я слушаю его маму, которая рассказывает об искусстве, о картинах, о композиторах, меня это захватывает. Она рассказывает даже то, чего я не знаю. Рассказывает с любовью. Она любит то, о чем она рассказывает»¹.

Второе основание, выделяемое экспертом, — насыщенность произведения интеллектуальным содержанием: «Огромное количество радиозвезд показывают невысокий уровень, прикрываясь непринужденностью. Так вот, непринужденность — вещь чудесная, когда она находится в рамках. Как говорил великий наш конференсье Мирок: сперва записируй, а потом импровизируй. И он же сказал великодушную вещь: любая импровизация должна быть «отрепетирована». Когда я слышу за псевдороскошностью отсутствие мысли и уважения к слушателю... Я не думаю, что это звезда. Ранг звезд надо завоевать»².

В теоретическом наследии Е.П. Прохорова эти правила отношения с аудиторией называются «творческие факторы эффективности» и рассматриваются детально, всесторонне. И точно так же на языке науки Е.П. Прохоров объясняет, какая большая работа стоит за популярностью журналистского произведения и его автора. Первым из этих свойств, относящихся к творческим факторам эффективности, он называет свойство близости, пронизывающее из знания интересов аудитории. «Оно проявляется в произведениях как прямая связь с вопросами, фактами, лицами и т.д., волнующими аудиторию, с ее жизненными интересами, запросами, проблемами, касающимися самых различных областей аудиторных интересов (экономических, социальных, политических, духовных и т.д.)

¹ Там же.

² Там же.

и сфер их проявления (в труде, общественной жизни, быту, досуге и т.д.). Только тогда, когда журналист знает аудиторию, он может решить, на какой почве сблизиться с ней, как найти общую платформу для разговора»²⁰.

В качестве второго свойства, характерного для вызывающих высокий интерес произведений, Евгений Павлович называет ситуативность повествования. «Она проявляется в том, что ход рассуждений, аргументации, выводов автора постоянно вращается вокруг конкретных ситуаций жизни. В различных произведениях это свойство проявляется по-разному: одно дело репортаж о частном событии, другое — дискуссия вокруг макроситуации в экономике страны... Ситуативность подхода журналиста входит в арсенал эффективности, так как отвечает характеру общественного мнения, которое "видит" действительность как совокупность микро- и макроситуаций современности... Воссозданная явления действительности в их внешних проявлениях и внутренних связях, раскрытая их смысл и значение в ходе представления и анализа ситуаций на глазах у аудитории, журналист как бы вовлекает ее в поиск истины, и тогда суждения и выводы оказываются основанными на прочном жизненном фундаменте»²¹.

Третьим свойством, привлекающим аудиторию, по мнению Е.П. Прохорова, является драматизм повествования. Его проявления многообразны, и исследователь разворачивает перед читателем четыре основные формы драматизма повествования: от драматизма самой реальности до диалога с оппонентом, разворачивающегося на глазах у аудитории. Не оставляет он без внимания и психологические аспекты освоения информации, необходимость для журналиста знания и умения пользоваться законами восприятия, разбирая такие механизмы этого процесса, как установки восприятия, особенности их работы.

Важным для журналиста он полагает также знание закономерностей понимания и запоминания, которые должен принимать во внимание журналист, создавая свои тексты.

Требования, предъявляемые Е.П. Прохоровым к журналистам, велики, следование им — это тот путь, на котором

²⁰ Прохоров Е.П. Указ. соч. — С. 316.

²¹ Там же. — С. 316–317.

журналист может стать не только известным аудитории, но и любимым ею, незаменимым. «Если после ухода звезды редакция завалена звонками “верните нам этого друга”, значит, он — звезда», — так считает эксперт Анатолий Лысенко¹⁵.

Однако, как показывает современная практика, в СМИ правит бал не «звезды». В последние годы даже такой призванной авторитет российского интеллектуального телевидения, как С.П. Кашица, пережил трудности и огорчения, связанные с усиливающейся тенденцией в деятельности СМИ, не способствующей комфортному существованию «звезд» в российской журналистике. С 1994 г. передача, которую он создал в 1973 г. и в которой был бессменным ведущим, несколько раз закрывалась из-за недостатка финансирования, переносилась с одного канала на другой (с «Первого» — на РТР; затем — на канал «Культура», на ТВЦ, в последний год жизни С.П. Кашицы выходила на канале «Культура — Россия»), менялось и время ее выхода в эфир. Эта тенденция называется коммерциализацией СМИ.

Ранение на середине

Коммерциализация, как известно, предполагает причастность к бизнесу и торговле для извлечения прибылей, превращение деятельности СМИ в производство товаров на продажу, в сферу информационных услуг. Главной фигурой в организации этого производства становится не журналист, не редактор, а менеджер — организатор производства, подчиненного целям получения наибольшей прибыли. Большую прибыль приносит большая аудитория. Чем больше потребителей, тем лучше, успешней с коммерческой точки зрения деятельность всех систем производства товара, и прежде всего журналиста.

Парадокс со «звездами» в системе духовной деятельности, к которой традиционно относилась журналистика в российском обществе, заключается в том, что признанная «звезда», слава которой выходит даже за пределы России, может не приносить большой прибыли. Ее продукт — уникальный, иногда он воспроизводится и ценится ограниченным кругом лиц, к массовому производству отклонения не имеет. Да еще и сами «звезды» —

¹⁵ Лысенко А.Г. Указ. соч.

люди значат себе цену, требовательные, неуступчивые. Готовы рисковать «презренной выгодой» ради качества своего произведения. Могут возражать против неуместного, на их взгляд, прерывания рекламной трансляции произведения, включения в него элементов, рассчитанных на коммерческий успех, и т.д. И политически не всегда надежны. Слишком независимы. Для менеджеров «звезды» — народ шедобашый (о чем откровенно говорил А.Г. Лысенко в упомянутом выше интервью). И менеджеры начинают освобождаться от «звезд», предпочитая «среднячков», проверенных и стоворчных, не создающих больших трудностей для управленцев, вполне способных создавать произведения, рассчитанные на взыскательный вкус, пристраивающих массового потребителя.

Интеллектуальный и творческий уровень работников СМИ и их продукции в последнее время заметно повышается. Это явление отмечает А.Г. Лысенко: «Зачастую радиоведущие сегодня стремятся к тому, чтобы про него сказали "свой парень". Я твердо убежден, что, если ведущий выступает по радио или по телевидению, он должен владеть разговорным языком. Не надо чинного произношения, но в то же время не надо упрощения. К сожалению, сегодня это происходит и на радио, и на телевидении — мы работаем на среднего зрителя. Особенно когда это касается больших каналов. Есть такой хороший фантастический рассказ кого-то из американцев — Гаррисона, кажется — о том, что американцы при их сумасшедшей тяге к среднему установили в стране закон среднего: из четырех кандидатов выбирать того, у кого все показатели наиболее близки к среднему — губернатора, президента, в школе оцениваются все по среднему. Проходит несколько поколений, они превращаются в обезьян, потому что в математике железный закон: если вы будете строить по среднему, у вас крайняя результирующая пойдет вниз. Это трагедия больших каналов — радио и ТВ»¹⁴.

Пережив в начале 90-х гг. XX в. невиданный рост тиражей и популярности нмен, российская журналистика осталась почти без «звезд». Имеется в виду не скандально раздуваемая популярность некоторых журналистов, связанная не с их профессиональной деятельностью, а с другими факторами, не

¹⁴ Там же.

назначение «звезд» в узком корпоративном кругу, как происходит с номинантами на премии, а истинное их признание аудиторией крупными мастерами своего дела, уважаемыми лидерами мнений, за которыми она, аудитория, готова следовать с канала на канал, из одного издания в другое.

Из тех немногих «звезд», которые сохранились, никто не может похвастаться полной свободой творчества. Коммерциализация, массовизация и свобода мастера — вещи, плохо совмещающиеся. В этом плане характерна ситуация с известным телеведущим Владимиром Познером, которая широко обсуждалась в российском обществе в июле 2012 г.: он вел передачи на двух телевизионных каналах, на «Первом» и на «Дожде». Первый из этих каналов считается проправительственным, второй — оппозиционным. Руководство «Первого канала» предложило ему выбрать для работы один канал, он остался на «Первом», по поводу чего коллеги с других телевизионных и радиоканалов дружно полили его грязью за «предательство светлых идеалов демократии и свободы» в пользу «баблы» (как выразился в эфире один из них). Но при этом ни один из критиков не упомянул о том, что у Познера, давно работающего на «Первом телеканале», есть, говоря терминами деонтологии, обязательства перед преданной ему «его» аудиторией. Эта аудитория далеко не полностью сможет переключиться на «Дождь» по техническим причинам («Дождь» ведет вещание на кабельном канале, не всем доступном), к тому же не вся аудитория «Первого канала» так радикально оппозиционно настроена, как аудитория «Дождя». Таким образом, оппоненты предлагали Познеру лишиться немалой части аудитории во имя сохранения идеологической чистоты.

Для исследователя отношений в медийной сфере есть одна трудность. Рассуждая о «звездах» и преданной им аудитории, приходится руководствоваться обыденными наблюдениями, косвенными данными или мнениями экспертов. Мне, например, не удалось обнаружить ни одной свежей публикации результатов конкретного социологического исследования, содержащей ответ на вопрос: как зависит количество и качество аудитории от личности коммуникатора — журналиста? Все социологи при исследовании аудитории научают самые разные

факторы, влияющие на ее выбор, кроме фигуры журналиста. Тем временем закон снижения качества, согласно которому, если все выстраивать по среднему, кризис результативности идет вниз, работает и в российских СМИ. На смену «звездам» и крепким профессионалам приходят необученные новобранцы. Самый наглядный пример последнего времени: на когда-то славившемся своими профессионалами канале НТВ в качестве ведущего появляется Света из Иванова.

Феномен «Светы из Иванова»: «Беззаконная комета» или логический конец профессионализма?

21 июля 2012 г., в субботу, в прайм-тайм 19.25 на НТВ состоялось значимое для понимания процессов, происходящих в российских СМИ, событие – премьера передачи «Луч Света» с телеведущей Светланой Курицыной, известной широкой публике как «Света из Иванова». Светлана Курицына не только не имела никакого отношения к телевидению, но и вообще не имела опыта ни в одной профессии, поскольку в то время только заканчивала обучение в колледже по специальности бухгалтер-экономист.

Светлана Курицына из Иванова сделалась знаменитой после митинга на Триумфальной площади в декабре 2011 г., когда у нее взял интервью корреспондент «Московских новостей» Евгений Гладко, позже оно появилось в Интернете на YouTube. Света – активистка движения «Наше» – рассказала журналисту о том, что «Единая Россия» «сделала много достижений»: «мы стали более лучше одеваться, и не было того, что сейчас»; «стали засаживать больше земель – рожь и все такое, медицина стала хорошей, и с жильем никаких проблем». Этот ролик посмотрели около 4 млн человек, а Светлану Курицыну стали называть Светой из Иванова.

Пригласить Свету из Иванова на телеканал решил генеральный директор НТВ В.М. Кулистиков. Видимо, он решил, что создать ток-шоу с непрофессиональным и абсолютно неподготовленным для такой работы ведущим вполне подходит для привлечения массовой аудитории. «Светлана Курицына – че-

ловек талантливый, перспективный и востребованный. Видно, что она хочет работать», — объяснял свой выбор Кулестников. «Раскрученность» Светы в Сети плюс мощный рекламный заряд, обрушенный НТВ на аудиторию, сделали свое дело. «Согласно данным TNS “Луч Света” показала лучшие результаты среди всех шоу, транслировавшихся в субботу вечером. Телевизионный дебат Светланы Курициной смотрели 14,2% телезрителей, проводивших субботний вечер у телевизора. Согласно данным телекоммерческой аудитории программы “Луч Света” составила 357,9 тыс. человек. Это больше аудитории программы “Кто хочет стать миллионером” на Первом канале (демонстрировалась чуть раньше “Луча Света”) и телентри “Десять миллионов” на канале “Россия 1” — их посмотрели 346,8 тыс. человек и 278,5 тыс. человек соответственно. Еще убедительнее Курицына обогнала КВН на Первом канале (241,5 тыс. человек) и “Камеди клуб. Лучшее” на ТНТ (129,6 тыс. человек)»¹⁷.

Медиааналитик А.А. Мирошниченко полагает, что на НТВ использовали распространенный в поп-культуре прием забрасывания простака на несколько этажей вверх на потеху публике. «Есть целая череда таких персонажей, начиная от вольгеровского Простодушного до Франсуа Перрена (герой Пьера Ришара в комедии “Высокий блондин в черном ботинке”). Причем автор обязательно использует своего простака дважды. Сначала, чтобы посмеяться над ним. Потом — для обличения распущенных нравов высшего света», в данном случае место последнего, видимо, может занять «примечный шоу-бизнес»¹⁸. Руководитель медиаисследовательского центра РНА «Новости» В.В. Гатов считает, что задумано «все очень круто, но сделано очень плохо». По его мнению, «это катастрофа, если смотреть на работу телевизионщиков: руководителей программы, продюсеров съемок, операторов, — все сделано как на колени»¹⁹. В самой же телекомпании НТВ «Известиям» сообщили, что «производство программы взял на себя сторонний производитель»²⁰.

¹⁷ <http://www.newsland.ru/14838702>

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

Планировалось, что в течение лета 2012 г. НТВ будет отслеживать рейтинги программы «Луч Света». Судя по тому, что передачу убрали из прайм-тайма, передвинув с 19.25 на 23.35 в воскресенье, рейтинги передачи падают. В новом 2013 г., после перерыва в вещании, ее поставили на субботу в 23.10. О падении интереса к передаче у телезрителей говорит и тот факт, что в Интернете резко сократилось количество откликов «обычных» пользователей на эту передачу. Можно сделать вывод, что эксперимент оказался неудачным. Почему? Из-за отсутствия ответственности. Той ответственности, которую Е.П. Прохоров считал главным условием профессионализма.

А.С. Десницкий так комментирует возникшую ситуацию: «На примере Светы Куричановой нам всем показали: на ТВ могут ткнуть пальцем в любого человека и сделать с ним, что пожелают. Захотят — в одночасье превратят в "звезду", захотят — выставят на посмешище. В данном случае совсем удачно получилось: то и другое сразу, в одном флаконе, и без рефлексий. Смотрите и знайте, какова наша власть над миром... Этакий "S.M.U.F.F." в реальном времени. Но зачем же такой тотальный глум? Есть у меня своя догадка... Телевидение как попытка серьезного анализа, как честная игра на поле с одними правилами давно уже закончилось, по крайней мере на НТВ. А люди-то остались, профессионалы, мастера своего дела. Им просто скучно»²⁰.

Вообще, участие непрофессионалов в телевизионных передачах — явление нередкое. Возьмем, к примеру, такие телепередачи, как реалити-шоу «Дом-2», разного рода интерактивное взаимодействие журналистов и аудитории. В таких случаях участники выступают в качестве тех, кем они и являются — «людей с улицы», представителей аудитории, общественности и т.п. Телепередача «Луч Света» отличается от них тем, что здесь в качестве ведущей действует непрофессионал, далекий от этой сферы человек. И сразу же получает статус журналиста. Авторы многократно в ходе передачи называют Свету телеведущей, журналисткой, навязывая аудитории такое восприятие ее роли. Подобное отношение демонстрируют и журналисты других СМИ. Вот как представляют Свету в новостях: «Света

²⁰ Десницкий А.С. Луч глума // Православие и мир. — 2012. — 30 июля.
URL: <http://www.pravmir.ru/luch-gluma/>

Курицына, телеведущая передачи "Луч Света", больше известная в блогосфере как "Света из Иваново", все-таки появилась в думских кулуарах в первый день осени²⁹. Или: «Москва. 11 сентября. INTERFAX.RU: Тележурналистку НТВ Светлану Курицыну, известную как "Света из Иваново", заметили в думских коридорах, где во вторник открылась осенняя сессия Госдумы»³⁰. Таким же образом представляли Свету многие информационные агентства и иные СМИ в своих информационно-осведомительских сообщениях и тем вводили аудиторию в заблуждение.

Несмотря на эти старания, у опытного зрителя, как было отмечено, возникает подозрение, что профессионалы НТВ приглашают профана — девушку из Иваново, чтобы поразвлечься, играя с ней, как с куклой, и мистифицируя аудиторию. Света не ведет передачу, не действует сколько-нибудь самостоятельно, не выстраивает кадры, не разработывает сюжеты и т.п. Все делают «производители»-профессионалы. Голос за кадром озвучивает текст, явно написанный не ею. На долю Светы приходится лишь несколько реплик, позволяющих ей играть роль наивного неискушенного новичка. С кем играют создатели передачи? Со Светой? Со зрителями? В принципе такая мистификация вполне возможна, более того, допустима — для развлекательной передачи. Однако в рассматриваемой передаче НТВ в контекст шутки, розыгрыша включаются такие трагические события, как смерть Игоря Талькова, или такие сложные социальные явления, как безработица, низкие заработки, тяжелое материальное положение работников. Вот это с деонтологической точки зрения недопустимо.

«Когда в делах — я от веселый причусь, / Когда дурачиться — дурачусь, / А смешивать два этих ремесла / Есть тема искусников, я не из их числа», — говорил герой Грибоедова. Эта деонтологическая формула была призвана и журналистами, которые, равно как и общество, воспринимали свою деятельность прежде всего как важное дело, как культурно-просветительскую, гуманитарную миссию. Культурно-просветительская, гуманистическая деятельность, невнимательное отношение к серьезным проблемам производит впечатление нравственной глухоты, отсут-

²⁹ <http://www.mk.ru/russia/11-sentyabr-2011-otzjitiya/-iz-ivanova.html>

³⁰ <http://www.INTERFAX.RU / Москва. 11 сентября.>

ствия социального слуха у авторов передачи. Этим и страшен непрофессионализм. Не чувствуя ответственности, которая является частью структуры профессионального сознания, за результаты своей деятельности и тем не менее работая в СМИ, непрофессионалы могут формировать сознание и поведение аудитории. СМИ не зря называют «четвертой властью». По данным ВЦИОМ, наиболее влиятельным общественным институтом россияне сегодня считают средства массовой информации (3,64 балла из 5 возможных)²¹. Под воздействием подобных «Лучу Света» передач в обществе может сформироваться такое же равнодушно-легкомысленное отношение к событиям и процессам, которые требуют серьезного внимания и гражданского общества, и власти.

Так что шутки с профанами — не такое безобидное явление для журналистики, как может показаться. В связи с этим представляется важным продолжать научные разработки проблем деэволюции, методологические основы которых были заложены Евгением Павловичем Прохоровым. Наблюдения и выводы, полученные в результате такой работы, должны быть использованы в процессе подготовки журналистов.

²¹ Исследование ВЦИОМ: Общественные институты, их роль и влияние в российском обществе / Центр гуманитарных технологий. URL: <http://gt-market.ru/news/2012/06/22/4447>

IN MEMORIUM:
КОЛЛЕГИ, ДРУЗЬЯ, УЧЕНИКИ
о Е.П. ПРОХОРОВЕ

В.Л. Артемов,

профессор кафедры журналистики Московского государственного университета культуры и искусств

ЖЕНЯ ЛЮБИЛ СВЕЖИЙ ВОЗДУХ...

Я не ожидал, что написать о Евгении Павловиче... Жене Прохорове, сегодня, после его ухода из жизни, окажется трудно. Я не чувствую, что его нет. Наверное, не только потому, что за сорок пять лет знакомства и дружеских отношений мы не слишком часто встречались, хотя последние годы оказались соседями по даче и сблизились. Скорее всего, потому, что для меня он всегда **БЫЛ** и присутствовал как некая часть фона моего существования и в работе, и по жизни, не входя глубоко в ее повседневную ткань. И сейчас вроде бы ничего не изменилось. Он **ЕСТЬ**. Я его слышу. Я его вижу. Я знаю, что он скажет и как среагирует, а главное, в необходимой форме найдет у тебя слабое место, которое ты просто не имел права не заметить и не почувствовать сам.

И все же, почему отсутствует, совершенно не интриганно, чувство, что Жени Прохорова больше нет? Я могу объяснить себе это только тем, что он никогда и ни в чем не выпячивался, не проявлял бурных эмоций, не нуждался в проявлении внешнего признания, не старался напоминать о себе, всегда справлялся со своими проблемами собственными силами и никогда ничего не просил. Нельзя сказать, что он намеренно стремился

держаться в тени. Нет, Евгений Павлович Прохоров шел своей дорогой, занимался своим делом, знал его и был верен одной богине – Честности.

Ему была чужда спесь, заносчивость, высокомерие, чванство, тщеславие, боязнь быть незамеченным. Конечно, результаты его труда не были ему безразличны. Но, думаю, со мной согласятся все, знавшие Евгения Павловича, критерием самооценки в его работе всегда была удовлетворенность сделанным и принесенной пользой. То, что он делал, должно было быть законченным, продуманным, обоснованным, логичным и обязательно шагом вперед.

Трудно было начать писать о нем, видимо, потому, что он был исключительно целостным человеком. Трудно выделить и описать какую-либо одну его черту, которая, как это бывает, охарактеризовала бы человека одним словом и передала его образ.

Он был ровным и стабильным. Одновременно серьезным и дружелюбным. До самоодностаточности сдержанным и ненавязчиво мудрым. Спокойным и выдержанным до величелиности. Оставался открытым, не держал душу нараспашку. Всегда безразличный, понимал чужие проблемы с полуслова и реагировал немолгословно, но с несомненным желанием помочь. Постоянно имея, как я не раз в этом убеждался, свою точку зрения, он оставался ей верен, несмотря ни на что, если только его собственные наблюдения и размышления не приводили его к каким-то иным выводам и идеям. И почти всегда находил форму и способ изложить свою позицию честно, спокойно и невызывающе.

Какую-то особую неброскость Прохорова я не могу объяснить только скромностью. Хотя в нем, несомненно, была скромность, если скромностью называть нежелание подчеркивать свои заслуги и достижения, обращать на них внимание других людей. Но в его неброскости было и большее: ровная уверенность в себе, в своем достоинстве, в своей позиции – и научной, и жизненной. Это было незадуманное состояние его души и ума. И никакого самоуничижения, никакого намеренного убеждения публичности в таком образом демонстрации своего превосходства – вообще ничего подобного. Это было проявление

глубокого уважения к себе самому и одновременно к другому человеку; его мнению, идее, соглашался он с ним или нет.

Он мог позволить эту ровную уверенность и себе, так как его позиция обязательно была не случайной, а обоснованной, одним из звеньев в цепочке его взглядов, крепко сцепленной с ними, а бы сказал, ими продиктованной. И даже в ситуации спора, полемики он умел изложить свою точку зрения спокойно и в сохраняющем достоинство оппонента виде. Или заметит, что над вопросом нужно еще подумать. Не позволю случая, чтобы он горчился в дискуссии. Думаю, во-первых, он был убежден в своей правоте, логике научного познания, которая для него была едва ли не высшей ценностью. Во-вторых, уверен, он всегда испытывал чувство неизменного уважения к оппоненту, которого, кстати, в таких случаях часто называл «батенькой».

Впрочем, сохранялся в моей памяти один случай, когда молодой еще доцент Прохоров боролся с профессором Черепановым за свое коммунистическим и природы публицистикой и горько его отстаивал. Но именно горько, а не горчично.

На людях, за лекторской кафедрой, председательствуя на Ученом совете, в кресле руководителя кафедры, за дружеским столом, при случайной и неслучайной встрече, на открытой верандочке дачи (в любую погоду) — со всеми всегда был тот же Евгений Павлович. На ум приходит определение — «неизменный». Однако «неизменный» — это все же что-то внешнее, временное, произвольное, а Евгений Павлович Прохоров просто всегда был самим собой, спокойным, собранным, внимательным, приветливым. Рядом с ним и чувствовалось так же спокойно и уверенно, наверно, из-за того, что его внешний вид, манера держать себя и манера речи безошибочно говорили о *изумительной древкомысленности и космополитизме его культуры.*

...Мы познакомились в 1966 г. в Академии общественных наук при ЦК КПСС, где образовалась группа великовозрастных аспирантов, уже имеющих за спиной солидный жизненный путь и немалый профессиональный опыт, — всем было уже за тридцать. Это было «гнездо» Бориса Дмитриевича Дашока, кафедра журналистики, где он собрал вокруг себя очень ярких преподавателей. Самым молодым среди них был Евгений Павлович Прохоров, почти наш одноклассник. Мы, аспиранты, были народ

людей и бывалый, привычный быстро переходить на короткую ногу с людьми, с которыми нам доводилось общаться, особенно с молодыми. Но никому на нас даже в голову не пришло заладить панібратство с Е.П. Прохоровым. Насколько помнится, его и звали только по-деловому: Прохоров или Евгений Павлович, — и никаких прозвищ, хотя, как и положено студентом, мы быстро нашли их для большинства преподавателей. Он был солидным и внешне, хотя и выглядел не старше нас, и основательностью и глубиной знаний, и требовательностью, и деловитостью, и пунктуальностью, и обязательностью, чем не всегда могут похвастаться маститые профессора. И конечно, негибимой научной принципиальностью. Если он видел и считал, что что-то «не тянет», «не выходит», ну, в общем, плохо, неверно, то для него это не могло быть предметом компромисса. Главное же, несомненно была его большая учезность и талант теоретика такого сложного вида деятельности, как журналистика. Именно это вкупе с личным обаянием вызывало симпатию всех, кто сталкивался с Евгением Павловичем, занимаясь журналистикой как научной дисциплиной.

Во время получившей не совсем привычный резонанс полемики молодого Прохорова с маститым М.С. Черепашковым (было это то ли в 1966-м, то ли в 1967 г.) мы, все аспиранты, однозначно стояли на его стороне и беспокоились за исход не очень равной схватки. Впрочем, честно признаюсь, нас, пишущих и уже приобретших какое-то имя в журналистике, аспирантура привлекала не только тем, что открывала нам дорогу в науку. Соблазнительно было получить три года свободы, чтобы заняться творческими делами и к тому же улучшить перспективу трудоустройства. Хотя многие из нас к науке и преподаванию все-таки пришли, но через двадцать-тридцать лет. Так вот, в тот момент мы радовались торжеству Евгения Павловича Прохорова не столько потому, что это была победа внятных для нас идей над академическим словолетением — теория нас тогда не столько вдохновляла, сколько обязывала, — а потому, что победила возниия симпатичного нам человека, учезность и достоинство которого нам были во душе...

В то время, в 60-е гг., начала бурно развиваться социальная теория: для нас, работавших над диссертациями, важны были

общественная психология и теория журналистики. Но по поводу теории журналистики среди журналистов, да, чего греха таить, и в научных и околонаучных сферах, существовал очень большой скепсис: ну, какие могут быть закономерности в такой пестрой и падающей в постоянном движении, да еще подверженной стольким субъективным влияниям деятельности? Науке в этой сфере приходилось пробивать себе дорогу с очень большим скрипом. Евгений Павлович Прохоров прошел всю эту долгую и непростую дорогу со штыком. Как свидетельство об этом он оставил структурированную и работоспособную теорию журналистики, которая вобрала в себя, как я считаю, все базовое и непреходящее в этой области.

Пятьдесят с лишним лет последовательно, воступательно, шаг за шагом, сосредоточенно и целенаправленно он добавлял новые мысли, свежие идеи, расширял видение составных частей теории журналистики. Полистайте наусуки его книг и статей — и наглядно увидите *реализацию его идей*. Все, что он написал, добавляло новые краски к решению какой-либо задачи в цели формирования целостной восторженной теории журналистики и... было в одну цель.

Главное, что мне всегда виделось в его иногда казавшихся суховатыми строчках — это искреннее желание добиться объективного видения потенциальных возможностей журналистики и ее действительной роли как все более важного элемента развития общества.

Для того чтобы правильно оценить проделанную Прохоровым работу, нужно вспомнить, что реалии нашего времени, особенно последних двадцати лет, очень сильно сказались на общих представлениях о журналистике. Когда ранее читался курс «Основы журналистики» (или, под другим названием, «Введение в журналистику»), то как-то само собой получалось, что, скажем, функции журналистика воспринимались исключительно в мажорном тоне, как несущие исключительно благо. И вдруг все вничью убедилась, что куда ни кинь ветку и по-всякому журналистика использует как раз во вред обществу. Поэтому многими, а особенно студентами, положения теории, гласящие, что, например, журналистика выполняет «воспитательную функцию», стали восприниматься с огромным сомне-

нием. Ведь о каком «воспитании» может идти речь, если наши СМИ с утра до ночи распространяют аморальную информацию, самые низменные ценности, прославляют скандальных героев, образцы вульгарного и антиобщественного поведения.

Евгения Павловича эти настроения не смущали. Для него функция журналистики оставались функциями — как ружье, дающее возможность стрелять, а чем и с каким результатом — будет зависеть от общественной среды и атмосферы. Как ученый он стремился выявить суть явлений, их структуру, объективные стороны — то, что не меняется с изменением погоды или сменой власти. Теория сильна и истинна тогда, когда она не поддается влиянию случайных, субъективных факторов. Вослаивательная функция журналистики при всех раскладах остается за журналистикой, это объективный научный факт, а вот мне воспитывается с помощью СМИ — факт субъективный, зависящий от многих переменных.

Такой многообразный, подверженный множеству разнообразных влияний и страстей вид деятельности, как журналистика, конечно, трудно описать сухими формулами науки. Что там скрывать, много у нас трудов по журналистике, но до научного обобщения поднимаются далеко не все. Теория журналистики на уровне законченной целостной теории, насколько я себе представляю, прозвучала впервые именно в работах Прохорова. Статья за статьей, книга за книгой, издания, переиздания — шаг за шагом у нас на глазах, и вроде неприметно, складывалась стройная структура и отработывались приемлемые формулировки. Теория выстраивалась в виде специфического научного текста, где учтены все параметры предмета и где они описаны точным научным языком, устанавливающим строгие границы понятий, как того требует специфика жанра. Это язык строгий, лаконичный, емкий, но точный, не допускающий разных толкований. Евгений Павлович очень хорошо владел таким языком, опиравшимся на упорядоченный, логический строй мышления.

Вообще, Прохоров постоянно был сосредоточен на совершенствовании и развитии мысли. Даже в отпуске, на даче. В самом деле, не помню лета, чтобы на маленькой верандочке за домом в Шеллингене мы не говорили о том, как живет под нашими елками и березами.

Как и во всяком другом деле, теория приобретает истинное звучание и значение не столько тогда, когда ее признают, сколько тогда, когда о ней помнят, ее констатируют и к ней обращаются практики, те люди и структуры, для которых она разрабатывается и которые должны были бы ею пользоваться. Теорию Прохорова признали, она легла в основу теоретико-журналистских курсов во всех журналистских учебных заведениях. Что касается практики, то хочет или не хочет того скептик, но она сама пробивает себе дорогу, потому что развитие журналистики как социального явления все равно вольше соответствует вектору движения, обрисованному в работах Прохорова.

— Я уже говорил о том, что еще молодой Евгений Павлович Прохоров импонировал аспирантам АОН своей солидностью — солидностью ученого, солидностью преподавателя, солидностью целостной личности, своей благородной интеллигентностью. Вспоминая те годы и думая о времени, которое протекло с тех пор, я несколько снова переживаю это чувство уважения и симпатии. Слово *умность* пришло само собой, и вместе с тем сразу подумалось, что *умность* — вещь неоднозначная. Есть люди начитанные, наблюдательные, умудренные опытом, владеющие хорошей речью; есть люди, которых называют эрудитами; есть и такие, которые много знают, имеют специальное образование и называются учеными. Но далеко не все такие люди обладают *умностью*. Их знания (чаще всего — сумма сведений, полезной или никому не нужной информации) лежат, как в архиве, и используются (если вообще используются) по прямому востребованию. Это не та *умность*, которая одухотворила Евгения Павловича и заставляла нас быстро проникаться к нему чувством особого уважения и доверия.

Подлинная *умность*, олицетворением которой был Евгений Павлович, проявляется как-то неуловимо. Как интеллигентность. Так бывает, когда слушаешь речь человека и вдруг начинаешь понимать, что он знает гораздо больше, чем говорит, и не просто знает, а владеет предметом свободно и способен развивать тему по-своему и многосторонне. Потому что эрудирован, хорошо образован, видит дальше и глубже и может высказываться с несомненной обоснованностью по очень широ-

кому кругу вопросов. Он держится уверенно, но скромно, уверенно, но без горячечной торопливости выражает свои мысли, спокойно ориентируется в дискуссии и по ходу дела без суеты перестраивает свою речь. И притом он ненавязчив и выдержан, благороден и порядочен, учтив и уважителен к чужой мысли, к другому мнению. Таков истинный русский интеллигент. И такая ученость и естественная интеллигентность Евгения Павловича привлекали к нему людей всю его жизнь.

...Я прохожу мимо соседнего дома в Шевлягине. Закрыты окна у Жени. Когда он приезжал на дачу, они всегда были открыты в любую погоду. Он любил свежий воздух.

А.В. Блахина,

редактор журнала «Известия»

ДВЕРЬ ЗА ТРЕМЯ УЛЫБКАМИ

(по-соседски)

Разве когда-нибудь при обмене квартиры вам приходилось оправдываться — зачем вы это сделали? Ну, разумеется, по десятку причин. Но не ради нового соседа. Я тоже думал именно так... А вам как получилось...

Дом этот на улице академика Ферсмана построили очень умно: стоит он вовсе не на дороге и опять же вблизи метро. Ничего лишнего не слышно, а трамвай — всего за угол завернуть.

Знакомиться с соседями мне было некогда. Только вечером за чашкой чая слушал «новости» от супруги.

— Сегодня разговорился с соседкой сверху. Там ведь живет твой брат-журналист, Евгений Павлович Прохоров. Да и не какой-то спецкор «Известий», а профессор. Сходи, познакомься...

Сходить тотчас же не пришлось. В другой раз информация была еще интереснее. Прохоровы — Лидины (супруга Евгения Павловича сохраняла фамилию своих родителей), оказывается, основали дом в самом начале, когда еще и дом-то домом толком не назывался, и дорог-то, как у нас было принято в конце 50-х, к нему как следует не проложили, и лифт, конечно, бездейство-

вал. Евгений Павлович, не расдумывая, на руках внес на шестой этаж только что родившуюся дочь и жену Натану (она после тяжелых родов с трудом ходила).

Вообще-то, сразу после получения ордера из коммуналки на Кальневской в новую отдельную (!) квартиру на Ферсмана привезли не только ожидавшие пополнения семейства «молодые», но и «старички» — совсем тогда еще не старые теща и тесть Евгения Павловича. И по старшинству (тем более что жилье в «академическом» доме дали маститому профессору — горняку Лидину, а не молоденькому кандидату филологических наук Прохорову) заняли две комнаты из трех. И бабушка Ирина (в ее честь назвали и новорожденную) после дневного просмотра телепрограмм с кем-то долго-долго говорила по телефону, всякий раз замечая, что у НаталИ и ЕженИ (фр.) с ИрИшкой тоже все хорошо. Так бы и действительно все неплохо — не беда, что трое в девятиметровой комнате, живи да радуйся — так ведь вот беда: молодому отцу семейства нужно писать вторую, докторскую, диссертацию. Евгений Павлович не откладывая принялся за работу, призвав на помощь за неизменным письменного стола собственную коленку. Единственное, что могла сделать жена Наталья, — призывать всех, и подраставшую дочь, сохранять в доме тишину: «Женя работает!» В 1969 г. Евгений Павлович благополучно защитился.

Но напряженная работа (многие годы без отпуска) продолжалась. Теперь (характерная для Прохоровых—Лидиных особенность?) надо было зарабатывать на кооперативную квартиру для родителей жены, чтобы иметь наконец свое — с «детской» и кабинетом. Просить-требовать себе жилье у факультетского и институтского начальства, как было тогда (да и сегодня) принято, 38-летнему профессору казалось недостойным. И в 1972-м, перевезя старших Лидиных в симпатичную новостройку в Сокольниковках, Прохоровы очень скромно, но отметили начало новой жизни в старой квартире...

В 90-е возникла следующая ситуация: рядом с нашим домом, всего в четырех метрах от стенки тоннеля метра, корыстные застройщики, по сути дела втайне, стали сносить деревья и рыть котлован. Ко мне, профессиональному журналисту, известнику, начали приходить справедливо возмущенные сведения

с предложенными организовать сопротивление. Требовались десятки писем-справок в разные инстанции и, поистине, их копии. И соответствующая аппаратура для их воспроизведения, как подсказала моя жена, дружившая с Наташей Прохоровой, была у Евгения Павловича.

...Дверь открыл высокий подтянутый мужчина с очками на переносице. Глаза, которые он скрывал, светились готовым к ответу светом. А узкая причалка прихода, хитро и приветливо раскрыв дверь.

Надо сказать, что от книжных полок, сплошь застывших стены, свободным оставалось только окно с непременно открытой форточкой. Да еще стол с боушным компьютером, крутящееся кресло и небольшой диванчик. Теперь профессор занимал целую комнату. Ту самую, девятиметровую. И пока Евгений Павлович распорядился с принесенными мною бумагами, я начал полуукрадочкой глазами шарить по полкам. Некоторые названия наводнили те, что всплывали в памяти из времен моей давней учебы на кафедре МГУ...

— Вот! — положил пачку бумаг на стол хозяин. — Теперь сможете удержать всю запруду, которая катится на нас?

Поняв, что «всю запруду» удерживать все равно что стоять против морского прибой, я неуверенно поднял плечи. А он, чтобы уйти от этой, и общем далекой от его интересов, жилищно-коммунальной темы и, видимо, заметив мой интерес к книжкам, сам изменил тему разговора:

— Хотите что-нибудь взять посмотреть?

Через минуту на столе уже лежали книги из разных сфер гуманитарного знания, разного формата и объема. В том числе товская книжечка (почти брошюра) в бело-красной обложке, на «шпанке» которой красовался контур МГУ, — «Основы марксистско-ленинской теории журналистики» Е.П. Прохорова. Наперво, она попала ему под руку случайно. Но меня она заинтересовала: мог ли я по ней учиться?

— Вы едва ли могли ее даже видеть, — голос звучал все грустнее. — Раритет. Хотя готовилась действительно как пособие для студентов. Но не успела выйти в свет, как некоторые наши верные «партизаны», не забывшие сталиннистскую практику, уже кинулись докладывать «наверх», что написанное

в ней «отклоняется» от «истинного» марксизма-ленинизма. И студентам ее тогда не дали.

— Как не дали?

В ответ автор только махнул рукой.

Я посмотрел в его небесно-голубые глаза. Они излучали не негодование — сильнейшую, не проходящую со временем горечь.

...Время шло вперед. Как и многие другие жители нашего дома, Прохоровы купили себе автомобиль. Нет, нет — не «Мерседес» или какой-нибудь широченный джип. Это были наши родные «Жигули» девятой модели. Кому же водить их?

На семейном совете решили, что в подмогу дочери Ирине, на которую легли основные обязанности семейного водителя, права должны быть и у Евгения Павловича. Мало ли что может случиться по дороге на дачу — путь не ближний. И что бы вы думали? Несмотря на все сложности, связанные с возрастом и работой, Евгений Павлович с честью справился с новой задачей. Права были в его кармане. Правда, месту шофера он все же предпочел «штурманское».

Тут на память приходит один из случаев прохоровской автомобильной биографии. Как-то я приехал с работы и застал во дворе занимательную сцену: двое владельцев белой девятки, открыв капот, стояли по обе стороны машины, озабоченно глядя на двигатель. Улыбая шум подьехавшей машины, оба повернулись ко мне.

— Вот кто вам сейчас поможет! — услышал я слова Евгения Павловича. Взгляд у него был тревожный.

Пришлось сделать небольшую пробную поездку, а после внимательно осмотреть двигатель: один из двух проводов беспомощно вклился у датчика мотора. Мы все вместе стали хлопотать у машины, и вскоре прохоровская «Белюшечка» (так ласково назвала ее Ирина, а отец поддерживал) пришла в норму. И снова я обратил внимание на глаза хозяина: они светились, словно он только что сдал тяжелейший экзамен...

Настоящая же драма для Евгения Павловича была близко. В обычный земный день в тишине вдруг зазвонил телефон:

— Сама, Вы можете сейчас подняться ко мне?

Он никогда мне не звонил. И по едва заметной дрожи в голосе сразу стало понятно: в доме что-то не так. А Ирина уже жила в другом конце Москвы.

Дверь была предупредительно приоткрыта. Жена Наташа лежала на диване тихо, не шелохнувшись, лицом вверх.

— Нет-нет... — тихо проговорил он одним губами. — Это, видимо, инсульт. Я только что вызвал скорую помощь и... Ирину. Но, божесть, не справятся помощники — довезти Наталью в машину. А дочь и доспать не успеет.

Надо сказать, что тогда медицина справилась. Через месяц-другой жена вернулась домой, хотя болела все чаще и тяжелее. Но терпению Евгению Павловичу было не занимать. Она ушла из жизни через несколько лет, в предновогоднюю ночь 2005 г. И, помню, все соседи пераилились, как много народу было в квартире Прохоровых в день похорон. И подвее, и на 9-й день, и на 40-й. Приходили вспомнить Наталью Георгиевну, поддержать семью и особенно Евгения Павловича, редкого по нынешним временам одиолюбца...

Последний раз мы встретились с Евгением Павловичем незадолго до того, как он решил покинуть наш дом, который стоял недалеко от метро «Академическая», и переехать в Соколыники. Преимуществановой квартиры были неспоримы: по соседству с дочерью, а тому же ближе к университету и Левашке (он ведь продолжал читать лекции и писать книги!) и рядом с парком. День выдался кмурым — не до пространных разговоров во дворе. Евгений Павлович больше смотрел на дверь подъезда, будто бы в ней вот-вот должна была появиться его Наталья. Глаза, теперь уже не защищаемые спасительными очками, ввалились на похудевшем заостренном лице.

Некоторое время назад, приехав по своим делам на факультет журналистики МГУ, я хотел крепко пожать руку одному из старейших профессоров. Давно мы не встречались: дела, рабочие и семейные хлопоты, болезни, смерть моей жены, — в общем, не до бывших соседей. Зашел на его кафедру, он ведь приглашал заходить «по-соседски»... Только вот улыбался мне теперь не Евгений Павлович — его портрет в черной рамке.

В.С. Виноградский,

*директор кафедры переводческой лексики, секретарь бюро
Союза журналистов Москвы на факультете журналистики МГУ*

ИСКУССТВО МЫСЛИТЬ И ПИСАТЬ

Евгений Павлович Прохоров, наш уважаемый мотр и профессор, — один из немногих, кто отдавал столько же энергии, страсти и полета мысли регулярному прямому общению с действующей армией журналистов, сколько и университетским лекциям и своим многочисленным учебникам и монографиям.

Будучи в течение многих лет членом правления Союза журналистов Москвы и одним из опытейших руководителей секций в Доме журналистов, Евгений Павлович умел говорить с практиками СМИ на их языке. На время словно забыв научный язык абстракций и терминов, профессор умел увлечь слушателей проникновенным в тайны публицистики, тайны мастерства, бескорыстно делясь с ними знаниями, добытыми серьезным исследовательским трудом. В открытых волнующих беседах он говорил о том, что же должно быть спрятано в глубине строки, чтобы читатель снова и снова искал на странице газеты знакомую фамилию.

Его ценными и всегда актуальными идеями и советами с благодарностью пользовались руководители Союза журналистов Москвы И.А. Бондаренко, Л.В. Щербина и многие, многие другие.

Входя в состав редакционных комиссий съездов и конференций журналистов страны и Москвы, Е.П. Прохоров вносил в принимаемые документы необходимую логику и завершенность, основанные на строгом научном подходе.

Досконально изучив богатейшее наследие мастеров газетной строки, талантливых авторов журналов и альманахов XIX—XX вв. и, конечно, начала нынешнего, XXI в., Евгений Павлович пришел к выводу о том, что публицистика — это особый вид искусства, творчества, существующий параллельно с другими его видами. Об этом он не устал говорить со всех трибун.

В истории московской журналистской организации Евгений Павлович навсегда останется одним из звездных ведущих ученых, умело отстаивавших честь, достоинство и традиции великой русской журналистской школы.

Т.Э. Гринберг,

доцент кафедры рекламы и связей с общественностью факультета журналистики МГУ, доцент факультета журналистики МГУ по творчеству

ВАС НЕ ХВАТАЕТ...

Я долго не могла приступить к работе над текстом воспоминаний. У меня никак не получалось говорить о Е.П. Прохорове в третьем лице. И я решила, дорогой Евгений Павлович, напрямую обратиться к Вам и сказать то, что не успела сказать Вам при жизни. Как будто получила слово на Вашем очередном юбилее.

Наверное, именно благодаря Вам я в какой-то момент поняла, как меняется отношение преподавателя и студента по мере взросления последнего. И именно от Вас первого услышала уважительное «коллега». Почему-то мне всегда слышалась в этом обращении нота доброжелательной иронии. Когда я выпросила у Вас книгу «Исследуя журналистику», я получила вместе с подарком замечательное посвящение: «Дорогой Татьяне Эдуардовне, хотя я и не понимаю, чем Вам может быть полезна эта книга». Если серьезно, Евгений Павлович, то до Вас в этой книге никто давно так внятно не объяснял, какие бывают типы исследователей, как ведется научное исследование, как оно (исследование) «растет» из курсовых, дипломов, статей и что в действительности значит научные категории. Теперь я могу, ссылаясь на Ваш опыт, рассказывать об этом нашим юным дарованиям. Но тогда в посвящении я увидела не иронию, а тонкий комплимент...

На преддверии защиты моей кандидатской диссертации именно Вы «садали» вектор, сказав, что кандидатская — это, вообще-то, квалификационная работа, результат, только подтверждающий право на серьезное исследование. Наверное, именно поэтому Вам одному из первых в день Вашего юбилея я с радостью сообщила, что мою докторскую диссертацию обсудили на кафедре. И успела получить в ответ очень важные советы, несмотря на то что чествование было в разгаре. Неслучайно я поделилась в тот день радостью именно с Вами — как со старшим надежным другом, которому мои успехи безразличны.

С Вами легко было быть искренней. Как-то я призналась, что всегда волнуюсь перед каждой лекцией. На что Вы ответили, что, если перестану волноваться, — считай, конечно дело. Вы научили меня тому, что беспокоиться по поводу своей работы — не значит проявлять слабость и что волнение, эмоции, беспокойство означают небезразличие, неравнодушие, «непочтительность» на лекциях. Вы также научили меня тому, что сомнения не испытание, а благо, великая победитель сомнениям; они вернее ведут к истине. Я редко слышала от Вас утверждения — все больше вопросы. И получалось совместное обдумывание, а не монологи одного из нас. За исключением, может быть, момента, когда я сама первокурсницей сдавала «Введение в журналистику»... Неважно, прямо скажем, я ее тогда сдавала.

Когда-то именно потому, что я работала на факультете журналистики и знакома с Вашими трудами, мне в издательстве РИП-холдинг доверили редактировать «Введение в теорию журналистики». На этот раз я прочитала книгу очень внимательно! А Вы долго имели ко мне своим редактором. Или я видела все-таки лукавый огонек в Ваших глазах?

Вот чего в Вас точно не было — это суровости, несмотря на благоговейный страх перед Вами студентов!

Мне, наверное, особенно повезало, потому что повезало учиться у двух когда-то непримиримых оппонентов — Викторие Васильевны Ученовой и Евгения Павловича Прохорова. И я смогла увидеть столь разные точки зрения двух равновеликих мыслителей. А главное — много общего: страсть к познанию, интерес ко всему новому, честность, верность, отсутствие какой бы то ни было высокомерной снисходительности к студентам и коллегам.

..Воспоминания — кусочки, осколки, мысленные кадры. Когда начинаешь вспоминать, Ваше присутствие ощущается с того дня, когда я пришла на факультет. Ваша манера читать лекции — приглашение к размышлению, диалогу. Ваше неутомимое стремление улучшить мою бестолковую курсовую и усталый вдох, когда я «сдалась» и согласилась на тройку. Ваши «спасающие» вопросы на защите моей кандидатской диссертации. Потом, кстати, я всегда старалась развеять страх перед защитой уже своих аспирантов, объясняя, что Вы задаете

очень точные, направляющие вопросы, позволяющие раскрыть основное в диссертационной работе. Вспоминается Ванга заинтересованность темами моих статей, а еще — разговоры с Вами во время поездок на конференции в Финляндию и США. Наша коллективная прогулка на «сумасшедшем», насквозь промочившем нас всех катере в Нью-Йорке. И перекуры, когда Вы были хулиганящим мальчишкой. Любимые мной анекдоты на Вангу кафедру. Еще статьи. Еще разговоры и споры...

Вы долго были рядом. Это много. Но Вас очень не хватает. Не хватает Вашего прямого сидута на заседаниях Ученого совета. Не хватает Вашей независимой поддержки. Не хватает смеющихся глаз. Вы даже уходили улыбаясь. Но больше всего не хватает возможности поговорить с Вами, все равно о чем. Теперь нам придется справиться самим...

Нгуен Ван Зынг,

директор, декан факультета журналистики

при Академии журналистики и коммуникаций (Вьетнам, Ханой)

НЕЗАБЫВАЕМОЕ ВРЕМЯ: АСПИРАНТУРА У ПРОФЕССОРА ПРОХОРОВА

Я родился и вырос на южном берегу Хием Лыонг: река находится на 17-й параллели и «случайно» разделила Вьетнам на две части. Это были годы хаоса, жестокой войны, раздиравшей мою страну. Когда пришло время учиться, меня отправили на север. После Парижского соглашения о восстановлении мира во Вьетнаме я смог вернуться на юг, где тогда к власти пришло временное революционное правительство Республики Южный Вьетнам. Жизнь толкнула меня в журналистику, и вскоре мне предложили поехать в Советский Союз — поступать в аспирантуру факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Во Вьетнаме есть крылатое выражение, смысл которого по-русски можно передать следующими словами: «большому повелю встретиться с хорошим врачом и качественным лекарством». Так и мне, решившему заниматься наукой и преподаванием журналистики в большом, тогда единственном

во Вьетнаме центре журналистики, но имеющему явно недостаточный запас знаний в этой области, «повезло встретиться с хорошим врачом», точнее... хорошим учителем: на журфаке МГУ мне повезло познакомиться с профессором, доктором филологических наук Е. П. Прохоровым.

...Самолет, совершавший рейс «Ханой — Москва», приземлился в аэропорту около 2 часов 25 декабря 1989 г. В ту холодную зимнюю ночь в аэропорту меня встретил родственник. Уже в такси, вглядываясь в окно, я спросил: «А где мы, собственно, находимся? Почему везде только белый песок? Как будто на пляже...» Водитель засмеялся, а мой родственник объяснил, что это снег... Так начала сбываться моя многолетняя мечта — понасть в Советскую страну, в Москву, эту столицу социалистических стран, о которой я много читал в книгах и газетах. Правда, тогда, даже в горбачевские годы, в доступной мне прессе Советского Союза и Вьетнама писалось обо всем этом в основном только в комплиментарном духе, и представление о происходящем в Советском Союзе складывалось, как я понял позднее, не вполне адекватное.

Через несколько дней в Москве я встретился с Динь Тхю Хуннем, в то время членом Политбюро, секретарем ЦК КПВ, заведующим Отделом пропаганды и политического воспитания. Он заинтересовался, кто будет моим научным руководителем в аспирантуре. «Пока не знаю, — признался я. — Не можете ли Вы дать мне совет?» На что Динь сказал: «Если ты умный человек, пожалуйста, работай с профессором Е. П. Прохоровым». Тогда я отшутился, что я «не умный человек — потому что мне и надо найти хорошего учителя». Но совет запомнил и позднее понял, что Динь дал мне тогда верную подсказку. Мне действительно нужен был такой наставник, как Е. П. Прохоров, — ведущий в Советском Союзе специалист в области теории журналистики, талантливый ученый и очень серьезный, требовательный преподаватель. Недаром многие иностранные аспиранты его... боялись.

В начале 1990 г. я пришел в иностранный отдел факультета журналистики с просьбой организовать встречу с профессором Е. П. Прохоровым. И вскоре она состоялась... В кабинете меня ждал высокий стройный мужчина в классическом темно-

сером, почти черном, костюме, в светлой рубашке и красном, аккуратно завязанном галстуке в цвет. После традиционного приветствия он сразу перешел к делу: «Какой темой Вы хотите заниматься?» Тему я приготовил еще во Вьетнаме, проконсультировавшись с нашими специалистами в области журналистики: «Роль прессы в процессе расширения открытости и демократизации общества». Профессор внимательно выслушал мои пояснения (конечно, показавшие и мое слабое еще знакомство с русским языком) и порекомендовал скорректировать тему, не привязывая ее жестко к текущим политическим процессам периода перестройки. Евгений Павлович как будто предвидел его скорый закат — качество большого ученого, занимающегося социальными исследованиями. Важнее и перспективнее, особенно для иностранного аспиранта, ему представлялась разработка более общих проблем теории СМИ. Профессор предложил мне два варианта на выбор, в том числе и тему «Пресса и общественное мнение». Интересовался он и моими взглядами на процесс обучения в Москве. Сразу строго предупредил: «Во-первых, над любой из предложенных тем Вам придется работать очень много. Seriously работать. Я помогу, но диссертация — Ваша. Во-вторых, Вам надо лучше овладеть русским языком: я не могу по-школьному исправлять Вам грамматические и орфографические ошибки. Даю Вам две недели, чтобы подумать и ответить».

Менее чем через неделю я подошел к Евгению Павловичу и сказал, что я буду работать и что я выбрал тему «Пресса и общественное мнение — формы отношений (на основе материалов прессы России и Вьетнама в начале 1990-х гг.)». Так началась моя аспирантура у Е.П. Прохорова...

Евгений Павлович помог мне составить план работы, дал список книг, которые я должен был изучить. Он много внимания уделял методике научно-исследовательской работы аспиранта. По ходу занятий я все лучше понимал слова моего руководителя о том, что для тех, кто хочет всерьез заниматься исследованием и преподаванием журналистики, нужна целая система знаний. Это и специальные, и общегуманитарные знания, в том числе в области философии и социальной психологии, теоретические представления, владение исследовательски-

ми методиками и, конечно же, знанием практики СМИ, а также профессиональнейшие журналистские навыки. Да и жизненный опыт очень пригодится.

Некоторые книги я получал прямо из рук Евгения Павловича, из его личной библиотеки. Одной из первых таких книг для меня, помнится, стал большой том в твердом переплете с названием на черной обложке: «Работа социологов». От меня требовалось «аккуратно, адуманчиво, с карандашом в руках» ее прочитать, ведь, по мнению профессора, это «инструментальная» книжка. Чтобы добиться результата при отсутствии даже первичных социологических знаний и недостаточном владении русским языком, у меня ушло четыре месяца. Но с каждой освоенной страницей я все лучше понимал ценность получаемой информации, особенно о социологических методах исследования.

Трудно приходилось мне, особенно на первых порах, и на лекциях профессора Прохорова: быстрая устная речь, сложные конструкции предложений, научный язык, термины. И здесь, надо сказать, очень помогали диаграммы, которые он рисовал, — легче было и понять, и запомнить материал. Теперь, по примеру профессора, и я в своей научной и педагогической работе, рассматривая трудные для понимания вопросы, тоже часто моделирую разные диаграммы, например анализирую общественное сознание или факторы, влияющие на свободу печати. Этот метод многим вьетнамским студентам и аспирантам нравится.

..В Евгении Павловиче меня привлекала и его скромность в быту, и удивительная работоспособность. А еще — честность и открытость в общении с окружающими, в том числе с аспирантами, причем нередко приехавшими издалека, иностранцами. Вообще его жизненная позиция не могла не вызывать уважения. Он всей душой переживал за свою страну, столкнувшуюся в конце 1980-х — начале 1990-х гг. с тяжелейшими испытаниями. Переживал не за свое благополучие — за судьбу Родины. И в этом не было пустого пафоса: ведь распался Советский Союз — страна, в которой он родился и вырос, за которую погиб на фронте под Сталинградом его отец, Евгений Павлович, человек науки, всегда старался осмыслить пропе-

ходящее в контексте глобальных исторических процессов, посмотреть на них диалектически, сопоставляя опыт развития различных стран.

Поэтому, видимо, его очень заволновал мой разговор с одним японским профессором, с которым я имел честь познакомиться в 1991 г., как раз на праздновании 50-летия со дня рождения Е.П. Прохорова. Я спросил этого профессора, как он думает, почему Япония, потерпевшая тяжелейшее поражение во Второй мировой войне, сильно пострадавшая от американской атомной бомбардировки, уже через 20 лет стала одной из самых развитых стран мира. Ответ прозвучал почти парадоксально: поражение во Второй мировой войне, по-своему, счастье для Японии: если бы она была победителем, то вряд ли стала бы развитой страной, потому что победители легко впадают в высокомерие, а это тинет народ назад. Евгений Павлович тогда грустно заметил, что, возможно, это, действительно, «закон» истории и его стране придется пережить такое историческое поражение. И, уже обращаясь в основном ко мне, решительно добавил: в любых обстоятельствах главное — держаться научной точки зрения и быть последовательным в своих взглядах. Он подчеркнул, что это вовсе не отрицает необходимости расти, меняться как исследователю, но нельзя приспосабливаться к спонсируемым политическим веяниям. Я хорошо запомнил этот урок моего наставника.

Во время исследования взаимосвязей памяти и общественного мнения в уже ельцинской России я столкнулся со многими трудностями и просил Евгения Павловича разрешить мне ограничиться исследованием только вьетнамского материала. Профессор строго сказал, что в таком случае и защищать диссертацию надо во Вьетнаме. С его точки зрения, недопустимо, когда иностранные аспиранты российских вузов собирают данные только на своей родине, а защиты проходят в России. Ведь часто это делается бессистемно, и научный руководитель здесь бессилен помочь. Да и результаты таким практически не поддаются проверке. Проведение подобных «защит», якобы ради «поддержания дружбы между народами», по его мнению, недостойно действительной дружбы. Изначальное предупреждение Евгения Павловича, что под его руководством работать

придется очень много, подтверждалось: я должен был продолжать бороться с трудностями исследования и российского материала. Но теперь я благодарен за такую школу.

Конечно, Евгений Павлович был с аспирантами не только строг. Он постоянно помогал им общими наставлениями, выработкой методик работы и конкретными дельными советами. И еще... он ободрял и поддерживал рабочей настрой, в том числе своей способностью улынуться в сложной ситуации. Однажды на кафедре социологии журналистики, которой с 1991 г. заведовал мой научный руководитель, я в очередной раз отчитывался о проделанной за полгода работе. И одна из преподавательниц буквально забросала меня сложнейшими вопросами по исследуемой проблеме. Иногда я, иностранец, не успевал еще понять суть первого вопроса, не то что ответить, как она уже переходила к следующему. Откровенно скажу, я обиделся. Профессор, заметив это, подошел ко мне и сказал, что нужно учиться сохранять спокойствие в таких ситуациях и... слушать – воспринимать информацию, которую тебе дают. Ведь коллег, задавая эти непростые вопросы, тебе же помогает усовершенствовать план диссертации, увидеть какие-то слабые стороны, на которые мы недостаточно пока обратили внимание. На мою жалобу, что эта преподавательница не дала мне времени ответить, он улыбнулся: «Раньше Вы не знаете формулу: мужчины говорят только по зрелом размышлении, а женщины – наоборот». Понятно, говорилось это в шутку, чтобы снять напряжение. Своей цели Евгений Павлович тогда достиг. Помог мне в будущем и принципиальный совет умудренного опытом ученого – внимательно слушать острые вопросы, критические замечания, сдерживая эмоции и думая только о конечном результате.

Это умение очень пригодилось мне во время защиты диссертации 17 мая 1994 г. в Москве, на заседании Ученого совета на факультете журналистики МГУ. Недаром после ее успешного завершения профессор Прохоров, кстати заместитель председателя этого Ученого совета, провел меня в свой кабинет, открыл бутылку прекрасного коньяка и поздравил с успехом, подчеркнув, что особенно доволен моими ответами на вопросы. И еще он тогда сказал, что моя тема **имеет фундаментальное**

значение для современной теории журналистики и надо над ней работать дальше.

..И сегодня, спустя почти 20 лет, я продолжаю заниматься этой темой, тем более что она оказалась весьма актуальной для журналистики Вьетнама в переходный период. В 2011 г. я опубликовал книгу (400 страниц) под названием «Пресса и общественное мнение» и пять научных статей, касающихся этой проблемы. В той или иной мере к этой теме обращались и четыре аспиранта, работавшие уже под моим руководством по специальности «Журналистика» и успешно защитившие диссертации в моей родной стране. Большой вклад в эти мои маленькие успехи сделали факультет журналистики МГУ и, конечно, профессор Е.П. Прохоров.

В 2009 г. при подготовке к телепередаче под названием «Учители и выпускники советских вузов: день встречи» я предложил Оргкомитету пригласить к нам во Вьетнам профессора Прохорова. Приглашение было отправлено, но, к сожалению, из-за ухудшения состояния здоровья Евгений Павлович не смог приехать. В 2011 г. Е.П. Прохорова не стало... Но память о моем замечательном Учителе жива. Я многому научился у профессора Прохорова. Для меня это была незаменимая школа, бесконечный источник энергии.

О моем «долге» перед Евгением Павловичем. В одну из последних встреч мы много говорили о журналистике как искусстве убеждать. Евгений Павлович подарил мне тогда свою книгу «Искусство публицистики», более того, дал мне рукопись этой книги, которую не передавали в России, чтобы и ее изучил, перевел и опубликовал во Вьетнаме. Очень сожалею, что до сих пор не сумел этого сделать. Но, надеюсь, я верну этот «долг» в ближайшие два года — дополню размышления моего учителя своими и составлю новую книгу. Ее рабочее название — «Публицистическое искусство».

Е. В. Иваненко,

студентка факультета журналистики МГУ

КЛАССИЧЕСКИЙ УЧЕБНИК

Я поступила на первый курс факультета журналистики МГУ, когда профессор Е. П. Прохоров из-за болезни уже не читал лекции по теории журналистики. К сожалению, у меня не было возможности поучиться именно у него, и лично познакомиться с ним мне также не довелось. Но после смерти Евгения Павловича его дочь, Ирина Евгеньевна, прочитав в факультетской газете «Журналист» заметку «Запомнилось» о моей первой встрече с учебником «Введение в теорию журналистики», предложила мне принять участие в Книге памяти профессора Прохорова. И я решилась поделиться своими размышлениями о том, какие ассоциации возникают у вполне рядовой второкурсницы вечернего отделения журфака при упоминании этого имени — профессор Евгений Павлович Прохоров.

Учась на журфаке и осваивая «Введение в теорию журналистики» по учебнику Прохорова, студенты любого отделения, хотя бы в самой малой мере, соприкасаются с этим ученым, с этой, безусловно, легендарной для факультета личностью. Уже на I курсе я немало узнала от «старших» товарищей, да и в Интернете прочитала о его сложных даже по языку лекциях, которые требовали от слушателя постоянных интеллектуальных усилий, и об учебнике им под стать. О строгости, пусть и принципиальной, «по делу», которую он проявлял на занятиях и экзаменах. Но также и о том, что некоторые из слушавших его лекции и учившихся по прохоровскому учебнику в университете позднее, уже серьезно поработав в практической журналистике, осознавали, как много было важного и полезного в его теоретических формулах, которые в студенческие годы казались им оторванной от жизни заумью, скучной и ненужной для журналиста. И как сам Евгений Павлович любил напоминать своим ученикам высказывание Дидро о том, что нет ничего практичнее хорошей теории.

Конечно, главное, что возникает в памяти сегодняшнего студента, когда называют имя Евгения Павловича Прохоро-

ва, — это его Учебник. Совсем недавно на моей книжной полке появилось последнее его издание, точнее, 8-е его переиздание, дополненное и исправленное. Средней толщины книга в строгой темно-синей с серым обложке, на довольно хорошей бумаге, напечатанная приемлемым для глаз шрифтом. Подобные издательские «мелочи» на самом деле важны для студента, обязавшегося внимательно прочитать или хотя бы проглядеть тысячу страниц, тем более если учесть, что часто делается это «в пути», по дороге между работой, «универсом» и домом. В сессию же, когда в основном и читаются учебники, нагрузки еще больше возрастают.

А освоить учебник Прохорова — серьезный труд. И здесь, как знают все опытные студенты, помогают конспекты. Правда, многие пользуются «чужими» заготовками, выложенными в Интернет. В такой ситуации нередко рискуешь получить текст, весьма далекий от досконально продуманных формул профессора, как и от того, что говорил на лекции преподаватель, ныне ведущий курс «Введение в теорию журналистики». Это тоже бывает проблемой для студентов — соотносить написанное в учебнике и сказанное лектором, который часто имеет свою точку зрения на излагаемый раздел теории журналистики. Хотя в таких «несовпадениях» учебника и лекций есть, нахерно, и польза для будущего журналиста: возможность стать свидетелем своеобразного «ученого» диалога о профессии. Однако все это уловить способны только сильные и хорошо подготовленные студенты, те, которые и конспекты готовят самостоятельно.

Так, один из моих друзей, Петр Ларин, благодарливо стал составлять векий дайджест по курсу теории журналистики еще по ходу семестра: «Я составлял его постепенно, чтобы в самый последний момент не перечитывать весь учебник, — на это просто времени не хватает. А так выжимки из подробных схем и кратких объяснений мне позволяли быстро повторить пройденное». Надо сказать, они помогли не только автору этого конспекта, но и многим его друзьям.

История же моего знакомства с учебником Прохорова не совсем обычна... Еще школьницей, только начавшей думать на тему «куда пойти учиться», я как-то зашла в один из центральных московских книжных магазинов и оказалась перед

столбиком с книгами о журналистике. Выбор был не такой уж большой. Я просматривала оглавление книги Галины Викторовны Лазутиной «Основы творческой деятельности журналиста», когда к этому же столбику подбегала девушка, явно студентка. Она окинула взглядом полки и вытянула откуда-то снизу синю-желтую книгу очень презентабельного вида. Я заинтересовалась. Девушка на ходу поведала, что это учебник для первокурсников журфака МГУ «Введение в теорию журналистики» Е.П. Прохорова, и быстрым шагом направилась к кассе. Решив, что, вероятно, это как раз то, что и мне будет полезно, я купила эту книгу.

Дома начала ее читать. Первые страницы шли довольно тяжело, даже, я бы сказала, с немелодичным (умы?) скрипом. Хотя после школьных, написанных ужасным языком, часто поверхностных учебников этот учебник сразу понравился мне своей глубиной, основательностью, четкостью построения, вообще проработанностью. В каждом слове чувствовалось, что автор — очень знающий, умный и творческий человек. И когда я дошла до истории возникновения журналистики, то так увлеклась чтением, что оторваться смогла только поздно вечером. И потом возвращалась к учебнику, постепенно дочитав его до конца. Замечу, что самыми важными и интересными для меня в книге Прохорова стали его рассуждения о том, каким должен быть настоящий журналист. Ключевые понятия здесь, казалось, очевидны, и все же автор заставлял о многом задуматься, на многое посмотреть по-новому. Так я впервые познакомилась с главным трудом Евгения Павловича Прохорова.

Кто бы мог подумать, что именно эта почти случайно купленная книга поможет мне выбрать будущую профессию! Если бы не она, вполне возможно, что я бы и не пришла на журфак. Ведь читая учебник Прохорова, я сравнивала «должное», возможное и необходимое в деятельности СМИ, о чем писал теоретик журналистики, и то, с чем сама каждый день сталкивалась в действительности, что видела по телевизору, читала в наших газетах и журналах, слышала по радио. И тогда я стала понимать, что для профессии журналиста еще не все потеряно, что многое здесь не только необходимо, но и возможно воплотить к лучшему и этому, очевидно, можно научиться...

Конечно, курс теории журналистики, как и любой другой, с течением времени должен меняться, пополняться новыми идеями, подходами и понятиями. Но тот фундамент теоретических знаний о журналистике, который заложен в учебнике Е.П. Прохорова, думается, еще долгие годы будет служить всем, кто интересуется журналистикой. И тем, кто только собирается связать свое будущее с этой профессией, и кто уже давно работает в традиционных и новых медиа, и кто посвятил свою жизнь их исследованию. Этот учебник объединяет журналистов, вышедших не только из нашего «дома на Моховой», но многих и многих по всей России и за ее пределами. Недаром он признан «КЛАССИЧЕСКИМ».

В.Е. Краевский,

*доцент кафедры истории русской литературы и журналистики
факультета журналистики МГУ*

О Е.П. ПРОХОРОВЕ – ИССЛЕДОВАТЕЛЕ РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ И ПЕДАГОГЕ

Мне хотелось бы вспомнить профессора Евгения Павловича Прохорова не только как авторитетнейшего теоретика журналистики, каким его знает подавляющее большинство выпускных журналистов и выпускников журфака МГУ, но прежде всего как исследователя русской публицистики и историка русской периодической печати.

Впервые я встретил имя Е.П. Прохорова в книге «Русский фельетон» (М., 1958), в которой значилось, что «составление, подготовка текста, вступительные заметки и комментарии» в ней принадлежат А.В. Завладову и Е.П. Прохорову. Этот сборник я расдобыл, чтобы прочитать знаменитый фельетон «Господа Обжикины», написанный в 1902 г. одним из «персонажей» моей будущей кандидатской диссертации А.В. Амфитеатровым. И хотя диссертация о русских писателях-натуралистах конца XIX – начала XX в., над которой я работал в начале 1980-х гг. под руководством проф. А.Г. Соколова на филологическом факультете МГУ, не была непосредственно связана с историей журналистики, обойти ее оказалось невозможно. Некоторое

писатели, в частности П. Д. Боборыкин и особенно А. В. Амфитеатров, были не только активными участниками литературного процесса на рубеже XIX – XX вв., но и весьма известными в свое время журналистами.

Примечательно, что именно фельетон «Господа Обмановы», прославивший Амфитеатрова и включенный в книгу, в подготовке которой большую роль сыграл Е. П. Прохоров, стал единственным произведением, напечатанным в СССР после отъезда писателя из Союдазии в 1921 г. Другие его тексты можно было найти только в отечественных дореволюционных и зарубежных эмигрантских изданиях. Октябрьскую революцию Амфитеатров, как известно, не принял, а в эмиграции был одним из самых непримиримых противников советской власти. Разумеется, публикации Амфитеатрова 20–30-х гг. в то время были практически недоступны. Книжки же «полузапрещенного» писателя, издаваемые до 1917 г., из крупных библиотек не вымывались, но и не переносились, а биографические справки об Амфитеатрове были весьма скудными, неточными и с обязательными негативными характеристиками.

С интересом впервые прочитав «Господ Обмановых» и произведения других русских публицистов начала XX в., напечатанные в книге «Русский фельетон» в основном по газетным источникам и тщательно прокомментированные, я решил выяснить, кто же такой Е. П. Прохоров. А. В. Западков был уже известен мне как автор нескольких книг о писателях XVIII в. Я предположил, что у незнакомца мне исследователя могут быть и другие работы о публицистах начала XX в. По картотке Горьковки я нашел книги Е. П. Прохорова, посвященные публицистике декабристов и Белинского, но эти работы были далеко от интересовавшей меня эпохи.

Я спросил своего научного руководителя, профессора А. Г. Соколова, знает ли он Е. П. Прохорова, одного из составителей данного сборника «Русский фельетон».

— Конечно, Евгения Павловича Прохорова я прекрасно знаю, — ответил Соколов, — он работает на факультете журналистики, доктор наук, профессор! Да, когда-то он занимался и литературой, и историей русской печати, но, увы... — тут Алексеей Георгиевич подождал, — сейчас занят чем-то другим...

На этом наш разговор и закончился. А чем «другим» был занят Е.П. Прохоров, я узнал через несколько лет, защитив диссертацию и став преподавателем кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики МГУ.

Впервые я увидел Евгения Павловича, подтянутого, энергичного, в апреле 1986 г., но не в университете, а на коммунистическом субботнике в Лужниках. Поинтересовался у Бориса Ивановича Есина, заведующего нашей кафедрой: с кем это он так живо беседовал до начала субботника и даже, как мне показалось, спорил; кто этот высокий человек в спортивном костюме?

— Как, ты разве не знаешь? — воскликнул Борис Иванович. — Это профессор Прохоров!

И уже через минуту Б.И. Есин представил меня, нового сотрудника кафедры, Евгению Павловичу.

А через полтора года трепещущие студенты I курса, начальником которого меня назначили, рассказывали, как тяжело «сдавать Прохорова» — курсе «Введение в теорию журналистики», — какой он требовательный и принципиальный экзаменатор. Для них это был самый ответственный и трудный экзамен в их первую сессию. Евгений Павлович, по моему убеждению, ставил студентам высокую, истинно университетскую планку требований. Когда эти же студенты на IV курсе говорили, что сдать мне экзамен по русской литературе начала XX в. им так же сложно, как сложно было на I курсе сдать экзамен Прохорову, я, конечно, очень смущался, но, не скрою, я гордился этим столь лестным для меня сопоставлением. Уроки требовательности и принципиальности, которые не только я, но, думаю, каждый преподаватель факультета журналистики МГУ получал от Евгения Павловича, не прошли бесследно.

Но самые главные «уроки Прохорова», я убежден, — это уроки трудолюбия, преданности своему делу и неиссякаемого оптимизма. «Не словес красных Бог слушает, во дел наших дощит» — эти слова «огневального» протоиерея Авакума, по моему, как нельзя лучше характеризуют жизненную позицию Евгения Павловича. Он трудился в любое время и в любых обстоятельствах. На многочасовых заседаниях ученых советов, на уютных партсобраниях перед ним всегда лежали би-

биографические карточки, листочки с записями, заметками... У меня возникало ощущение, что это работа — работа ученого, мыслителя — не прерывалась ни на минуту.

В годы перестройки появилась возможность издать книги так называемых забытых писателей. В 1988 г. дошла очередь и до Амфитратова. Книжиневское издательство «Карти Молдовеняеска» предложило мне оставить объемистый том его сочинений, в том числе фельетонов, написать статью и комментарии. Готовя это первое в СССР издание произведений Амфитратова, я не раз вспоминал о человеке, который был первым, кто познакомил меня с наследием знаменитого журналиста, опубликовав в годы «оттепели» «Господ Обмановых», — об исследователе русской классической публицистики Евгении Павловиче Прохорове. А рядом, на моем рабочем столе, лежала подготовленная им книга «Русский фельетон»...

Л.Е. Кройчик,

профессор, заведующий кафедрой истории журналистики факультета журналистики Воронежского государственного университета

СПОКОЙНАЯ УВЕРЕННОСТЬ АНАЛИТИКА

Давно это было...

С Маргаритой Ивановной Стофлеевой едем в Свердловск на конференцию, которую проводит тамошний журфак.

Все новое и знакомый город, и участники форума, чьи имена вам известны по статьям из разного рода научных вестников — Шандра, Сесюния, Коржиков, Прохоров...

Сегодня, конечно, я уже не вспомню, чему конкретно был посвящен доклад Евгения Павловича, но хорошо помню, как вышел к трибуне высокий, худощавый человек и ровным голосом негромко стал говорить о природе журналистского творчества.

Поразило полное отсутствие стовличной осепенности, стодличной внушительности.

Бросилась в глаза спокойная уверенность Прохорова: говорю то, что считаю нужным сообщить; ваше дело — согласиться со мной или возразить.

И еще одна деталь запомнилась: Евгений Павлович выглядел на трибуне не филологом, анализирующим слово, а аналитиком, расширяющим текст.

Естественным испытателем выглядел.

«Первое», «второе», «третье»...; «Схематически это можно представить так...»; «Выразим этот процесс в виде следующей формулы...»

В гостиничной suite конференции мы с Евгением Павловичем познакомились, и я спросил его, откуда такой интерес к логичной стройности высказывания.

— Профессия обязывает, — сухо сказал Прохоров. — Я социолог, а не художник.

И добавил:

— Факт требует точности.

Признаюсь, мне показалось тогда, что Евгений Павлович Прохоров выглядит «сухарем».

Педагогом, если хотите.

Потом мы с Евгением Павловичем встречались часто. Регулярно.

В этой регулярности встреч был свой чудесный резон: постепенно Евгений Павлович перестал быть для меня Прохоровым с фотографией, с которой начиналась очередная его книга.

Никакого академического высокомерия.

Никакой высоколобости.

Живые глаза — живое слово.

И, кажется, постоянная готовность к диалогу.

В начале девяностых — очередная встреча на конференции.

На этот раз в Ростове-на-Дону.

Тут уже Евгений Павлович — признанный мэтр. По его учебникам учатся. На его работы ссылаются. Коллеги ждут — что скажет Прохоров?

Прохоров же словно этого штегата не замечает — Прохоров жаскает общения.

На той — ростовской — конференции я был с женой. Пока мы заслали, выяснилось, что в ближайшем кинотеатре идет «Гамлет» Григория Кошницера.

— Пошли? — спрашиваю я у коллег.

— Пошли, — говорит Евгений Павлович.

Потом прогулка по вечернему городу и обсуждение игры Сюзантоновского и режиссерских находок Коэнниена.

Кто сказал, что Прохоров — «сухарь»?

Чепуха все это!

Шекспир, интеллигентская рефлексия, «Гамлет» на Тихавке, Гамлеты русской словесности — так приятно-слушать небанальные суждения много знающего человека...

Евгений Павлович всегда был самим собой — ни позы, ни многозначительных слов, ни намека на собственное превосходство.

Так было в Воронеже, где мы однажды проводили заседание УМО и нам удалось затанцевать Евгения Павловича в наш университет («Плохо себя чувствую, не знаю, смогу ли выбраться, много работы»). Так было в МГУ, когда однажды я направился на лекцию к Евгению Павловичу.

Читал тогда Прохоров «Основы журналистики».

Тяжелый авторский курс, явно не рассчитанный на неокрепшие мозги первокурсников.

Признаюсь, подумал зачем так сложно объяснить молодым слушателям непростые азы профессии.

Зачем доска, мел, формулы, термины, почерпнутые из тематики?

Зачем вообще нужна эта аналогия с точными науками?

А потом понял великую мудрость на первый взгляд суховатого профессора: Прохоров разрушал иллюзии о предстоящей жизни в профессии, которая только со стороны выглядела заманчиво-блестящей.

Роботам предстоит тяжелый труд познания, и Прохорову, и думаю, хотелось, чтобы первокурсники поняли: легкой жизни не будет.

Евгений Павлович не только вводил студентов в систему знаний, — он учил их думать.

Учил задумчивости.

...Одна из последних встреч.

Ежегодные посиделки в МГУ.

Книжные развалы на втором этаже.

Верчу в руках сборник трудов кафедры социологии журналистики, которую возглавляет Евгений Павлович.

Взять сейчас или потом выпросить у Прохорова с дарственной надписью?

— Берите, не раздумывая, — слышу знакомый голос Евгения Павловича. — Есть хорошие статьи.

— А автограф будет?

— Будет, будет. Поддержите кафедру в ее научном поиске. И я беру сборник.

С.Я. Махашина,

*доцент кафедры истории русской литературы и журналистики
факультета журналистики МГУ*

КОГДА МЫ БЫЛИ МОЛОДЫЕ...

Известие о смерти Евгения Павловича Прохорова меня потрясло. Я не знала о его болезни; он сам и его дочь избегали этой темы при наших не таких уж редких встречах на факультете. Когда мне позвонила Галина Сергеевна Лапина и сказала о случившемся, я не могла прийти в себя. И не только потому, что умер замечательный человек, крупный ученый, один из корифеев факультета журналистики, но и потому, что ушел из жизни один из нас. Один из той группы молодых сотрудников — выпускников факультета, которые начинали работать старшими лаборантами и младшими научными сотрудниками на таком же молодом, как и мы, факультете. Это было в послесталинские 50-е гг. Женя Прохоров, Светлана Каравашкова, Руфина Иванова — они были немного старше меня. Я закончила учебу в 1958 г., а Лилия Портянкина, Лариса Ошыхтина — в следующем, 1959-м, Мила Кудрявцева тогда училась в Полиграфическом институте. Мы в то время были неразлучной «четверкой».

С Женей Прохоровым я познакомилась в конце 1957 г., когда училась на V курсе и пришла на кафедру истории русской литературы и журналистики подавать заявление на дипломную работу. Женя был тогда старшим лаборантом этой кафедры. Как все дипломники, я задавала ему бесконечными вопросами, как оформлять дипломную работу и как будет проходить защита, но у него хватало терпения на них отвечать спокойно.

Через год после окончания факультета, в 1959 г., я перешла на редакцию учебной газеты «Журналист» на кафедру истории русской литературы и журналистики (заведовал ею профессор А.В. Западов) на должность старшего лаборанта. Так я «заменила» Женю, который тогда стал научным сотрудником. Он учил меня «премудростям» лаборантской работы, опять же терпеливо отвечая на мои многочисленные вопросы. В то время мы и познакомились с ним ближе, перешли на «ты».

Работы у лаборантов в общем-то немного, делали мы ее быстро, но сидеть на кафедре надо было весь рабочий день, чтобы отвечать на вопросы студентов. Поэтому мы всегда находились в стенах родного факультета и частенько коротали время за разговорами. Женя иногда заходил на наши женские «посиделки». Особенно мы любили походы с ним на обед в столовую «под ректором» (в соседнем с нынешним зданием университета на Моховой), ходили всегда большой компанией, сидели довольно подолгу и... разговаривали. О чем? Да обо всем. Когда-то кто-то из наших советских эстрадных певцов пел очень милую песенку:

Когда мы были молодые
И чуть прекрасную носили,
Фонтаны были голубые
И розы красные цвели.

Конечно, мы, молодые, тоже «несли» эту «прекрасную чуть». Много говорили и о детях: у Жени Прохорова и, чуть позднее, у меня родились дочери, у Лили Портанкиной – сын... Но ведь уже начались 60-е гг.! И мы зачитывались «Новым миром» А. Твардовского и «Известиями» А. Аджубея, бегали на выставку Ильи Глазунова (поход на нее, помнится, был с «обратной» стороны Манежа) и, случалось, даже в рабочее время убегали в кинотеатр «Ударник» на фильмы Недели французского кино. Все менялось, появлялись новые вещи – и об этом мы тоже говорили. Ведь мы работали на факультете журналистики, а журналисты должны быть в курсе всех событий, как мы гордо полагали.

Все, как у всех, в те замечательные годы, «когда мы были молодые»...

Особенно мы сдружились, работая в 1963 г. в приемной комиссии факультета. Тогда, как, впрочем, и сейчас, все молодые сотрудники должны были работать в приемной комиссии. Мы занимались этой трудной и не очень любимой работой в течение нескольких лет. 1963-й год стал особым: я уже не помню точно, как были изменены правила приема (кажется, на заочное отделение принимали в два потока), но в результате работа комиссии растянулась на 7 месяцев! Председателем комиссии назначили Прохорова, а нас — секретарями. В более спокойные недели мы с Евгением Павловичем работали в ней вдвоем, остальные могли выполнять только свои прямые обязанности на кафедрах.

Работа на приеме была адская: масса народу, горы документов, писем, папок, ведомостей. И все это надо было не потерять, не перепутать, не забыть. Тогда ведь не было компьютеров, документы подшивались в картонные папки и хранились в сейфе. Я помню, как перед зачислением мы раскладывали эти папки, ползая на коленях, на полу в круглом зале в старом здании факультета. Папок было около тысячи, и разложить их надо было по балтам: от самого высокого к самым низким. А потом, также ползая на коленях, мы отсчитывали 150 счастливиц, которых зачислили. На часы при этом не смотрели, засиживались после окончания рабочего дня. Часы в 7 вечера начинались звонки по телефону — это звонили мужья. Услышав новый звонок, мы весело кричали, вызывая имя мужа, который звонит, и, если угадывали, — смеялись. В общем, было трудно, но весело.

И Жезя работал наравне с нами, никогда не напоминая, что он начальник. Хотя у него действительно было много и других дел и его ждала семья. Вообще, когда люди, находящиеся в приятельских отношениях, попадают в ситуацию начальник — подчиненный, дружеские отношения, как правило, прекращаются, возникают взаимные претензии и обиды. Но под началом Прохорова мы, пожалуй, еще больше сдружились и лучше стали понимать друг друга.

Он никогда не «руководил», не командовал, умел как-то незаметно организовать общие усилия, иногда советом, иногда шуткой направляя то, что мы делали не так. И ему удалось создать из довольно самоуверенных молодых жен-

ция работающий и силовый коллектив. Ну, конечно же, мы не сидели, постоянно уткнувшись носами в бумаги, мы и болтали, и смеялись, и обменивались шутками, и продолжали ходить вместе обедать — это давало возможность отвлечься и отдохнуть. И снова работать.

В принципе всем было трудно: семья, маленькие дети отнимали много сил, но молодость брала свое. Жене тоже было весело. Помню, он всегда приходил с большим, туго набитым портфелем, и мы вечно изощрялись в островах, что он носит с собой все свои знания, докторскую диссертацию и тому подобное. Однажды мы его этим так довели, что он вдруг резко открыл портфель: «Нате, смотрите!» И мы увидели там ... несколько бутылок кофира (тогда его продавали в таких пухлых тяжелых стеклянных бутылках). Его жена и маленькая дочка жили на даче, с продуктами было тогда трудно, и он возил их семье из Москвы. Мы смущались, явно подумав что-то насчет «дачного мужа», а он рассердился и быстро вышел. Он был человеком очень сдержанным, мало кого, видимо, пускавший в свой внутренний мир, но иногда вдруг вскрывалась какая-то глубоко спрятанная страстность его натуры. Страстность, обычно удерживаемая железной волей.

В памяти всплывает еще один маленький эпизод. Не помню, о чем мы разговаривали, и, как всегда, мальшине горячо что-то ему доказывала, он, во-моему, не соглашался. И тогда я воскликнула: «У тебя в жилах кровь или водичка?!» И вдруг он быстро и резко расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке и отвернул воротничок, на котором была капелька крови, наверное, порезался, когда брался: «Водичка, кровь!» Мени этот жест поразил. Аристократически выдержанный, всегда тщательно одетый, Прохоров в моем представлении просто не способен был на такой поступок. Ничего подобного я от Жени Прохорова не ожидала.

Конечно, сейчас становится ясно, что не так уж хорошо и его тогда знала и понимала. Не осознавала, какой силы темперамент, какая взрывная сила были спрятаны у него глубоко внутри. Возможно, мои воспоминания очень субъективны и «портрет» Евгения Павловича Прохорова в молодости не совсем достоверен, но я таким его помню. Таким мы его видели.

Наверное, ему было трудно с нами, в чисто женском окружении. Высокий, красивый, подтянутый, он всегда нравился женщинам. И мы, молодые, что теперь скрывать, все с ним слегка конкетничали, правда, не всерьез, а вели некую веселую игру. Он поддерживал эту игру, отшучивался и вообще вел себя безукоризненно. Причем в женщинах Евгений Павлович особенно ценил ум. Однажды он сказал об одной из сотрудниц своей группы социологов: «У нее мужской ум». Мы, как всегда, пошутили... но что-то повали. Вообще, мы всегда знали, что в общении с Женей есть грань, за которую переходить нельзя. Там начинался другой мир, там был истинный Прохоров, и в этом мире царили две любви, две страсти: любовь к науке и к семье, к маленькой дочери...

Формирование взглядов Прохорова на журналистику, развитие его научных идей тоже проходило на наших глазах. Профессор А.В. Западов, человек очень умный и остроумный, прекрасно чувствовал веяния времени и предложил своему лаборанту «проходную» тему диссертации. Я не помню точно формулировки, но речь шла об освещении в русской печати XIX в. Индии, с которой Советский Союз тогда очень дружил. Мы даже подшучивали над этой темой. Но сам диссертант сумел серьезно отнестись к такой теме: он начал уже тогда создавать собственную теорию публицистики. Затем стал активно печатать статьи, что вызвало дружный и резкий отпор большей части старшего поколения преподавателей факультета. Это были в основном люди, прошедшие войну, многие из них работали редакторами фронтовых газет, мы их так и называли — «полковники»: их взгляды были четко определены марксистско-ленинской идеологией в рамках краткого курса истории партии.

Чтобы современным молодым читателям было понятнее, расскажу один эпизод. Я поступила в аспирантуру в 1967 г. на кафедру истории партийно-советской печати. На аспирантском семинаре нашей кафедры зашла речь о предназначении журналистики. Один из преподавателей, кстати весьма пожилого старшего нас, убежденно заявлял: печать — это оружие классовой борьбы. Мы довольно робко протестовали: ведь классовой борьбы в нашем государстве уже нет. Он уточнил свое определение:

борьбы с мировым империализмом. И тогда учившаяся с нами аспирантка из Болгарии Варвара Ценова провозгласила неприемлемые для нас слова — средство массовой коммуникации. Бой был кровопролитный. То, что сейчас кажется не требующим доказательств, аксиомой, приходилось буквально «продавливать», и чаще всего без успеха. И только когда в очередном постановлении партии была употреблена аббревиатура СМИ, наши «полковники» дисциплинированно ее приняли.

Один из них навесил статью «Журналистика как наука», и, как ни пытались ему доказать, что журналистика — это профессия, ремесло, род занятий, а есть еще и «наука о журналистике», он стоял на своем. Прохорова старшее поколение стремилось просто уничтожить — неспособные во существу критиковать его идеи, они пытались высмеять Евгения Павловича, надеясь над его «ошибочными» взглядами и над ним самим. И мы все встали на сторону Жени. Защитить его, конечно, мы не могли, но хотя бы высказывали свою поддержку и в свою очередь награждали весьма нелицеприятными характеристиками его «оппонентов».

Не обходилось и без трудностей в наших отношениях с Прохоровым. Жена в своих работах того времени очень много цитировал Маркса, Энгельса, Ленина. Мы упрекали его в этом, подозревая даже в «начетничестве». Он объяснял, и потом мы это поняли, что такие постоянные отсылки-цитаты ему действительно были необходимы. И потому в работах этих мыслителей очень много здравых идей, которые еще только ждут адекватного понимания и интерпретации (метать, позднее подобные суждения все мы слышали из уст главных идеологов перестройки — и здесь Евгений Павлович как будто опережал время). Нужны были ему «правильные» цитаты и как своего рода «тяжелое оружие» и одновременно «прикрытие» для дальнейшего продвижения своих собственных идей и выводов в сложившейся ситуации.

Прохоров стремительно формировался как ученый и преподаватель и скоро обогнал нас. Мы продолжали видеть в нем своего приятеля, Женью, а он уже был другим, и, наверное, с нами ему стало не очень интересно. Я это поняла тоже как-то сразу, в связи с незначительным, в общем-то, инцидентом. Будучи

старше нас всего лет на пять, Женя очень быстро стал крупным ученым, ведущим преподавателем, а мы долго этого не осознавали. Однажды мне нужно было что-то у него спросить, и, увидев его в коридоре среди студентов, я бросилась к нему с криком «Женя!» Студенты, которых было очень много в тот момент, оглядывались на меня с удивлением. Прохоров, как всегда, спокойно и приветливо ответил на мой вопрос, но я вдруг поняла, что передо мной уже «Евгений Павлович», а не «Женя». Надо признаться, что я очень долго училась называть его по имени-отчеству. Молодость кончилась, и теперь это был авторитетный лектор и руководитель группы исследователей современной журналистики, социологов, или, как мы ревниво их называли, «социолухов».

Социологические исследования были совсем новым делом в то время. И Прохоров подбирал себе сотрудников очень тщательно и решительно и резко расставался с теми, кто не умел работать так, как работал он. Много шума наделала принципиальная публичная критика им одного из сотрудников своей группы на очередном общефакультетском собрании. Прохоров заявил, что он просит перестать этого человека на другую работу. Теперь у него была своя команда, команда ученых, единомышленников, коллег, а не просто компания веселых молодых женщин. Он нас перерос, и нам пришлось это с грустью принять.

А вскоре произошел эпизод, набросивший некую тень на мое отношение к Евгению Павловичу. Я защищала кандидатскую диссертацию в мае 1971 г. Моим руководителем был А.Л. Мишурик, человек на факультете очень известный и своими взглядами, и своим непростым характером. Он родился в 1904 г., был участником Гражданской войны, работал в аппарате ЦК партии с Л.З. Мехлисом, который осуществлял репрессии в отношении печати в 1937 г. Естественно, Мишурик был убежденным марксистом и коммунистом «старой закалки». Но он не отвергал и новых течений 60-х гг. Я написала диссертацию о советских «толстых» журналах 20-х гг., и среди моих «героев» были и «троцкисты», расстрелянные в 37-м году. Сначала Мишурик не разрешал мне их цитировать, в частности А.К. Воронского — редактора журнала «Красная новь». Но мне удалось

его переубедить, и в результате в моей работе осталась высокая оценка деятельности репрессированных публицистов.

В один день со мной на аспиранту была поставлена диссертация И.Д. Фоминцевой, работавшей в прохоровской социологической группе. Евгений Павлович, видимо, очень переживал за свою сотрудницу и во многом ученицу. Тема у нее была действительно новая и сложная. Миншурин же имел привычку задавать диссертантам много вопросов, в основном по тексту автореферата. Он был очень плохо знаком с методологией социологических исследований, с социологической терминологией, его придирки к словам могли усложнять положение Ирины Дмитриевны. Евгений Павлович подошел ко мне и полусерьезно-полуплутистом произнес: «Скажи Миншурину, если он будет задавать вопросы Фоминцевой не по существу, последуют дополнительные вопросы и тебе... по существу». Я, прожываясь, немного испугалась и... обиделась. Ученица Ира Фоминцева, конечно, с легкостью отвела бы все вопросы-упреки мало разбиравшегося в теме Миншуринца, а вот вопросы Прохорова — всегда «по делу», но очень сложные — могли быть опасны для любого диссертанта. Правда, все закончилось благополучно: ни Миншурин, ни Прохоров каверзных вопросов не задавали.

Позднее и обиды прошла: я поняла, насколько Евгений Павлович болел за дело, которым они с Фоминцевой занимались, и как пытался оградить свою сотрудницу от той несправедливой критики, упреков и насмешек не по существу, которым подвергался сам...

О научных заслугах Евгения Павловича Прохорова в Книге воспоминаний будут писать многие. Здесь я хочу чуть подробнее сказать еще об одном «творении», если можно так выразиться, Прохорова, о его дочери Ирине. Как я уже отмечала, Евгений Павлович ее очень любил, так же сильно, как свое дело. Хотя отцовскую любовь он старался не демонстрировать публично, часто даже говорил о дочери (я не только при ней) по-прохоровски сдержанно. Особенно когда Ира появилась на нашем факультете — студенткой, потом сотрудницей. Но между ними чувствовалась глубинная внутренняя связь. Отец всегда старался передать дочери то, что знал и умел сам, сделать ее такой, каким хотел быть сам, — и многое ему удалось.

Я знаю Иру Прохорову давно: впервые мы познакомилась, когда она — еще первокурсница — была включена в команду факультета журналистики на очередной олимпиаде по литературе. Я несколько лет работала в оргкомитете и в жюри этой олимпиады, которая проводилась и в Педагогическом институте, и в Университете дружбы народов, и на филологическом факультете МГУ. Тогда Ира приятно удивила меня своим интересом к знаниям и зрелым умом, умением работать в команде и способностью такую командную работу организовать. Когда я поделилась своими наблюдениями с Евгением Павловичем, можно было видеть, как отец был счастлив и горд за успехи дочери, хотя по своей привычке и старался перевести разговор в шуточный тон. Позднее он так же радостно отреагировал на мой рассказ о том, как хорошо прошла Ирина дипломная защита на нашей кафедре истории русской литературы и журналистики. Я тогда была ее оппонентом: Ира занималась близкой мне темой по истории литературной критики рубежа XIX—XX вв.

Помню и нашу встречу с Евгением Павловичем на праздновании Ириной защиты кандидатской диссертации в 1996 г., когда ее оппонентом выступал уже профессор Ю.В. Манн, один из крупнейших современных филологов. Прохоровы тогда решили, что Евгению Павловичу неудобно участвовать в процедуре защиты, тем более на привычном для него месте в президиуме Диссертационного совета. Вернувшись после голосования в аудиторию, где все поздравляли его дочь, он, конечно, улыбался, но не преминул и поворчать, что Ирина («перфекционистка чертова!») могла бы «остепениться» гораздо раньше. И все же было заметно, как трудно ему было скрывать отцовскую радость и любовь.

Когда Ира наконец, собравшись замуж, стала жить отдельно от родителей, я спросила у Евгения Павловича: «Ну, как жизнь без дочери?» Он ответил с какой-то растерянной улыбкой: «Как-то странно — ходить в гости к собственной дочери». Было ясно, что он трудно привыкал к жизни с дочерью порознь. Когда умерла его жена Наташа, с которой они прожили почти полвека, Ира приложила много усилий, чтобы отец жил рядом с ней.

Ира очень заботилась о нем, об удобствах быта, о здоровье отца. Наши кафедры долго находились рядом, дверь в дверь,

а к дверям вел узкий коридор, где мы часто встречались, обменивались новостями. Однажды мы стояли там, и я рассказывала что-то Евгению Павловичу, по-моему, о моей любимой собаке. Он курил. И вдруг как-то быстро спрятал сигарету за спину. Я оглянулась — в коридор входила Ира. Когда она, поприветствовав нас, скрылась на нашей кафедре, он сказал: «Никогда не думал, что буду бояться собственной дочери». Но выражение лица у него было удивленно-радостное, было видно, что ему приятна такая опека дочери, но также приятно выказать самостоятельность и выкурить тайком от нее сигаретку.

В том же коридоре произошла еще одна мимолетная встреча. Я сказала тогда Евгению Павловичу: «Думали ли мы в молодости, что нам будет по 70 лет?». Он ответил: «Я считал, что больше 70 не проживу». Он прожил до 80, успел отпраздновать юбилей. Как уже упоминалось, я не знала, что он серьезно болен. Ни отец, ни дочь никогда не говорили о его лимфолейкозе. Конечно, поскольку Ира иногда упоминала, что возила отца в поликлинику, на исследования и лечебные процедуры, что они провели там «овечь» много времени, — но кто в нашем возрасте абсолютно здоров? А встречаться с Евгением Павловичем после того, как «социологи» переехали в другую, более просторную комнату на другом этаже, мы стали очень редко.

Поэтому я была поражена, увидев его 1 сентября 2011 г. на собрании преподавателей в 232-й аудитории. Бледный и очень худой, он шел, тяжело опираясь на палку. Я тут же бросилась к Ире. Она сказала, что все, как обычно, отец работает. Летом они отсылали очередную рукопись в издательство, но теперь он затеял писать новую книгу и ради нее ходит в библиотеку — устает, но не сдастся. Я успокоилась: если Прохоров пишет книги, значит, в общем все в порядке, а плохие дни у всех бывают — это ведь давно «мы были молодые».

Евгений Павлович, Женя Прохоров, не успел закончить задуманную книгу. Но сколько — успел! И я повторю вслед за своим любимым А.С. Суворовым: «Души великих людей бессмертны, они живут в их творчестве, в их книгах, в их пронаведенных».

В.В. Перевалов,

доцент кафедры периодической печати МГУ имени Николая Федорова

ВСЕМ, ЧТО У МЕНЯ ЕСТЬ, Я ОБЯЗАН...

Всем, что у меня есть, я обязан Московскому университету и Евгению Павловичу Прохорову. Мне фантастически повезло: в самые важные годы моей жизни я оказался рядом с Е.П. Прохоровым — ученым мирового уровня, настоящим гением. С 1986 г. он, кажется, крепко держит меня за руку и ведет по жизни. Всякий раз, когда я внимательно его слушал и принимал решение, проанализировав им сказанное, или пытался предугадать, как бы он поступил в данной ситуации, дело заканчивалось положительным результатом; когда же я пытался «своевольничать» — результат бывал... разным.

Уже на I курсе журфака лекции Евгения Павловича были очень полезными для выстраивания правильной траектории жизни. Моиги были отструктурированы на долгие годы вперед. И возможные причины и следствия большого количества конфликтов в профессиональной деятельности журналиста были выявлены с предельной ясностью.

В те времена Е.П. Прохоров был для меня почти Богом! Личность Евгения Павловича раскрывалась для меня постепенно. Сначала — отечески мудрый Учитель, затем, во времена аспирантуры, — принципиальный Ученый и руководитель, отмечавший головой за каждое свое слово, суждение и предельно жестко проучивший своих учеников к такому же поведению в научной среде. Его теоретические построения настолько плотны и выверены, что «втиснуться» в них с какими-то своими идеями крайне сложно. Те, у кого это получилось, могут с гордостью говорить: «Мне удалось убедить в правоте своих идей самого Прохорова!»

И потому можно понять мои чувства, когда в 2000 г. Прохоров подарил мне новую редакцию своего учебника «Введение в теорию журналистики». В нем прежнее определение «культурно-образовательные» функции журналистики было заменено на «культуроформирующие». Приятно было осознавать, что в этом уточнении есть отклик и наших с ним дискуссий

на данную тему, в ходе которых Евгений Павлович и предложил этот термин. Прохоров подсказал мне и идею проанализировать некие общие алгоритмы построения информационно-культурной сферы культуры. Так, под его постоянным руководством, в многочасовых нелегких (для обоих) и очень содержательных (хочется верить, тоже для обоих) разговорах об интересовавших нас предметах я пришел к защите своей диссертации «Культуроформирующие функции журналистики».

Правда, когда первая радость после успешной защиты прошла, настало время подумать: дело касалось всего одного небольшого нюанса, а в теории журналистики, разработанной Евгением Павловичем, их сотни, если не тысячи. Нормальному человеку охватить такой объем уникального знания крайне трудно, почти невозможно. Уважение к Евгению Павловичу от осознания этого только выросло, наполнившись новым смыслом.

Мое алаверды состоялось почти десять лет спустя. Все ключевые положения моей монографии «Журналистика. Культура. Система» — результат наших бесед, иногда жаростых споров, главное — нашего общего прозрения в неведомые глубины знания, неторопливых и глубоких совместных размышлений. Как ждал эту книгу Евгений Павлович! Обидно и горько сознавать, что мне же хватило всего одного месяца, чтобы подарить Учителю посвященную ему монографию.

И все же самым важным для себя результатом общения с профессором Прохоровым я считаю то, что Евгений Павлович привел меня в круг не просто своих учеников, но одновременно и близких ему людей. Тех немногих, кому он раскрывался как личность очень многогранная, со своим сильным и достаточно сложным характером, богатым внутренним миром, с достоинствами и, конечно, как у всякого человека, слабостями, со своими глубокими переживаниями, радостями и печальми.

Я знаю (в том числе из иногда прорывавшихся в разговорах Евгения Павловича реплик, кратких и не очень кратких его замечаний «в сторону»), как тяжело переживал он обвинения, во многом необоснованные, которые обрушились на него в постперестроечные годы. Ему припомнили, что во время оно он выстраивал свою методологию журналистской деятельности

на базе марксистско-ленинских идей, которые «передовики» начала 90-х гг. называли не иначе как «догмы». Он, конечно, понимал, что это беда всех серьезных исследователей в области социальных наук, и прежде всего в «переходные» периоды: настоящая наука трудно соотносится с модным мейнстримом. Как-то при мне Евгений Павлович с горькой иронией заметил, что в начале его лаяной теорией журналистики, а брежневские годы, его «били» как раз за противоположное — желание волевое и потому «ошибочное» отношение к марксистско-ленинскому. И буквально до последних дней своей жизни он с волнением вспоминал тогдашние «гонимия», в частности, с каким нервным и интеллектуальным напряжением приходилось ему обобщаться от вонючек заставить его заменить «устаревшие» суждения и оценки на «новые». Как оказалось, очень многое из объявленного «устаревшим» выдержало испытание временем и сегодня более чем актуально: и установка на служение журналистики истинно понятиям социальным потребностям, и представления о свободе СМИ и ключевых принципах демократизма и гуманизма. И как много из шумно разрекламированного «нового» оказалось пустым «длетенным словом», а то и просто шарлатанством, очковитирательством.

В конечном счете значимо добытое знание, его научность. Отношение же коллег к результатам твоего исследования, бесспорно, надо учитывать, но никогда не «прогибаться» под него. Даже если негатив начинает преобладать и кажется, что нервы на пределе, а терпение на исходе, надо продолжать исследования и надеяться, что тебя все же поймут. Такой один из важнейших для меня уроков жизни и деятельности Евгения Павловича. «Все прочитают, всё обдумают и всё будет использовано... когда-нибудь» — эти его слова в последнее время часто звучали в наших беседах у него дома. Ароматный крепчайший чай, которым он любил угощать собеседников и сам за разговором неторопливо попить из любимого хрустального стакана в изящном подставочнике, как будто придавал ему сил верить в правоту такого прогноза.

Многое из сказанного и написанного Евгением Павловичем в разные годы ныне находит подтверждение. Самый наглядный пример тому — Общественное телевидение. Первые поисками-

вания Евгения Павловича в научных трудах о том, что нынешнее ТВ серьезно больно, что оно превратилось в мощнейший меланхимический интеллектуальный дегенератор нации, пронюхали в 1994–1995 гг. Тогда к его предупреждениям относились, мягко говоря, «нисходячительно». Он же настойчиво и терпеливо доказывал, что общество не должно ждать и надеяться на то, что придет добрый, умный, и притом богатый, барин и разом решит все проблемы. Свои проблемы общество должно решать само, и именно Общественное телевидение, живущее для всего общества, для России в целом, призвано стать мощным оружием в этом деле. И вот с осени 2012 г. Общественное телевидение – реальность. И пусть у него бедна проблем и до конца не ясно, когда именно оно заработает в полную силу, все же сам факт его создания – убедительнейший довод в пользу теоретических суждений Евгения Павловича.

Как-то мне довелось стать свидетелем и того, как Евгений Павлович критически отзывался о некоторых положениях Закона «О средствах массовой информации». Помнится, сетовал Евгений Павлович на невыверенность отдельных формулировок Закона в отношении и цензуры, и равенства граждан в праве на информированность. Притом в документе не было ни слова и о социальной ответственности журналистов, об их долге перед обществом. Заметим, что в такой цивилизованной стране, как США, в отношении журналистов действует без малого полсотни кодексов моральной ответственности, за нарушение которых следует немедленное пожизненное изгнание из профессии, а в России – ни одного такого кодекса. В итоге мы имеем то, что имеем. Но и здесь ситуация, как известно, не стоит на месте. Хочется вслед за профессором верить: «Всё прочитают, всё обдумают и всё будет использовано... когда-нибудь».

Книги и лекции Евгения Павловича еще долго будут эталоном для образования профессионального журналистского сообщества в России. Когда общество дозреет наконец до замены нынешнего Закона «О СМИ» более совершенным правовым актом, учитывающим реалии и перспективы развития современного российского общества, идеи профессора Прохорова несомненно будут в нем востребованы.

Не могу не сказать еще об одной стороне личности Евгения Павловича. Он был прекрасным семьянином – мужем и отцом. Так получилось, что и равно остался без родителей. Евгений Павлович и его жена Наталья Георгиевна дали мне возможность испытать чувства взрослого сына. И пусть не ревнует меня Ирина Евгеньевна, но атмосфера любви и уважения в этой семье тянула меня к ним едва ли не больше, чем наши научные дела.

Можно вспомнить немногословные, но емкие и яркие рассказы Евгения Павловича о прошлом, о событиях, свидетелем, а отчасти и участником которых пришлось ему стать на протяжении своей довольно долгой жизни... О встрече с Чкаловым в гостях у родственников в довоенной Москве. Об Отечественной войне, которая лишила его отца (он погиб под Сталинградом), о нежелании отскакивать в бомбоубежище и «героически» дежурства мальчишек (среди них был и он) на крышах московских домов во время бомбежек. О первых станциях столичного метро, убранство которых он, коренной москвич и «эстет-самоучка, так любил рассматривать в детстве. И конечно, о резной палке, искусно сделанной им во время работы поднаском в канцелярии, когда после отступления фашистов из-под Москвы мать отослала мальчика на лето в деревню к бабушке...

Я рад и горд, что в меру сил помогал обустривать быт Евгения Павловича, особенно после ухода из жизни Натальи Георгиевны в 2005 г., что участвовал и во многих его домашних делах, и в поездках на дачу, и в семейных праздниках. В гостеприимный дом Прохоровых была и моя жена Елена, тоже выпускница факультета журналистики МГУ, историк печати, коллега Ирины Евгеньевны. Многие нас всех сближало, давало нам чувство единой семьи...

Очень хотелось бы, чтобы теперь, после ухода Евгения Павловича из жизни, память о нем для всех нас, искренне любивших его, стала важной связующей нитью... Чтобы звание ученика и соратника профессора Прохорова звучало как девиз для посвященных, для людей, знающих цену мудрости, доброте и непререкаемости в отстаивании истины.

Л.Н. Портянкина,

работала ст. преподавателем на факультете журналистики МГУ

МИФ О ЧЕЛОВЕКЕ-«СУХАРЕ»

С первых дней работы на факультете журналистики МГУ я от многих слышала мнение: «Прохоров — пересушенный сухарь! Кроме науки, ничего не видит и не слышит!!!» И я принимала на веру эту оценку до тех пор, пока мне не довелось поближе познакомиться с этим человеком.

Сначала мы охладели с ним в составе одной приемной комиссии. Там впервые Евгений Павлович и открылся мне с другой, человечески приятной стороны. А много позже я оказалась в его команде по изучению регионального телевидения. Социология как наука, думаю, тогда была поветна и близка только коллективу лаборатории Е.П. Прохорова. Но ему приходилось привлекать к работе коллег из других подразделений: «рук» во время исследований не хватало. И волей-неволей я оказалась очевидцем обсуждения социологами разных научных проблем. Надо сказать, в пылу споров молодые Ирина Фомичева, Алла Ширяева и Алла Верховская доходили до хрипоты, но и руководитель, который был ненамного старше их, не отставал от них.

Итак, я оказалась в прохоровской «команде» (ее так тогда и называли на факультете). Для многих участников будущей социологической экспедиции, и для меня в том числе, предстоящая работа казалась чем-то невероятно сложным, почти непостижимым. Сколько же времени, а главное терпения тратил на нас наш руководитель! Первый заход: «Ляливанна, голу-у-убушка, завтра принесите свои наброски и план работы».

Назавтра приношу свои записи. Евгений Павлович начинает терпеливо, вснапидательно принимать знание азов социологии по ходу дела. «Голубушка! А какую цель исследования вы ставите? Ляливанна, ну разве ваш вопросник вызовет откровенные ответы? Не так надо! Не так. Думайте, голубушка, думайте. А вот эти книги помогут Вам...» И протягивает книги и учебники по социологии из своей библиотеки: «Только верните, голубушка».

Шаг за шагом, день за днем обучал он меня, далекую от его любимой социологии журналистику, уму-разуму. И наша социологическая экспедиция прошла успешно. По ее материалам был выпущен полезный, на мой взгляд, сборник. В нем есть и мои наблюдения, мои выводы относительно развития и улучшения работы тележурналистов. Они дополняли итоги исследования Геры Кузнецова, с которым мы работали вместе. И кое-что из наших предложений действительно было реализовано на телевидении. Например, вместо официального диктора стали выступать «сорошо говорящие» тележурналисты, появилась «бегущая строка» как дополнительная информация и другие нововведения.

Время, когда мне под руководством и пристальным контролем Евгения Павловича пришлось готовить социологическую анкету, было мучительным, но, теперь это повествование, невероятно полезным для меня. Да, Е. Прохоров был жестким руководителем, но сколько же в нем было настоящего стремления помочь человеку, довести объем его знаний до необходимого в работе!

Тогда шифр о Прохорове как человеке-«сухаре» окончательно рухнул и никогда больше не возникал в моем представлении.

И еще один маленький эпизод, врезавшийся в мою память. Картинка, которая тоже помогает увидеть Евгения Павловича как человека, который готов каждому помочь в любой ситуации... Прозвучал звонок на перерыв. Студенты потоком выходили из аудиторий и переходили с этажа на этаж по средней лестнице. Среди них, конечно, мелькали и фигуры преподавателей. Вдруг одна девушка как-то странно покачнулась на ступеньке и стала заваливаться на спину. Все отскочило от нее: девушка была габаритной. И только Прохоров бросился вперед, к ней, и уже падающую студентку подхватил со спины, удержав от падения. Все ахнули. А сухощавый, но всегда спортивный Евгений Павлович продолжал творить чудеса. Ведь оказалось, что девушка, неудачно шагнув, очень сильно подвернула ногу и идти самостоятельно не могла. Прохорову пришлось, поддерживая ее, оstarожко спуститься с ней по лестнице в медпункт. И когда он справился с этой действительно нелегкой задачей, все присутствовавшие студенты восторженно приветствовали его...

Г.В. Прутков,

*доцент кафедры истории зарубежной литературы и журналистики
факультета журналистики МГУ*

УРОКИ ПРОФЕССОРА Е.П. ПРОХОРОВА

Для всех знавших профессора Евгения Павловича Прохорова очевидно, что он был образцом ученого, рыцарски служившего науке, образованию. И настоящим интеллигентом. Мне хочется вспомнить несколько эпизодов, может быть, не столь общественно значимых, но очень важных для меня.

Курс, который преподавал нам, первокурсникам, Прохоров осенью 1987 г., назывался «Введение в теорию советской журналистики». Лекции проходили в обычном режиме: мы старательно записывали за профессором, перерисовывали с доски схемы, посылали ему записки, когда было что-то непонятно. Отвлекался Евгений Павлович лишь тогда, когда и аудиторью вбегали опоздавшие студенты. Он разрешал им войти, но совершенно не выносил, когда к нему на лекции приходили в верхней одежде. Наверное, каждый, кто учился у Прохорова, вспомнит, как порой он подзывал опоздавшего студента на кафедру, сажал его на стул и начинал прилюдно снимать с него головной убор, шарф, пальто. А потом неизменно говорил:

— Фу, противно, уходите отсюда и больше в таком виде не приходите!

И пока несдавленный студент шел к своему месту за партой, Евгений Павлович напевал уже всему курсу:

— Помните, что не только приходите на лекцию, но и подниматься по мраморной лестнице в пальто — верх бескультуры!

Привычный ритм лекций был нарушен лишь однажды. В середине ноября 1987 г., сразу после пленума ЦК КПСС, на котором сняли Б.Н. Ельцина с поста первого секретаря Московского горкома партии, Евгений Павлович, как всегда точно со звоном, вошел в аудиторию, но не успел начать читать лекцию, как на него тут же буквально обрушился шквал записок. Недовольные решением пленума будущие журналисты засыпали профессора вопросами вовсе не теоретического свойства. Про-

хоров отреагировал на эту ситуацию как журналист оперативно и как ученый мудро: «плановую» лекцию он отложил и всю пару отвечал на записки. В целом защита решения пленума, профессор отвечал аргументированно, возмущенно и... даже смело — один против двух с полчищевой сотей бескомпромиссных студентов журфака.

Жизнь доказала правоту Евгения Павловича, и нередко выпускники нашего курса, встречаясь на юбилеях факультета, вспоминают ту лекцию и удивляются, как точен был тогда профессор.

Экзамен по теории журналистики считался самым сложным: два вопроса по учебнику и лекциям, один — по хрестоматии. У всех студентов курса Прозоров принимал экзамен сам, вместе с преподавателем, который вел семинары. Студенты, разумеется, сдавали по-разному. Многие тряслись от страха и вспоминали, как на одной из лекций Евгений Павлович пригрозил болтавшим однокурсникам, что если они не перестанут мешать окружающим, то на экзамене их идут «проخورоны», и даже написал это слово на доске. Теперь беззаботным болтунам это не казалось шуткой.

Я пошел отвечать одним из последних. Евгений Павлович попросил начать с третьего вопроса: необходимо было объяснить известную фразу В.И. Ленина на статью «С чего начать?»: «Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор». Точнее, объяснить, что значит «коллективный организатор». Я привалялся, было, декламировать выученный наизусть отрывок ленинской статьи, но Прозоров сразу же перебил меня:

— Не надо. Заучить можно все что угодно. Давайте лучше посмотрим, как вы это понимаете...

Неправы были те, кто говорил, что для сдачи «проخورоведения» главное — память. Я стал отвечать — и сам не заметил, как провел типичный для первокурсника мандраж. Экзамен превратился в интересную беседу. Этот урок профессора Прозорова мне запомнился на всю жизнь: нужно требовать от студента на экзамене не вытубренных дат, имен или цитат, а понимания предмета в целом, умения мыслить и применить свои знания.

После сдачи экзамена желание продолжить общение с Евгением Павловичем оставалось. Во втором семестре (возможно, не без влияния лекций Прохорова) мы с двумя однокурсниками увлеклись социологией: стали проводить импровизированные социологические опросы на улицах и в метро. И, набравшись смелости, однажды подошли к профессору, чтобы рассказать о своих изысканиях, встретив его во дворежке факультета, когда после занятий он шел к метро «Проспект Маркса».

К нашей радости, Евгений Павлович заинтересовался нами, указал нам на ошибки и пообещал принести несколько книг (тогда они нигде не продавались) о том, как правильно проводить социологические исследования. Мы еще несколько раз приходили к нему на кафедру, обсуждали прочитанное и делились результатами новых импровизированных соцопросов.

Спустя десять лет, в мае 1998 г., профессор Прохоров, поздравляя меня с защитой кандидатской диссертации, сказал:

— Не останавливайтесь на этом, не делайте перерывов. Научной работой надо заниматься постоянно.

Я очень удивился: после долгих месяцев работы над диссертацией было искушение некоторое время вообще не подходить к экрану компьютера. Но у Евгения Павловича, как оказалось, был уже и свой план. Он конкретизировал мое желание продолжать работу: надо было написать статью о качественной прессе для одного научно-популярного журнала. Это было большой честью для меня. Тем более, как выяснилось, главный редактор этого журнала просил написать статью самого профессора Прохорова, а он, вынужденный отказать из-за большой занятости, предложил написать ее мне.

Когда статья была готова, я отдал ее на суд Евгению Павловичу. Он прочитал ее в тот же день и наизустр почти час просидел со мною на кафедре, скрупулезно отмечая все достоинства и недостатки моего текста. Так же внимательно и требовательно он отнесся и ко второй редакции статьи. И только третий вариант показался Прохорову готовым — статья отправилась в журнал. Так я получил еще один урок от мудрого учителя, который запомнил на всю жизнь.

И еще одно воспоминание. Это было в конце сентября 2011 г. Одной изгородней заочнице-первокурснице не досталось и

библиотеке последнего издания учебника Прохорова «Введение в теорию журналистики». При встрече и спросил у Евгения Павловича, нет ли у него на кафедре «лишнего» экземпляра на несколько месяцев, хотя бы старого издания, — чтобы студентка могла уехать к себе на родину и там готовиться к зачету. Ведь купить его девушке было бы непросто: в московских книжных магазинах цены немаленькие, а в провинции с учебной литературой всегда трудности. Профессор тут же достал из портфеля только что вышедшую в издательстве «Аспект Пресс» свою книгу:

— Передайте ее этой студентке. Может не возвращать мне, пусть оставит у себя. Надеюсь, пригодится...

Эта студентка не могла поверить, что сам Прохоров подарил ей, незнакомой первокурснице, свою книгу. Она захотела взять автограф у автора, но не нашла его на факультете и уехала в свой город. А когда через несколько месяцев вернулась в Москву, Евгения Павловича уже не было в живых. Девушка бережно хранит подаренную профессором книгу — рыцарский подарок.

А.М. Райкин,

сценарист, режиссер, продюсер, генеральный директор государственного телерадиоцентра «Культура»

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ СОВРЕМЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ПРОФЕССОР?

Борода клинышком, седина, пенсне, рассеянный взгляд. А еще — пальто с барашковым воротником и непременно — потертый кожаный портфель с большими застежками. Ни дать ни взять — что-то среднее между экранным образом Чехова и экранным же профессором Полежаевым на фильме «Депутат Балтики». Такой вот гибридный фантом рождался отчего-то у меня в голове, когда я слышал или читал где-либо слова «университетский профессор». На дворе меж тем был 1975-й год, но почему-то казалось, что время не властно над таким корневым явлением, как профессура. Вернее, хотелось верить, что настоящий интеллигент в самой высокой «профессорской»

стадии своего развития обязательно должен сохранить черты старорежимной, прежней жизни, в которой, как нам тогда казалось, все было прочнее, основательнее и правильнее — без конъюнктурно-сиюминутных «изгибов вместе с генеральной линией...». Как-то не думалось нам тогда во малолетстве, каково это было — в самый «разгар застоя» (во времена хоть и не лодоведские, а умеренно вегетарианские, с остаточным тираническим запахом) сбросить верность вековым классическим образцам — и внутренне, и внешне.

Евгений Павлович Прохоров был первым (настоящим!) профессором МГУ, с которым нам, первокурсникам, предстояло встретиться. Именно с его курса «Введение в журналистику» начиналось наше погружение в учебу и университетскую жизнь. Мы ждали этого старта с заатаенным восторгом и душевным смятенем. Но наша встреча многих, в том числе и меня, озадачила. Евгений Павлович отчаянно не вписывался в созданный воображением стереотип. Во-первых, он был молод. Не юноша, конечно, но уж никак не старик, убеленный профессорскими сединами. Вместо пепельки — очки в модной оправе, вместо строгого «скрученного» одеяния — модный костюм с модным галстуком, вместо портфеля — плоский кейс. Супермодный! Весь облик профессора излучал современность и элитантность. Строгость во внешности и манерах была. Но это была опять-таки элитантная строгость.

Не был Прохоров похож на милых романтичных интеллектуалов Серебряного века, которых штамповало наше зашоренное поддеонание. Не был! Вот беда! Не скажу, что мы восприняли это как крушение мечты. Но некоторая растерянность ощущалась. Она возрастала по мере наших попыток углыться за мыслью профессора. Это оказалось непросто. Слишком из теоретических построений классиков философии, выводов социологических исследований, формул, имевших отношение к трудам по психологии, логике и истории печати, создавали такую картину мира, в которой журналистика играла роль материала, связующего всё и вся. Это была настоящая теория. Красивая, прочная, убедительная и элитантная, как сам Евгений Павлович. Она давала нам совершенно новый взгляд на профессию, которой мы мечтали заниматься. И убеждала: если

хочешь быть не ремесленником, обреченным на рутинную подешшую, а серьезным профи, то надо срочно браться за ум и штудировать все науки, ставшие краеугольным камнем курса «Введение в журналистику».

Одно было худо: Евгений Павлович сыпал на наши головы столько научных терминов и такой объем информации (небольшой, релевантной, но, в силу нашей неопытности, плохо декодируемой), что по мере приближения экзамена неуверенность аудитории в благоприятном исходе этой процедуры сменилась стойкой уверенностью в грядущем провале. И чутье нас не подвело.

Но как воспринял профессор Прохоров наш коллективный позор! Никакого алорадства, издевки, даже иронии! Только легкая тень грусти омрачала его лицо, когда он в очередной раз говорил кому-то из нас: «Ну что же, видимо, вам предстоит увидеться еще раз. Приходите ко мне на кафедру, там и поговорим».

На кафедре во время передачи Евгений Павлович являл собой образец гостеприимства, учтивости и добродушной спускоидтельности. Кому-то из переволновавшихся предложил таблетки от головной боли, кому-то чашку чая. И вообще вся обстановка напоминала не «допрос пленного», чего можно было бы ожидать, а свободную дискуссию равноправных сторон. Но только с явным интеллектуальным перевесом одной из них. И вот тут стало вдруг очевидно, что профессор Прохоров при всем своем современном лоске и модной эlegantности — не кто иной, как самый прямой наследник традиций старой университетской профессуры, оставившей в истории предания о своей демократичности и любви к студентам.

Именно об этой преемственности говорит и другой случай. Как-то раз в разгар зимней сессии, на старом Новом году, я оказался в доме Прохоровых. Дочь Евгения Павловича Ирина, в ту пору беззаботно-прекрасная первокурсница журфака (в ней еще трудно было угадать будущего серьезного ученого и строгого преподавателя истории русской литературы и журналистики) позвала в гости своих факультетских друзей — отметить 18-летие. Некоторым из гостей предстояло через несколько дней сдать экзамен Евгению Павловичу. Но, признаться, это

событие не очень-то волновало ребят: все пришли веселиться по поводу дня рождения нашей общей подруги Иры. Ситуация складывалась приятная: Евгений Павлович смел неудобным шировать вместе со студентами, дабы сохранить на экзамене объективность отношения к ним, и предпочел оставаться в своем кабинете. А ребята, зная, что «строгий профессор» здесь, рядом, за перегородкой, решили своеобразно его поприветствовать. Они складировали отдельные «умные» слова из его лекций (особенно их вдохновляло понятие «релевантность»!), сопровождая эти выкрики ритмичными стуками в стену. К их радости, Евгений Павлович ответил таким же стуком со своей стороны.

Я знаю многих уважаемых людей, у которых в подобных обстоятельствах не хватило бы чувства юмора и такта по отношению к расшалившемуся молодому поколению. А Евгений Павлович сумел проявить тогда не только выскантный аристократизм, но еще и юмористический взгляд на жизнь.

С годами Евгений Павлович приобретал все более академическую внешность. Появилась седина. На смену резковатым, порывистым движениям пришла плавность и даже то, что можно было бы назвать величавостью. Ветер перестройки не заставил его изменить своим убеждениям. А вскоре стало очевидно, что основные постулаты теории Прохорова выдержали проверку на прочность. Очень многих представителей молодого журналистского племени, расросшегося непомерно, но также непомерно и измельчавшего, мне теперь приходится регулярно отсылать к работам Евгения Павловича — набираться ума-разума.

А тех, кого профессор Прохоров учил лично, он старался «отслеживать» во взрослой жизни, всегда интересовался, что нового происходит в их профессиональной судьбе, спрашивал, как дела у конкурентов. Даже когда я, выпускник другой кафедры, повадал в поле его зрения, — а такое иногда случалось (мы продолжаем дружить с Ириной, да и общих знакомых у нас немало), — он подробно и обстоятельно расспрашивал меня о работе. И просто о моей жизни. Тут ощущалась не только покровительственная длань крупнейшего ученого, но и любопытство исследователя.

Информацию обо всем, что происходит в стране и в мире, он, невзирая на возраст, продолжал поглощать тоннами. Особую страсть питал к энциклопедическим изданиям. Помню, как он искренне обрадовался, когда на его 75-летие я подарил ему очередной том Большой российской энциклопедии. «Пир разума», очевидно, вдохновлял его гораздо больше того, что могла дать очередная, даже эскизничная бутылка коньяка или виски (как и знал, с годами у него, хорошо разбавившегося в этих ванитках, но виншего всегда очень мало, собралась их целая коллекция).

В последние годы жизни Евгения Павловича я вдруг заметал, что мои киношные представления о том, как должен выглядеть университетский профессор, слегка изменились. Классический ученый муж главного вуза страны (кажется мне теперь) должен быть похож на Е.П. Прохорова. Не внешне, конечно! Бог с ней, с внешностью и костюмами. А вот по сути — точно должен. Как поведал моему поколению, что в нашей жизни был Евгений Павлович и другие профессора, такие, как он.

С.С. Распопова,

*профессор кафедры периодической печати МГУП
имени Николая Федорова*

БОЛЬШИНЕ УЧЕНЫЕ УХОДЯТ, ЧТОБЫ ВЕРНУТЬСЯ

Пройдет время, и о Евгении Павловиче Прохорове будут говорить, как говорят сейчас о классиках философии, психологии, литературоведения. Он стоял у истоков фундаментального знания по журналистике.

Как известно, в адрес его знаменитого учебника «Введение в теорию журналистики» всегда было много как благодарностей, так и замечаний. Автора порой упрекали в том, что журналистику, которая не вмещается в какие-либо рамки, он пытался осмыслить в аспекте научных понятий, таких, как «творчество», «позиция», «свобода», «общественные взаимоотношения». Но главный упрек — сложность изложения материала, на что он всегда отвечал: «Я пытался по возможности облегчить содержание учебника, но только в меру сложности предмета».

Его имя хорошо известно всем, кто в разное время учился на факультетах журналистики. А разработанный им лекционный курс даже называют «прохороведением». Но мало кто знает, как Евгений Павлович пришел к его созданию, вообще к занятиям теорией журналистики. Это был непростой путь. В юности он мечтал не столько о журналистике, сколько о том, чтобы учиться в университете. И всегда и во всем потом был человеком университетским. Это ощущал каждый, кому повезло наблюдать, как он говорил, писал и особенно — слушал. Слегка закинув голову, будто отделившись ото всех, Евгений Павлович старался «высечь» мысль из всего, что попадало в поле его внимания.

Исследование журналистики он начал с изучения публицистики. Защищал по этой тематике сначала кандидатскую, потом докторскую диссертации. Написал книги «Публицистика в жизни общества», «Предмет и метод публицистического творчества». Собственно, эти книги и были началом серьезного исследования журналистики. Читал литературу по философии, психологии, социологии, а, как он сам признавался, постепенно в его сознании выстраивался ряд принципиальных для понимания сути журналистской деятельности вопросов — о социальной позиции, о необходимости и ответственности, о свободе. Потом они сложились в некую систему, структуру. Труднее всего было с понятием «свобода». Шли 60–70-е гг. Евгений Павлович перечитал всю доступную на тот момент литературу по этой теме, включая Гегеля, Маркса и Ленина, попытался «сложить» все вместе и на этой основе сформулировать свою позицию.

Интересно, что многое им самим тогда понималось и разрабатывалось... во ходу чтения лекций. Студенты задавали вопросы, на которые нужно было отвечать. И ему порой приходилось честно говорить им: «На этот вопрос я вам отвечу в следующий раз». И он шел в Библиотеку имени В.И. Ленина и «копался» в литературе, в справочниках, потом и дома долгие часы проводил за письменным столом — все для того, чтобы точно и содержательно ответить на их вопросы. Он радостно рассказывал мне о том времени, наверное, потому что именно тогда все постепенно складывалось, собиралось по мелочам, по частям, по кусочкам.

Но был вопрос, который «не отпускал» его на протяжении всей жизни — тот трудный вопрос о свободе. Профессор много и мучительно размышлял о нем. У него было стремление углубить представление о свободе, проникнуть и в историю вопроса, и в его детали — уже с позиций новых реалий. В одном из наших последних разговоров он сказал о том, что о свободе важно и сегодня говорить как о «снятии необходимости». Евгений Павлович размышлял о свободе как о чем-то сокровенном, чрезвычайно важном и в каком-то смысле личном. Было ощущение, что, и оставаясь наедине с собой, он продолжает этот поиск.

Какие бы социально-экономические и технологические изменения ни происходили в стране и мире, профессор Прохоров настаивал на необходимости рассматривать журналистику как профессию повышенной социальной ответственности. И конечно, как целостный предмет социальной жизни, у которой должна быть своя теория. В отстаивании права журналистики и журналистов на фундаментальное и строго структурированное теоретическое знание об этой сфере деятельности он порой был непреклонен. На этой почве у него со многими коллегами были и разногласия, и недомолвки. Хотя Евгений Павлович никогда не умалял значения их работ для науки, в том, что шло о журналистике в последнее время, ему доставало новых в концептуальном отношении идей. И объяснялось это, по его мнению, вовсе не ограниченностью и неспособностью коллег принципиально углубить и расширить существующие в науке взгляды.

Евгения Павловича очень волновала проблема традиции и приращении знания. «Сейчас время разбрасывать камни, а не собирать», — часто повторял он. Эта проблема рассматривалась им как знак времени и общих социально-психологических закономерностей, которые не способствуют развитию целостного научного представления о любом явлении, в том числе и о журналистике. Комфортно Евгений Павлович ощущал себя в беседах о научных школах знаменитых философов, социологов, психологов, филологов. Г.Н. Пospelов, Г.А. Гурковский, М.М. Бахтин были для него единомышленниками. Он с удовольствием говорил и о своих учителях на факульте-

те — Е.С. Удалов и А.В. Западнов. Менее уверенно, как мне показалось, он чувствовал себя в разговоре о своих учениках — продолжителях его исследовательских усилий в теории журналистики. Впрочем, возможно, это было проявлением обычной для такого интеллигентного человека, как Евгений Павлович, скромности.

Однажды профессор Прохоров сказал мне: «Если журналистика — это целостный предмет социальной жизни, то тогда должна быть теория. Если нет, тогда нет необходимости в фундаментальном знании». Это было сказано как-то очень серьезно. Мне кажется, он понимал, что по-настоящему еще не пришло время для его теории — так всегда бывает с большими учеными. А когда оно придет? Когда научная мысль истончится и упростится без Прохорова. Тогда мы заглянем в его книги, и зерна, посеянные Евгением Павловичем, дадут богатые всходы. Это обязательно произойдет, потому что то, над чем он работал и что оставил нам, давно переросло формат вузовского учебника под названием «Введение в теорию журналистики». Осмысленное им, без всякого сомнения, — серьезное методологическое знание о журналистике, стоящее в одном ряду с основами литературы, философии и психологии.

...Я не была ученицей Прохорова в прямом смысле этого слова. Мои встречи с ним можно пересчитать по пальцам. Он был экспертом моей докторской диссертации, я была оппонентом на защите одной из последних его аспиранток, Натальи Александровны Федотовой. Были краткие встречи на факультете, мои подравательные звонки по праздникам. Он интересовался тем, чем я занимаюсь, над чем работаю. Я думаю, что каждому, с кем сводила его судьба, он отдавал частичку себя и был за него перед собой в ответе. Но и мы все, наверно, тоже в ответе за то, как будет освоено и усвоено научное наследие Евгения Павловича.

Л.Г. Ситни,

профессор кафедры периодической печати факультета журналистики МГУ

ПРИЗНАНИЕ УЧИТЕЛЮ В СТИХАХ И ПРОЗЕ

Евгений Павлович Прозоров – мой первый Учитель в науке. Слово пишу с большой буквы, потому что он дал мне, как и другим своим ученикам, очень много – уважение и любовь к знаниям, понимание сложности и многомерности объектов исследования, необходимости системного подхода к их изучению, научной добросовестности в работе с фактами и исследованиями, научил технике научного труда, привил почтение к философии и науке.

Как все это начиналось?.. Я уже девять лет работала в кривой газете «Целинный край», когда моя подруга и коллега по редакции Алла Гермена приехала с очередной сессии на факультете журналистики МГУ и сказала, что там открылась социологическая лаборатория, которая принимает аспирантов. Я была ведущей отделом инсеп, где мы занимались социологический анализ почты. Поэтому написать реферат по социологической тематике труда не составило. Я проанализировала данные за несколько лет и послала свой 150-страничныйopus с аналитическими таблицами Прозорову. Он ответил: «Ваша рукопись – половина диссертации, прислайте».

Евгений Павлович оказался симпатичным, спортивного вида молодым человеком, интеллектуальное превосходство которого с первого знакомства было очевидным. С тех пор и связала свою жизнь с социологией, с лабораторией по научению печати, радио и телевидения, которую он возглавлял.

Евгений Павлович, тогда еще кандидат наук, собрал замечательную команду аспирантов, а потом и сотрудников лаборатории. Небанально и свободно мыслящая Ирина Фомичева была генератором новых идей и остроумным критиком сессившей коллег. Мой бессемейный соавтор Алла Ширяева, с ее глубокой аналитичностью и способностью вносить мир в любую острую дискуссию, славилась своей рассудительностью и аргументированностью. Алла Вероловская хорошо структурировала любой

материал, была четкой в формулировках и очень активной в любых обсуждениях. Эта команда социологов прошла школу Юрия Александровича Левады и Бориса Андреевича Грушина, уже участвовала в исследованиях. Поэтому мы их воспринимали как «старичков» в социологии, хотя по возрасту все мы были ровесники, а многие уже успели поработать в прессе. Мы — это аспиранты, которых Евгений Павлович привлек в лабораторию: Валерий Сесюнин, Александр Поленчук, Григорий Куницын, Марина Смирнова, Татьяна Шумиляна и я. Позже я описала те времена в путевных стихах:

Первым был Ной — Евгений,
Взял он в Ковчег трех гениев:
Пару Ада и Ирину,
Прочих тварей отрянув.
Вскоре к гигантам мысли
Шесть аспирантов «приехали»,
И пошло по земле удвоение —
Социолого-прибавление.
А ныне Ковчег на суше,
И сотнями стали души
Социологов по свету шлаться
В поисках социо-счастья.

Нам, молодым, очень повезло. Мы сразу попали интервьюерами в проект «Общественное мнение», руководителем которого был Борис Андреевич Грушин, один из первых отечественных социологов. Сам же проект, широко известный под названием «таганрогского», вошел в золотой фонд мировой социологии, ведь это фундаментальное исследование проводилось умнейшими и талантливейшими людьми.

Поскольку я занималась социологическим анализом писем в газете, собралась и в аспирантуре продолжить эту тему. Но Алла Вероловская уже писала диссертацию по данному направлению, и Евгений Павлович предложил мне другое — социологическое изучение журналистов. А когда мы начали проект «Районная газета», мне пришлось изучать еще и проблемы руководства прессой, хотя это мне не очень нравилось.

Аудиторские исследования (их было три) по районной газете проводились в Шацке Рыбинской области. А мне и моим коллегам пришлось ездить по всем районам не только Рыбинской, но и Калининской (теперь Тверской) областей: в районных газетах работало по восемь журналистов, а для корректности результатов исследования нужно было опросить хотя бы сто человек. Евгений Павлович сам руководил экспедицией в Шацке, куда и тоже нередко приезжала для отчета или выступления «руководящих указаний», но главное — для неформального общения. Это была замечательная экспедиция!

Евгений Павлович был старше нас всего на 6–10 лет, и отношения сложились самые дружеские. Однако мы всегда ощущали интеллектуальную дистанцию, потому что он был энциклопедически образованным человеком. Я не говорю о литературе, истории, философии, истории журналистики — это само собой разумеется. Но Евгений Павлович был прекрасно осведомлен и в области живописи, в чем я имела возможность неоднократно убедиться. Очень любил классическую музыку — я часто встречала их с Натальей Георгиевной и Ирой в консерватории. Вообще он был настоящим русским интеллигентом. Причем не только по многосторонности знаний и интересов, но и по манере держаться, воспитанности, культуре общения. Совершенно невозможно было представлять Евгения Павловича раздраженным, говорящим на повышенных тонах, сводящим с кем-то личные счёты. Только по делу, только аргументированно, только во имя науки и добывания истины.

Обычно Прохоров ставил проблему широко, советовал знакомиться со всей основной литературой по теме и просил разбираться с проблемой глубоко, творчески, комплексно, учитывая совокупность различных факторов. Большое внимание уделялось им четкости структуры и аргументированности выводов в работе. Он очень тщательно работал с нашими текстами: делал много полезных замечаний своим бисерным почерком на полях.

Первое, чему он меня научил, — культуре работы с источниками информации, заветий в библиотеке и ведению записей. Предлагал писать на половинках листа А-4, повторять на

каждом листе название конспектируемой книги, пронумеровать каждый лист, ставить после цитат номера страниц и прочим мелким, но очень важным элементом исследовательского труда. Научил меня пользоваться каталогами и сводными библиографическими изданиями по философии, социологии, литературе. Он всегда был в курсе научных новинок, потому что никогда не пропускал очередного выпуска иппоновского библиографического сборника новой литературы. И мог рекомендовать аспирантам знакомиться с самыми новыми и интересными публикациями. Так он преуспел к очень серьезной работе с литературой.

Его принципы научной работы были очень полезны. Недаром он читал для иностранцев, ужившихся в магистратуре, курс «Методика и методология преподавания в сфере журналистики». Потом он передал этот курс мне, и я тоже несколько лет его вела. Но и тогда я всегда просила Евгения Павловича прочесть две-три лекции по методологии научного труда, тем более что он к этому времени написал прекрасное пособие «Исследуя журналистику». Тогда три раза я отказалась от курса: слишком велика у меня лекционная нагрузка. И Евгений Павлович, когда его убедительно попросили вернуться на этот курс, согласился. По-моему, это был единственный лекционный курс, который он сам читал в последние годы своей жизни, когда болезнь уже не позволяла ему вести его основной курс — «Введение в теорию журналистики».

Вообще Евгений Павлович с легкостью передавал свои курсы ученикам. Так он отдал мне курс «Введение в специальность» для первокурсников вместе со своим досье. Я любила этот курс и много лет читала его.

Свой фирменный курс «Введение в теорию журналистики» Евгений Павлович читал блестяще. Я много лет ходила на его лекции. Читал логично, структурированно, глубоко, фундаментально и в то же время увлекательно. Для объяснения своей теории, любимых формул и сам находил доходчивые, простые примеры. Хотя, конечно, курс был нелегким, потому что фундаментальная теория всегда сложна. И на семинарах, которые мы (сотрудники лаборатории, а потом кафедры социологии журналистики) вели по этому предмету, приходилось многое

растолковывать первокурсникам, «переводить» со сложноватого прохоровского на более понятный для них язык.

Но курс крайне полезен студентам. Возможно, он был поставлен в расписание рано — недаром его даже пытались перенести на более старшие курсы. Но нельзя было обойтись без него именно на I курсе, потому что на нем базировались все остальные профессиональные предметы. И когда мы проводили опросы наших выпускников (а проводили мы их регулярно по юбилейным для факультета датам), они всегда с благодарностью вспоминали лекции и книги Прохорова, говорили, что именно фундаментальное теоретическое образование оказалось в конечном счете самым полезным для практической работы и дало возможность непрерывного профессионального развития.

Все, что писал Евгений Павлович, всегда было глубоко, фундаментально и системно. Его имя — символ качества. Профессора Прохорова знает все научно-педагогическое и журналистское сообщество, имеющее отношение к журналистскому образованию. Глубину и сущность его концептуального подхода к теории журналистики я попыталась отразить и в полусерьезных-полусутольных стихах к 50-летию юбилею Евгения Павловича в 1981 г., используя генезис его имени:

**«Евгениус» — у греков «благо-родный»,
Евгений — по латыни «родо-родный»,
Евгений (с рифмой явной) — просто гений
На уровне научном и на гениальном.**

**А Гений — это Дух, посредник Бога.
И он ведет Евгения с порога
И делит с ним мгновенья вдохновенья,
А вдохновение — стихия гения.**

**И в древней древности,
И в новом времени
Все роли вестничья
Присущи гениям.**

**Летают в воздухе
И носят Божье**

Прорешье Генин
Земным Евгением.

В наземных новостях
Преображаются
И снова в небо-весть
Ности пускаются.

Питались слухами
Издирке Генин,
Считались духами
Пре-воплощения.

Через этих вестивков
(Вещает критика)
Богам ровесница –
Пражурналистка.

Переделались опять
Все нити гениные
В одну инфо-прядь
Антропо-гениную

**Дух – Гений – СМИ – гены
И Павлович Евгений.**

Огромной заслугой Евгения Павловича перед журналистской наукой и практикой является то, что он написал отличный учебник «Введение в теорию журналистики». Почти каждый год ученый совершенствовал его, редактируя, вносил дополнения, необходимые для понимания новых явлений в журналистике, особенно в связи с перестроечными процессами, когда наша журналистика существенно изменилась.

Евгений Павлович всегда оставался примером интеллектуальной и творческой молодости, динамичности, даже когда годы уже давали о себе знать и он начал болеть. В марте 2011 г. на кафедре соведомители мы отмечали его 80-летие, и я посвятила юбиляру такие стихи:

Эти странные даты
Совсем не реальны,

Эти годы — солдаты
На пути дальне-дальнем.

Мы не чувствуем возраста,
Словно речь не о нас,
Только седеют волосы
И короче час.

Человек не меняется,
И душа, что расцвет,
Оболочка состарится,
А сущность — нет.

Потому юбилей —
Просто версты в пути.
Дай Вам Бог победнее
Эту дату пройти.

Сохранить и усвоить
Энерджайвер души.
Пусть Господь Вам поможет
И творить, и вернуть.

Евгений Павлович всегда мыслил и писал очень современно. Приведу один характерный пример. Когда я защищала докторскую диссертацию и написала книгу «Феномен журнализма», в которой были весьма новые идеи и термины, некоторые профессора отнеслись к ним с недоверием. Мне говорили: замени слово «парадигма» словом «концепция» или «идея», замени слово «журнализм» словом «журналистика», уберечь понятие «синергетика» и тому подобное. Евгений Павлович тогда, хотя и с опаской, все-таки поддерживал меня. А года через два привес мне отзыв своей статьи про синергетику журналистики. Это очень ярко его характеризует. Он исследовал даже идеи, которые сначала казались дерзкими или нелепыми. И если находил, что это интересно и характеризует современное состояние науки, не только принимал, но и сам начинал разрабатывать. Это и есть сущность настоящего ученого: и нацеленности на истину, на познание неисследованных, новых аспектов науки.

В своей науке, в теории журналистики, Евгений Павлович был подлинным новатором. Можно смело утверждать, что до него теории журналистики практически не было. Я написала об этом в 2001 г., к 70-летию Прохорова:

Ковенциальному профессору
Евгениальные стихи.
Наука — гений профессии,
Безмолвенная стихия.

Возможно, рифма пензысканна,
Банальна. Но одна у всех:
Евгений Палыч просто гений,
Наука, звезда, успех!

Геном, генозис и генида,
Слова, и Логосы, и лиды.
Из одного глезда все виды.
А гены — оды, годы — кды.

И цифра «семь» — Геном и Сущность,
Генезис — счастье носущая,
Гениды творчества научного.
Планиды не найдем мы лучшей.

Десятилетие семерок —
Прекрасный строй восточных мерок.
Чего ждать еще нам, смертным?
Семерок частых в жизни мерной!

Евгений Павлович сидел в социологической лаборатории и потом на кафедре социологии атмосфера бескомпромиссной, настоящей творческой дискуссии, где главным было выяснение научной истины. Никогда не примешивались к этому личные симпатии и антипатии. Обсуждали только текст, только научный продукт. Вообще, тот уровень обсуждения научных работ, диссертаций, книг, статей, социологических отчетов, который Евгений Павлович задал в 1966 г. с первого дня образования нашей Проблемной лаборатории, был очень высок. Каждый сотрудник лаборатории читал обсуждаемый текст самым тщательным образом (тогда компьютеров не было, и

мы печатали на пишущей машинке пять экземпляров), под-
черкивая и правя прямо в рукописи то, что считал нужным.
На обсуждении каждый высказывал свои замечания. Затем
обсуждаемый сводил замечания воедино, доводил текст до ума,
снова отдавал на обсуждение. И так повторялось до тех пор,
пока диссертация, книга или статья не были рекомендованы
в печать. По своему опыту скажу, что иногда приходилось по
три раза перепечатывать тексты после правок. Сегодня, в век
компьютера, эта работа кажется несомненно трудоемкой, осо-
бенно если дело касалось перепечатки многостраничных книг.
И в библиотеке сидели целыми днями и выписывали цитаты от
руки, а не скачивали из Интернета. Так приходилось работать
в нашей социологической молодости...

Нигде больше не встречала такой тщательной работы с чу-
жими текстами и такого заинтересованного научного обсужде-
ния, как в лаборатории, которой руководил Евгений Павлович.
Это была блестящая школа, где жили по гамбургскому счету,
если дело касалось науки. Это был настоящий университетский
уровень. Иногда мы, аспиранты, были просто востребованы под
количеством критических замечаний к нашим научным, точнее
еще полунучным, опусам, иногда долго приходили в себя по-
сле бурных дискуссий. Но потом научились понимать, что это
споры об идеях и их воплощении, о наших текстах, а не о на-
ших личностях и нам, молодым исследователям, они только на
пользу. Евгений Павлович создал настоящую научную семью,
о чем я написала в стихах к его 75-летию:

Люди становятся ближе, чем родственники,
Если съедят соли туды –
Социо-соли, социо-боли
Социо-логии груд туды.

Внимание, сочувствие и понимание,
Конфликты идей, самолюбий бон –
Все было в общей социо-памяти.
Все кончилось тоном смиренной любви.

Евгений Павлович, безусловно, был университетским
профессором в самом прямом и точном смысле этого слова.

По эрудиции, широте интересов, глубине, системности и фундаментальности разработки научных проблем. По культуре и эстетичности чтения лекций. По аргументированности и корректности обсуждения научных проблем в дискуссиях. По демократичности общения с аспирантами и коллегами.

В его небольшом домашнем кабинете с высоченными потолками все стены были уставлены стеллажами с книгами. Это был кабинет университетского профессора. И порядок, который он завел, работая с аспирантами у себя дома, тоже традиция университетских профессоров. Причем это была не только работа над диссертацией, но и развитие нас как личностей. И хороший стол, приготовленный Натальей Георгиевной для аспирантов, живущих в общежитии на небольшую стипендию, тоже профессорская традиция. И сама Наталья Георгиевна была настоящей профессорской женой (заверю, сказано и то, что она сама была из профессорской семьи). Дочь Ирина продолжала университетские традиции отца. А когда я поступила в аспирантуру, Ирочка еще училась в младших классах школы, была очень развитой, любознательной, но и... дисциплинированной девочкой. Она никогда не мешала занятиям отца с аспирантами, не отвлекала его от работы.

О Наталье Георгиевне — преданной и любящей супруге Евгения Павловича — хочу сказать особо. Хиник по образованию, она оставила научную работу, свою кандидатскую диссертацию, чтобы полностью посвятить себя мужу и семье. Стала хранительницей домашнего очага, стремилась создать идеальные условия для творческой научной работы мужа. И по отношению к его ученикам и коллегам всегда была очень доброжелательна. Я ей обязана, может быть, даже жизнью. В 2005 г. у меня стала отказывать речь, неметь лицо и рука. Оказалось — опухоль мозга. Тогда уже очень больная, Наталья Георгиевна, узнав об этом, по собственной инициативе, ничего не сказав мне, нашла возможность позвонить заведующему нейрохирургическим отделением и попросить его встать к операционному столу. Операция прошла успешно, и вот уже семь лет после этого я живу и активно работаю. Моя благодарность Наталье Георгиевне безгранична. Она была замечательно добрым и отзывчивым человеком и буквально жила интересами мужа и всех, кто его

окружал. Неудивительно, что, когда она ушла из жизни 31 декабря 2005 г., Евгений Павлович тяжело перенес эту утрату.. Молюсь о них. Вечная им память!

Очень грустно говорить о Евгении Павловиче в прошедшем времени. Постоянно обращаешься к нему мысленно за советом и стараешься соизмерять свои исследования с той эталонной планкой, которую он задал. Но, к сожалению, она недостижима.

Ушел Учитель. Не восполнить брешу.
Не позвонить ему, прося совета.
И, вспоминая этой жизни вехи,
Ты видишь Труд и Труд. Стоянье Света.

Не в моде нынче вовсе слог высокий,
Но отозваться можно только одой
На путь его научный, одинокий,
Особый, небанальный и глубокий.

Склоняют голову студенты и доценты,
Седая профессура и друзья.
И каждый думает: «А если б там был я,
Чем отчитаться мог бы перед вечностью?»

Немного тех, кто жизнь свою земную
Сложил к ногам немеркнувшей Науки –
Сестры или матери, точнее же – сурруги,
И никогда не занимался ею всеу.

За ним труды, учеников волна
И годы верного служения Науке,
Был чужд он лже-научностным полутам,
Был настоящий эрудит-универсал.

Был благороден, словно принц баллады,
И музыкален, как пристало принцу,
Спокоен, величав – настоящий рыцарь,
Спортивен, строен, прям и элегантен.

Жена Наталия была ему подстать
В семейном дружном этом интерьере.
И дочь Ирину воспитали в той же вере.
Спаси ее, Господь, дай силы устоять!

О.А. Силецкая,

*кандидат филологических наук, наблюдатель ООН
(квартир: Бейрут – Версаль)*

НАМ ПОВЕЗЛО...

Каждое сообщество создает себе мифы, а что уж говорить про сообщество университетское, да тем более журналистское. Мифы простенькие, студенческие, – про придирки или послабления на экзаменах – и мифы посложнее, на уровне урбанистических, например про туннель из подвала журфака МГУ, ведущий проходом в кремльские гаражи... А еще бывают люди-мифы. И тут я могу сказать, что мне повезло. Я у них училась, и мне выпала честь с ними работать. И позднее, когда журналистская судьба развела меня с факультетом, забросила в другую страну, другую культуру и совсем другую жизнь, оказалось, что воспоминания об этих людях – самые теплые, самые дорогие и самые главные...

С Евгением Павловичем Прохоровым я познакомилась тогда же, когда я весь мой курс, – на первой лекции по «Введению в теорию журналистики». И снова миф: «умудренные опытом» сокурсники со старших курсов предупреждали, что предмет, дескать, сложный и сдать его невозможно. Я не помню в деталях ту самую первую, лекцию, но в целом представить могу очень четко. Когда еще не знаешь, чего ожидать на лекции, и университетская аудитория – нечто новое, непривычное, да и атмосфера Московского университета еще не стала своей, к ней приспосабливаешься и осторожно примериваешься.

Вот закрывается дверь аудитории, и Евгений Павлович энергично поднимается по ступенькам к кафедре (не терпел он опаздывающих и себе задержок не позволял!). Высокий, подтянутый, всегда в костюме и галстуке, сам – воплощение строгого академика, духа университета, настоящей московской интеллигентности. И лекции читал так же – с великолепной дикцией и всегда удивительно выразительно, всегда – более за свой предмет, всегда – как будто достигал понимания неких истин вместе со слушателями. Это были совсем не те лекции, когда каждый словно отбывает свою повинность – и препода-

ватель, и студенты. Только по делу, с той почти математической логикой, в рамках которой так сложно гуманитариям, но без которой не напишешь даже самой простой статьи.

Помню, достать учебник по предмету Евгения Павловича тогда считалось большой удачей. Невеликий библиотечный запас считался самыми расторопными, потом атаковались старшекурсники, передающие книги «по наследству», затем начиналось переписывание и копирование. Ко мне драгоценный учебник попал ближе к декабрю — экземпляр, сильно пострадавший в студенческих войнах за зачеты, лишившийся трети своих страниц и к тому же безжалостно исчерканный. А когда надвинулось пугающее не только первокурсников явление сессии, оказалось, что серьезно подготовиться к зачету можно только по собственным лекционным конспектам. Ведь даже те разделы, которые в моем «исслуженном» учебнике не были выдраны, в лекциях все-таки оказывались изложены лучше, полнее и живее. Да и за торопливыми тетрадными страницами ощущалась мощная энергетика лектора.

Конечно, смысл и суть теории журналистики постигаешь не на студенческой скамье: учишь, запоминаешь лишь самые общие основы. Причем неизъяснимые экзаменационными билетами вопросы вообще отодвигаются в закоулки памяти — за временной «звонюкостью». Но, по себе знаю, строки из учебника и лекций Прохорова нередко всплывают в памяти уже после выпуска. Когда из состояния «корреспондента ноги кормят» перерастаешь в состояние редактора рубрика, а потом и еще немного выше, тогда-то вспоминается то, что на I курсе казалось таким сложным и «далеким». Слово протягивается дружеская рука и помогает поверить беспыльный журналистский хаос алгеброй. Истинную глубину основанной Прохоровым науки познаешь лишь тогда, когда сам набираешься практических знаний и опыта, достаточных для того, чтобы оценить масштаб и изящество его логических построений, чтобы подготовленным войти в этот мир теории.

... Со второго курса занимаюсь в спецсеминаре у И.Е. Прохоровой по истории русской литературы и журналистики, мы в поисках свободной аудитории, где можно было бы обсудить что-то по нашим темам, не пытаюсь перекричать друг друга и

гаме факультетских коридоров и не мешая никому из коллег Ирины Евгеньевны, иногда оказывались на кафедре у Евгения Павловича. Когда там никого из сотрудников не было, профессор разрешал дочери и ее ученикам погостить в его «владениях». И хотя «Введение в теорию журналистики» осталось в ходу, на первом курсе, все равно немного робещи, когда пусть даже таким образом вторгаешься на территорию «громковереща». А вдруг он сам жителя? Нам повезло: Евгений Павлович действительно появлялся (и не раз) и оказывался очень демократичным и приятным собеседником. Как выяснилось, он и сам был не против включиться в наши разговоры на историко-журналистские и литературные темы — они привлекали его с молодости. И здесь багаж знаний у него был колоссальный. Его всегда можно было спросить о чем-то, совсем не относящемся к теории журналистики, и тут же получить остроумный и аргументированный ответ, который еще и осветит вопрос с самой неожиданной стороны.

Защищая диплом, а потом и диссертацию по кафедре истории зарубежной журналистики и литературы, я все равно воспринимала кафедры Евгения Павловича и Ирины Евгеньевны как родные — благо в мои факультетские годы они были «соседями», дверь в дверь. Туда можно было зайти «на огонек» и к Евгению Павловичу, и к Ирине Евгеньевне, спросить совета (и всегда получить его!), просто поговорить. Как жалько, что так мало было таких встреч и разговоров, что понятная робость студента, аспиранта не позволяла обсуждать с Евгением Павловичем что-то, о чем сейчас уже не спросишь...

Но эти встречи запомнились. И одухотворенное лицо Евгения Павловича, и его привычка снимать очки, зажимая их в пальцах, когда он о чем-то задумывался. И его манера работать со стаканом чая и, если это никому не могло помешать (истинно интеллигентское уважение к окружающим), под классическую музыку. Путь ассоциаций сложен. Когда я вспоминаю Евгения Павловича, то ощущаю тонкий запах зеленого чая с жасмином, к которому именно Прохоровы меня приохотили, и эта привычка прочно вошла в мою жизнь. Вспоминаются их библиографические карточки, с помощью которых даже в полностью компьютеризованную эпоху так удобно систематизировать

и получать информацию — еще один полезный, пригодившийся урок. Помнятся совместные с семейством Прохоровых походы на концерты в Московскую консерваторию, в Большой зал, который они все, истые москвичи, очень любили. Там я познакомилась и с супругой Евгения Павловича — Натальей Георгиевной, которая с неизменной доброжелательностью относилась к вечно крутящемуся воле мужа и дочери студентам, дипломникам, аспирантам...

Последняя наша «официальная» встреча с профессором Прохоровым была на защите моей диссертации. И опять меня пугали «опытные»: он самый строгий, самый придирчивый, самый вездный член Диссертационного совета. Но после аспирантуры и опыта собственных занятий со студентами уже все видится несколько иначе. И действительно, вопросы Евгения Павловича были не придирками, а возможностью для диссертанта показать себя, представить свое видение темы, создать необходимую по протоколу дискуссию, но не формально-протоколную, а настоящую, истинно научную.

Когда от родного факультета отделиют тысячи километров и несколько разной дружественности государство, воюют, даже самые черные, долетают порой через полгода... И вот, уже нельзя сказать Евгению Павловичу о том, как я всегда уважала его и какое смешное студенческое обожание испытывала к нему — такому аристократичному, враничному, словно сошедшему со страниц классиков XIX в. Да он и не любил хвalebных речей, отмахивался, отшучивался от них. И еще он никогда не говорил «моя теория», но всегда только «наша», как будто включал студентов в круг посвященных. Он рассказывал первокурсникам о чести и достоинстве журналиста, и делал это так, что даже циничные «дети перестройки» верили ему. Невозможно не верить, когда человек своими убеждениями и самой своей жизнью доказывает собственные слова. Нам повезло — с нами был человек-миф, мы были его частью, мы сохранили его в себе.

Низкий поклон Вам, Евгений Павлович, и вечная память...

В.В. Славкин,

доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ, уполномоченный секретарь Диссертационного совета

«У МЕНЯ, КАК ВСЕГДА, ТРИ ВОПРОСА...»

«У меня, как всегда, три вопроса» — сколько раз слышали соискатели разных ученых степеней эти слова Евгения Павловича Прохорова! Так обычно начинались дискуссии в Диссертационном совете после выступления соискателя с докладом. Многие нынешние маститые преподаватели и сотрудники нашего факультета и многих других, думаю, согласятся с тем, что наибольшие волнения во время защиты были связаны у них не с подготовкой доклада (если глубоко проник в тему, то внятно и логично рассказать об этом не так уж сложно), и не с выступлениями оппонентов (их тексты известны заранее), и даже не с ожиданием итогов голосования (здесь будет что будет!), а именно с вопросами Прохорова. Евгений Павлович внимательно вслушивался в речь соискателя, брал автореферат (дома заранее им, конечно, пронитудированный) и на обратной стороне набрасывал два-три слова, которые превращались в точные и четкие вопросы — по сути проблемы, по позиции автора, по его представлениям о роли журналистики и методах ее исследования.

Эти знаменитые три вопроса — свидетельство неравнодушного отношения признанного классика журналистской науки (как бы ни пытались поставить под сомнение само ее существование) к начинающим коллегам. Эти три вопроса — знак стремления ученого акцентировать наиболее спорные моменты представленной работы, требующие прояснения на ее защите. Наконец, эти три вопроса — отражение научного, да и простого человеческого интереса к тому, что происходит на разных полях огромного мира под названием Журналистика.

Около тридцати лет профессор Прохоров входил в состав Диссертационного совета по журналистике, более пятнадцати лет был заместителем председателя, несколько лет — членом экспертного совета Высшей аттестационной комиссии по журналистике. За это время существенно расширились рамки на-

учных исследований массовых коммуникаций, возникли новые парадигмы, методы анализа деятельности СМИ. Появились не просто новые термины, но целые терминосистемы. И Евгением Павловичем постоянно демонстрировал свою открытость этой своеобразной «смеше всех», сохраняя при этом верность принципам теории журналистики, формированию которых посвятил годы своей научной деятельности.

Прохоров всегда был приверженцем точности формулировок и фундированности исследований. С этим связано и умение ученого практически сразу определить научный уровень представленной к защите работы, заметить в тех или иных ее фрагментах проявления поверхностности, нередко замаскированные высокими научными словесами.

Я имел счастье работать рядом с Евгением Павловичем в Диссертационном совете с 1997 г. Первое время было очень непривычно: ведь общение с ним началось для меня почти четверть века назад, в 1973-м, когда на нас, очернявших школьников, обрушились громадные объемы научной информации по курсу «Высшее в журналистику». Одни только термины чего стоили – «прескриптивный», «валюативный», «деонтология»! Но лекции Прохорова удачно сочетались для студентов моей группы с семинарскими занятиями, которые вел сам лектор. Здесь самое непонятное становилось логичным и очевидным.

И вот теперь я вместе с человеком, которого считаю образцом университетского педагога (наряду с покойным Валентином Павловичем Вомперским), участвую в работе Совета по защите диссертаций. На протяжении всех этих лет образцом для меня было то уважительное отношение Евгения Павловича Прохорова к процедуре обретения ученой степени, которое превращало в какой-то мере рутинное действие в истинно научный процесс.

При всей разнице в научной квалификации, в возрасте, да и в сферах научных интересов мы всегда могли найти общий язык, общие взгляды на теоретические поиски и практические результаты, которые предлагались в защищаемой диссертации. Должен отметить, что, будучи истинно университетским профессором, Е.П. Прохоров не замыкался в рамках одного научного направления, в данном случае теории и социологии

журналистики, но обладал удивительно точным взглядом на общегуманитарные проблемы. Причем всегда давал глубокие, концептуальные характеристики, легко оперируя фактами из сферы истории, философии, психологии, даже языкознания.

Неподражаемой была манера Евгения Павловича вести заседания Диссертационного совета. Это и слегка ироническое обращение к присутствующим — «господа Сенат»; и то, как он разводил руками, не получив ответа диссертанта на простой, как ему казалось, вопрос; и умение направить дискуссию в нужное русло, избегая ухода в сторону от темы. И ко всему этому — истинная научная принципиальность, не допускающая попущений и поблажек.

Аспиранты, защитившиеся под его научным руководством, могли бы многое рассказать о том, как они вместе с Евгением Павловичем работали над текстами диссертаций и выступлений, готовили проекты заключения Диссовета (Евгений Павлович был убежден, что научный руководитель обязан помогать подопечному и в этом). Много добрых слов о профессоре Прохорове скажут и те, кому он помог добрым советом, консультацией, никому не отказывая в помощи и осознавая свою ответственность перед Наукой.

Прошел уже больше года со времени ухода Евгения Павловича из жизни, а я с печалью думаю о том, как не хватает нам его сдержанно-доброй улыбки, интеллигентной манеры общения, негромкого голоса. И хотя наш Диссертационный совет обновляется, незримо в нем всегда будет и профессор Прохоров. С правом решающего голоса.

В. В. Тулунов,

профессор, декан факультета журналистики Воронежского государственного университета

ПЕРЕЧИТЫВАЙТЕ ПРОХОРОВА!

В университетской среде будущих журналистов Е. П. Прохоров с его учебником «Введение в теорию журналистики» был так же знаменит, как Г. А. Абрамович с «Введением в литературоведение» и А. А. Реформатский с «Введением в

языкознание» у будущих преподавателей русского языка и литературы. Фамилия «Прохоров» могла провозноситься с особым трепетом или с испугом, но неизменно — с почитанием. Уже тогда мы, студенты, понимали, а сегодня, спустя почти полвека, понимаем еще более ясно: это был настоящий Ученый. Систематик! Глыба!

Когда некоторые коллеги — химики и физики — с ехидцей спрашивают: «А что, есть такая наука — журналистика?..» — я отвечаю: «Нет, журналистика — не наука, а особый социальный институт и особая профессия, но вот теория журналистики существует. И развивается! Почитайте статьи, монографии, учебники Прохорова...».

После неожиданного ухода из жизни моего товарища Вадима Георгиевича Кулинничева, читавшего на нашем факультете то самое «Введение...», мне пришлось подхватить эстафету, предварительно вновь проштудировав главные прохоровские труды. И мне, достаточно опытному практику и преподавателю, многое открылось. Имелось потому, что книги Евгения Павловича и концептуальны, и логичны, и ясны — как по мысли, так и по языку. Тем, кто жалуется на сложность предлагаемого материала, посоветую закоментрировать учебник с первой и до последней страницы, чтобы выстроился тот самый теоретический «фундамент», практичнее которого вряд ли можно что-либо найти...

Примечательно, что Евгений Павлович постоянно продолжал работать над своими учебниками, и прежде всего над «Введением в теорию журналистики», выдержавшим, если не ошибаюсь, восемь изданий. И каждое новое издание он не просто расширял, но заметно обновлял. Расширявшая категориальный аппарат, давая каждому понятию наиболее полное и завершенное определение, Евгений Павлович стремился сделать свой (наш!) основной учебник все более совершенным. И это ему удавалось в полной мере. Иногда удивляешься дискуссиям в нашей академической среде, когда иные спорщики «ломается в открытую дверь», — так и хочется им сказать: «Перечитайте Прохорова!»

В последние годы мы нередко встречались с Е.П. Прохоровым на конференциях, на заседаниях диссертационных советов,

обменивались книгами. Евгений Павлович присылал в Воронеж и статьи, которые открывали либо научно-практический журнал «Акценты», либо ежегодный научный сборник «Современные проблемы журналистской науки». Всегда это было отменно по содержанию, всегда – ново, всегда – в срок.

Вот и сейчас на моем столе лежит его учебное пособие «Исследуя журналистику», которое я в обязательном порядке рекомендую дипломникам и аспирантам. Это настоящие теоретические основы, подлинная методология, методика и техника работы исследователя СМИ. Один из моих соискателей, уже перед самой защитой познакомившись с этой книгой, в отчаянии воскликнул: «Если бы я прочитал ее перед началом работы над диссертацией!..»

Книги Е.П. Прохорова продолжают жить и работать. Низкий поклон замечательному ученому, педагогу и гуманисту.

А.Н. Турбин,

кандидат филологических наук, действительный государственный советник РФ третьего класса, зам. генерального директора компании ОМЕГА («Трансформ»)

ОШЕЛОМИЛА ПЕРВАЯ ЖЕ ЛЕКЦИЯ

В моих воспоминаниях об учебе на факультете журналистики МГУ нья и дело профессора Прохорова стоит особняком. Смогу предположить: и не только в моих. Во-первых, Евгений Павлович был, по сути, первым преподавателем-предметником, с которым столкнулись мы, недавние абитуриенты-1977. А во-вторых, уж очень самобытными казались его уточненная фигура, наячная и терминологически точная речь, да и сам предмет – «Введение в журналистику».

Ошеломила первая же лекция по «Введению в "прохорововедение"» (так мы тогда между собой называли предмет). Оказалось, например, что у понятия «журналистика» примерно 24 самостоятельных определения, по-разному представляющих содержание, форму и место этого удивительного явления. От пытливого взгляда Евгения Павловича не ускользнул ни один аспект исследуемого феномена: речь шла и о совокупности

издаваемых «в конкретно-исторических условиях» газет и журналов, и о соответствующей науке, и о «журналистском сообществе».

Та — самая первая! — лекция прочно закрепилась в памяти. «Через полгода вам сдавать экзамен по моему предмету. Заметьте, товарищи студенты: эта ваша первая сессия станет отчетом за целых 10 процентов времени, которое большинство из вас проведет в этих стенах. Поэтому не теряйте его даром!» — вынул к нам и одновременно предостерегал нас, несколько ошалевших от счастья принадлежности к Московскому университету, строгий и элегантно преподаватель.

И — сразу честное и четкое предупреждение: учебника по моему предмету пока нет, надо конспектировать лекции! И мы записывали — кто как мог и умел. Смысл конспектирования имел: Евгений Павлович превращал экзамен в проверку не только общих представлений студента о предмете, но и его памяти, способности запоминать и творчески усваивать информацию.

Вопрос, доставшийся мне от Прохорова в январе 1978-го, звучал так: с каким природным явлением соотносится понятие свободы СМИ при разных общественно-политических формациях? Я не дал правильного ответа (смена дня и ночи) и, думаю, поэтому получил четверку. Кстати, Евгений Павлович всегда настаивал, что в университете нет «четверок» и прочих школьных баллов. А «хорошо», например, — это оценка знаний более чем позитивная.

Я, конечно, тогда так не считал. Почему же не получилось сдать на «пять»? — мучил меня вопрос. Потом понял: да все потому, что показал огромную по тем временам сумму в десять рублей — ровно столько просили предпринимательские провинциалы из ДАСа за машинописную распечатку хорошо законспектированных прохоровских лекций (©). Гиборат, кто-то тогда на факультете предложил этот текст даже Ире Прохоровой, не зная в лице дочери профессора...

Не сомневался, что, после того как смена дня и ночи обернулась в нашей стране перестройкой, а потом и кардинальной экономической и социально-политической трансформацией, Евгению Павловичу как одному из видных теоретиков со-

ветской печати пришлось пелетью. И тем более приятно, что энергия, талант и неизменная открытость новому позволили ученому, инитив «воздух перемен», подтвердить свое достойное место в ряду теоретиков современной российской журналистики. В противовес многим преподавателям научного коммунизма и научного же атеизма, запросто поменявшим мишур на плюс, Евгений Павлович шел иным путем — разнотия фундаментальных представлений о журналистике.

Выступая 1 июля 2011 г. оппонентом на кандидатской защите выпускница Свободного российско-германского института публицистика Ольги Штыркиной, я вновь, после долгого перерыва, встретил Евгения Павловича. Несмотря на его явно неважное самочувствие, — все то же сосредоточенное внимание, та же точность в выражении мысли, тот же мудрый взгляд человека, честно и самоотверженно отдавшего себя делу жизни, та же профессиональная память высококлассного преподавателя: Евгений Павлович вспомнил меня по имени! К сожалению, это была наша последняя встреча.

«...Он был высоким профессионалом и очень добросовестным человеком...» Десятки раз слышал я эти справедливые слова, когда в сентябре 2012 г. не стало и моего отца, И.В. Турбина, старейшего профессора МГУПС (МИИТа), участника Великой Отечественной войны. Теперь я еще отчетливее понимаю: уход поколения наших Учителей, преподавателей со стажем, вобравших в себя трудные годы нашей общей истории, — потеря невозможная. И не только для родных, — для отечественной науки, образования, и в конечном счете — для страны.

Забылся, конечно, 24 определении журналистики. Но контексты лекций Евгения Павловича я храню, равно как и самые добрые воспоминания о человеке, которого неслучайно называют Рыцарем университета. И я рад, что дело его на нашем факультете среди многих и многих замечательных преподавателей продолжает, пусть и в другой области знания, его дочь, мой друг и однокурсница Ирина Евгеньевна Прохорова.

О.В. Устинова,

*старший научный сотрудник кафедры социологии журналистики
факультета журналистики МГУ*

«ВСЕ ГЕННАЛЬНОЕ ПРОСТО»

Летом 2011 г. на моей даче засохла облепиха. Более десяти лет назад это молоденькое дерево стало первым на равнинном ландшафте моего огорода. Евгений Павлович выкопал его у себя в саду с той невероятной стремительностью, с которой он делал буквально все. Я не успела охнуть, как мой шеф рубанул корни у деревца и протянул мне длинный прутик со словами: «Ничего, приживется». И на этот раз он, как всегда, был прав. Множество моих прежних попыток вырастить у себя саженцы из солидных питомников закончились провалом. А это деревцо превратилось в настоящую раскидистую красавицу и дало много поросли. Дачники со всей округи приходили за его побегами. Птицы выбрали именно эту облепиху для своего гнезда и выводили здесь птенцов вплоть до лета 2011 г. А через несколько месяцев Евгения Павловича не стало...

Евгений Павлович Прохоров был моим учителем, научным руководителем, начальником. Но главное — он всегда был для меня просто человеком — тактичным, внимательным, чутким, способным помочь и поддержать в самых разных ситуациях. Он появился в моей судьбе с I курса и далее — на четверть века. Он стал символом факультета, без него факультет как-то и не мыслился никогда.

Шеф не любил похвальных речей и скромно отмахивался, если кто-то пытался высказать в лицо признание его заслуг. Евгений Павлович всегда дистанцировался от лавров. Находиться рядом с создателем первой отечественной теории журналистики, ученым, пользующимся заслуженным почетом в России и за рубежом, было тем не менее комфортно и легко, в том числе и в силу его интеллигентности, образованности и культуры, а возможно, и оттого, что «все гениальное просто».

Казалось, Евгений Павлович ни на секунду не прерывал своей работы. Он постоянно анализировал происходящее и вкладывал результаты в свою теорию, вернее, «нашу» теорию —

так он ласково поправлял сотрудников своей кафедры, давая нам понять, что мы единый коллектив и творим общее дело.

Как-то, переданная мне свой лекционный курс, который Евгений Павлович много лет читал на вечернем отделении, он задал мне вопрос: «Что Вы больше любите — факультет или семью?» Для него самого никогда не существовало дилеммы «личное» — «профессиональное». Он жил, где работал, и работал, где жил. Его жена — Наталья Георгиевна — всегда с упоением рассказывала о работе мужа, гордилась его успехами, по мере возможности старалась помогать ему, обеспечивала быт, поддерживала дома необходимую для научного творчества обстановку. Ирина — его дочь — продолжила дело отца в одной из любимых и им областей науки о журналистике — истории.

Двери прохоровского дома были всегда открыты для ищущих знаний. Стол, покрытый рукописями, аккуратно заполненные и уложенные по ящичкам библиографические карточки, полки, заставленные книгами. Он любил рассуждать о высоком у себя дома, в маленьком уютном кабинете, за чашечкой чая, под звуки классической музыки. И в одиночестве, и вместе с кем-нибудь из учеников или коллег.

Как сейчас вижу его задумчивое лицо с чуть прищуренными глазами, устремленными куда-то вверх, слегка наклоненную надбровную и руку, согнутую в локте и держащую за дужку очки, находящиеся где-то в области рта. Так он обдумывал услышанное, так он размышлял.

Он был «грозовой судья» диссертационных советов, один из самых компетентных — похвала его чрезвычайно ценилась, а замечания помогали задуматься о том важном, что могло по разным причинам ускользнуть от внимания диссертанта. Он дарил системные знания и помогал выстраивать систему мышления всем — от студентов до докторантов. И любовно называл то, чему посвящал свою жизнь, — «наука о журналистике».

Многие бывшие студенты, уже и не помня всей терминологии курса, потом, по прошествии лет, говорили: «Он научил меня думать». Дорогого стоит. Особенно если учесть, что любимым изречением самого Прохорова были слова А. А. Аграповского: «Настоящий журналист не тот, кто хорошо пишет, а тот, кто хорошо думает».

Стойкие жизненные принципы не исключали умения Евгения Павловича сомневаться. Он мог спокойно, например, сказать своему аспиранту, что, возможно, вчера он был неправ и имеет смысл по-новому взглянуть на проблему. В свое время это шокировало и меня. И только с годами начинаешь понимать эту высшую мудрость. Абсолютная самоуверенность, односторонние выводы и оценки — это отказ от развития, его остановка. Евгений Павлович всегда учил мыслить гибко, диалектически и не впадать в категоричность.

Его называли «романтиком от журналистики». Он сел «разумное, доброе, вечное», писал о гуманизме, берил в высокую миссию журналистики в обществе и вдохновлял тысячи студентов на стремление к свободной, нравственной и ответственной журналистике.

Евгений Павлович не просто работал на факультете журналистики — он жил факультетом, служил ему, отдавал ему всего себя. И забыть такого ученого, лектора, коллегу невозможно.

...Та облепиха, которую подарил мне Евгений Павлович, проросла множеством побегов, заботливо посаженных дачниками по всему нашему садовому товариществу. И теперь у нас миллионы оранжевых ягодок светятся на деревьях каждую осень — как раз в то время, когда наваливается студентами любимой и родной Евгению Павловичу журфак МГУ.

Н.А. Федотова,

доцент кафедры социологии журналистики Института журналистики БГУ (Минск)

«Я ВСЕГДА НА СВЯЗИ...»

«Мне тридцать. / А чего достиг?.. / Ни педагог, ни ученик», — написал о себе много лет назад известный белорусский поэт Владимир Некляев. Ко мне же судьба была щедра: в 30 лет я стала ученицей профессора Прохорова.

С Евгением Павловичем мы познакомились зимой 2007 г. на Моховой, во время ежегодной конференции на факультете журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова. После заседания секции «Социология журналистики», которую вел Прохоров,

я подошла к нему и сбивчиво, но смело заявила, что хотела бы писать диссертацию под его руководством. «На какую тему?» — спросил Евгений Павлович, как и полагалось, скорее из вежливости. Я сказала, что хочу исследовать рекреативную функцию журналистики. После этих слов профессор посмотрел на меня внимательнее...

Потом на его кафедре мы пили чай и разговаривали о том, как важна и своевременна эта тема, как изменились представления о функциях журналистики, какими неоднозначными могут оказаться результаты диссертации. Казалось, что Евгений Павлович уже согласился на мою просьбу. Но неожиданно он сказал: «Постойте, а как вы собираетесь писать диссертацию в Москве, если живете в Минске? Это же сколько Вам ехать придется! А хлопоты с бумагами, чтобы прикрепиться к кафедре?! Сумеете?» Взгляд его был испытывающим. Я бодро ответила: «Сумею!» В ту минуту меньше всего думалось о сложности работы, которая предстопт. Я была на седьмом небе от счастья, что она все-таки состоится. Сомнений в успехе не было никаких: другие варианты просто не рассматривались.

Вспоминая события, которые привели меня на кафедру социологии журналистики МГУ, я каждый раз думаю о том, почему Евгений Павлович Прохоров согласился стать моим научным руководителем. Понятно, что работать с аспиранткой из Белоруссии не было в его планах. И брать на себя ответственность за диссертацию человека, которого он видел впервые, было делом рискованным. Да еще и «дистанционное» руководство делало дело весьма сомнительной.

Возможно, главная причина заключалась в том, что самому Евгению Павловичу эта тема была близка и интересна. За время нашей работы он часто повторял, что в своем описании системы функций журналистики мало внимания уделит рекреативной функции. Не потому что не хотел или недооценивал ее, просто как-то не сложилось. Думаю, ему было любопытно, как и что сложится у меня. Еще, вероятно, он заметил, что я была буквально одержима идеей изучать рекреацию и СМИ. Так мой исследовательский задор перевесил все возможные «воты». Тогда я еще не предполагала, какие меня как ученицу

Прохорова ожидают важные уроки и уроки — причём не только исследовательские, но и жизненные, человеческие.

Потом были долгие месяцы насыщенной переписки с профессором, частые поездки в Москву, мои многочисленные попытки добраться до сути проблемы диссертации, строго выстроить логику и понятийный аппарат исследования. В архиве моей электронной переписки десятки писем от Евгения Павловича, каждое из которых — пример мудрости, такта и великого дара Учителя.

О своих замечаниях сам профессор писал так: *«Носимую заметная, с которыми Вы не обязаны соглашаться, но которую подумайте»; «Посмотрите предложения — может, понадобится... Подумайте над структурой работы. Мои предложения — не обязательны»; «Впрочем, это не значит, что я во всем прав. Можете не соглашаться. Это Ваша диссертация».* Ни в письмах, ни в разговорах Евгений Павлович не позволял себе менторского тона, категорических суждений. Казалось, он редко настаивал на собственном мнении. В этом-то и заключалось мастерство — он направлял мягко. Рассуждал, спрашивал, заставлял задуматься — и задавал моим мыслям нужное направление. Вольно или невольно хотелось рассуждать вместе с ним.

Всёкий раз, когда я приезжала к Евгению Павловичу с ворохом вопросов и идей, он терпеливо выслушивал меня. Иногда в его лице читалось сомнение, иногда — удивление, иногда — радость. Неизменным было одно: слушал профессор всегда очень внимательно. Так я понимала: если мои рассуждения достойны внимания Прохорова, значит, в них могут быть «жемчужные зерна», — и продолжала работу с удвоенной энергией и упорством. Возможно, не всегда ее результаты отвечали высоким ожиданиям Евгения Павловича, но я старалась соответствовать уровню ученого и не разочаровывать его.

За три года напряженных усилий тема диссертации, с которой я пришла к профессору Прохорову, выросла в 200-страничное исследование рекреативных функций СМИ, их содержания и стратегий реализации. Принятые метаморфозы произошли за это время и с оценками, которые давал Евгений Павлович мне и моей работе. В одном из первых писем он

справедливо назвал меня «блуждающей в море неопределенностей». Позже, когда дело уже двигалось, писал: «...*могу оценить успех (пусть незначительный) по преодолению сложившихся известностям. Не до конца преодоленного*». На завершающем этапе работы о моих текстах Евгений Павлович отзывался так: «*Восхител. Прочитал. Одобрил*». Эти слова стали для меня высшей похвалой.

На слова поддержки и участия профессор был щедр всегда, он часто меня подбадривал: «*Всякая работа идет в соответствии и противоречиях*»; «*Работайте, и все получится*»; «*Действуйте столь же напряженно и уверенно далее*»; «*Работайте спокойно над своей (!) диссертацией*»; «*Рад, что у Вас жаль подкачало*»; «*Улыбайтесь...*» И каждый раз в конце письма: «*Привет и наилучшие пожелания. Вам Е.П.*»

Особенно запомнилась мне откровенность Евгения Павловича, когда «защитные страсти» уже благополучно улеглись. Вечером 11 марта 2011 г. в Минске случилась трагедия — террористический акт в метро. На следующее утро я получила от профессора письмо, полное беспокойства: «*Дорогая Наталья Александровна! Нет слов, чтобы передать возмущение и горечь по поводу происшедшего, сочувствие и сострадание миллионам, пострадавшим в метро. Хотелся надеяться, что Вас, Ваши близкие, друзья, сослуживцы Бог милостив. Пишите, если что-нибудь нужно*». Искренняя тревога и предложение помочь тронули меня невероятно. Особенно дороги такие слова, когда знаешь, в какой ситуации они сказаны; когда понимаешь, что, несмотря на собственные заботы и недуги, Евгению Павловичу всегда хватало времени, внимания и сил для своих учеников. Хватало сердца.

Сегодня я не могу привыкнуть к тому, что больше не услышу мудрых и нужных слов Евгения Павловича, не получу ответа на свое письмо. И продолжаю по-прежнему обращаться к профессору, чтобы прояснить свои «гуманные представления», благодарить за превосходную школу, ориентироваться на его одобрение.

Помню, как ободряюще он говорил мне: «Я всегда на связи». Остается верить, что так оно и есть...

А.О. Фильмонов,

инж. артист, полковник запаса (Санкт-Петербург)

ПОЭТ МЫСЛИ

На I курсе факультета журналистики МГУ – а поступить мне посчастливилось в 1985 г. – больше всего меня поразили (да простят другие прекрасные педагоги) два преподавателя: Елизавета Петровна Кучборская и Евгений Павлович Прохоров. Оба этих человека – при всей несхожести их предметов – несли не только знания, но и стоящую за ними... тайну. «Позвольте! – может возразить кто-то. – Предмет Е.П. Прохорова не зря называли “прохороведением”? В нем кроме заумных таблиц, вряд ли понятных даже выжубрированным их отличникам, не было никакой “тайны”, способной волновать душу!» В чем-то это похоже на истину: тренет испытывали все перед сдачей зачетов и экзаменов по теории журналистики, но ведь и с отрицательным баллом мало кто уходил.

Ровно со звонком на лекцию поднимался на кафедру бывшей Ленинской аудитории Евгений Павлович, всегда аккуратный, с замесанными назад волосами, подчеркивающим высоким лоб, со спортивной и даже военной осанкой. О чем бы он ни говорил, важно, что его речь была не просто монологом, а приглашением к совместному размышлению.

И за очевидным и внешним в его лекциях, как казалось мне тогда и кажется сейчас, стояло нечто иное. Не только об идеологическом противостоянии эгоичных держав говорил он, приводя из американской прессы примеры лицемерного замалчивания ими реальных фактов, как и непомерного радования наших проблем. Не только «стал узор» на глазах студентов мелом на доске, тонкими быстрыми росчерками, раскрывая соотношения тех или других геометрических фигур, означавших подразделы его теории. Все это было отражением некоего мифологического, вневременного действия (противостояния, мистерии, драмы), в котором участвовал его мифологичный двойник, не менее подлинный, чем тот, кто, мягко расстирая, заставлял нас завороченно слушать. В другом измерении, пока не открытом людьми, профессор, возможно, был не только философом, но и... поэтом.

Да, как ни странно, мне казалось, что светлое, лирическое волнение, за которым ощущался подлинный драматизм, присутствует в этом человеке, который же был ни бунтарем, ни инспиратором. Но эта пульсация чувствовалась всегда, когда он проходил по коридорам факультета. И кто может жить, каким образом совершаются научные открытия? И сколько разных сил, почти нечеловеческих, надо вложить в то, чтобы теорию журналистики сделать научным предметом и донести его до студентов? О чем и с кем были его внутренние споры? С мыслителями прошлого, а может быть, — будущего? И что он видел в нас, студентах, абсолютно разных по уровню знаний, целям и задачам, которые мы тогда ставили перед собой? И почему его рассказы о противостоянии «миров» своим внутренним драматизмом напоминали античную драму преодоления судьбы? Мы словно присутствовали при священнодействии, когда между слов адрут спадала пелена мира и открывалось пространство-безграничной свободы, а значит, и ответственности за все сущее в мире. Бог ведает, каких трудов и мук стоит такая «тихая» исследовательская жизнь, затрагивающая как родных, так и близких друзей.

Встречаясь с дочерью Евгения Павловича Ириной на конференциях исследователей литературы и журналистики, мы так или иначе касаемся всех этих вопросов, темы ее семьи. Не так давно мы побывали на Малохитинском, ныне, к сожалению, полузаброшенном, кладбище в Санкт-Петербурге, искали могилу прабабушки Ирины со стороны матери, петербуржанки, погибшей в блокаду. У того поколения — своя драма, своя трагедия. Поколение Е.П. Прохорова — «шестидесятники» (как бы ни относиться к самому определению) — взяли на себя огромную, для кого-то неподъемную крестную, потому что эпоха политического романтизма, которую они активно творили, обернулась вскоре своей изнаночной стороной. Но они продолжали искать Истину... Бывают люди, которые влезают на наше становление неожиданно, как бы случайно, исподволь. Евгений Павлович Прохоров показал нам на своем примере, наглядно и искренне, что нет ничего невозможного, если у человека свободная воля, чистый выливший ум и сердце создателя.

..Мне кажется, дух его будет вечно кружить над высоким кушлом факультета журналистики на Моховой. Потому что там, в области духа, куда негласно и упорно замыкала его мысль оратора и поэта, он ведет разговор с философами и небожителями.

Г.В. Чевозерова,

доцент кафедры журналистики и социологии Тольяттинского государственного университета

ЧИТАТЕЛЬ № 1

С Евгением Павловичем я «встретилась», когда в первом же семестре на I курсе журфака Уральского университета нам стали читать «Введение в теорию журналистики». Это было в середине 70-х гг. прошлого века. Прохоров был мотр, за него поминутно ссылались наши преподаватели, обильно цитировали его высказывания о журналистике. И с этим именем на устах прошли все мои студенческие годы. Тогда я и представить себе не могла, что через 30 с лишним лет буду пить с ним чай в его квартире в Сокольниках, куда я пришла, чтобы подарить ему свои учебные пособия по гражданскому обществу и журналистике. Ведь, во нашему с ним общему мнению, именно журналистика может (и должна!) активно влиять на процессы формирования гражданского общества в России.

Евгений Павлович только что переехал в новую квартиру, и его вековой, длинный и узкий, как школьный пенал, рабочий кабинет с высокими потолками и столь же высокими стеллажами книг вдоль стен сменился на более приемлемую, но большую и светлую комнату с неизменными книжными полками и разнообразными растениями на подоконнике.

– Чуть ли не с третью книг при переезде все же пришлось расстаться, – посетовал Евгений Павлович. – Просто некуда уже их ставить.

Смущенно поглядывая на свой двухтомник, подумала, что если каждый, кто с его благословения, под его руководством, по его совету или под влиянием его трудов нависал книжницу, вознамерится ее подарить, то ставить их будет действительно

некуда. Впрочем, дело, конечно, не только в дарителях, но и в том, что Евгений Павлович — читатель особенный: читатель-сигнелер. Однажды он серьезно сказал мне:

— Представьте, уже десять дней, как вышла информация о новой книге (имелась в виду наша журналистская тематика), а в библиотеке ее до сих пор нет!

Никакая пометка не должна была «проскочить» незамеченной им. Я тогда еще уточнила:

— Вы читаете абсолютно все, что касается журналистики?

— Её, вообще-то, все касается, — резонно заметил он. — Я очень стараюсь действительно ничего не пропустить. Правда, в некоторых книгах мыслей немного, но ведь, во-первых, об этом не узнаешь, если хотя бы богло текст не просмотреть, а во-вторых, и «немногое» может оказаться полезным.

Он словно просеивал книги, пропускал их содержание через свое сознание и «выуживал» все самое ценное. С библиотеками у Евгения Павловича была такая давняя и тесная дружба, что само по себе это оказалось непереходным фактом его биографии. Однажды я в очередной раз рассказывала ему о своей правозащитной организации, о том, где, за что и с каким успехом мы боролись, показывала газеты, которые выпускали чуть ли не подпольно и распространяли ранним утром на автобусных остановках. Евгений Павлович слушал внимательно и с какой-то непонятной мне сначала грустью. А потом сказал:

— Все правильно. Праздничное общество, это когда человек на работе — работник, дома — член домика, член рыболовного клуба (если он любит рыбу ловить), правозащитник, если понадобится. А я вот — библиотечный червь... Когда немцы под Москвой стояли в 41-м году, в Ленинской библиотеке открылся детский читальный зал. Видимо, я первым туда записался, и у меня был читательский билет № 1. И так я много времени проводил в этом читальном зале, что библиотекарь забеспокоилась, не пропускаю ли я уроки. Даже попросила привезти справку из школы о том, в какую смену я учусь.

Вот тут-то я поняла, откуда глубина мысли ученого, без которой иной правозащитник становится пустобрехом, а иной без меры дерзкий журналист — откровенным провокатором.

С одним из таких я встретилась на научно-практической конференции в Московском университете. Выпускник журфака МГУ, ныне весьма известный журналист, опубликовавший большое количество книг со своими произведениями и книг о том, как следует работать журналистом, он был приглашен на семинар для редакторов районных изданий. Там он делился опытом, как, обладая «жареными» фактами о дефетных власти, шантажировать ее, чтобы узнать еще больше, а потом — сделать сенсационное разоблачение.

— А если чиновник подаст в суд на поэта и журналиста и потребует законных доказательств, а не осылок на культурные разговоры? — прозвучал вопрос из рядов слушателей.

— Не подаст, — бодро парировал докладчик. — Они боятся судов. Вот это и есть реальная журналистская практика, которая дает знаний о профессии гораздо больше, чем те кружочки и квадратники теоретических схем, которые рисует Евгений Павлович Прохоров на своих лекциях. При всем моем уважении к нему. Лучше обращайтесь за помощью к нам, журналистам-практикам.

— Но ведь так можно просто не успеть опубликовать свое «журналистское расследование», — возразила я, не на шутку испугавшись, что кто-нибудь из присутствующих воспользуется бравым советом.

— Вы хотите сказать — убьют? — не смутился докладчик.

— Вынуждена сказать.

— Так я же и предлагаю обращаться за помощью к нам, чтобы такого не случилось!.

Мне пришлось рассказать, что я живу в городе, в котором были убиты шесть (!) главных редакторов районных СМИ, что я одна из тех, кто пережил ряд покушений, что в один из таких острых жизненных моментов я обратилась за помощью именно в редакцию той московской газеты, где и работал докладчик. Там за мое, во сути сенсационное, разоблачение региональной власти, срочная публикация которого могла буквально спасти мне жизнь (трудно выжить, когда кто-то знает о том, что ты знаешь), мне предложили заплатить (!) поэту сумму с таким множеством нулей, что я и вникать не стала, сколько денег именно хотят. И вот тогда судьба свела меня именно с Евгением

Павловичем Прохоровым — с его кружочками и квадратиками в теоретических схемах. Более глубокое понимание закономерностей общесоциальных отношений, путей взаимодействия власти и журналистики, осмысление природных функций информации, и в первую очередь массовой, о чем мы говорили с Евгением Павловичем, буквально «поставили мне мозги на место». Выход из сложной жизненной ситуации неожиданно нашелся.

— Кружочки и схемы Прохорова спасли меня, — резюмировала я, обращаясь к докладчику, свой вывод.

— Вы хотите сказать, что я еще чего-то не понимаю, недо-
рог? — серьезно и заинтересованно спросил мой оппонент.

— Возможно, — предположила я.

Он достал свою винтику и протянул мне.

— Следующий раз, если повезется, звоните лично мне, а не просто в газету.

Я поблагодарила его, а про себя два раза поблагодарила судьбу за то, что, когда я на одном из правозащитных семинаров в Москве 90-х гг. прослушала лекцию Прохорова, я пришла именно к нему — «библиотечному чераку», по его собственному скромному суждению, и читателю и мыслителю № 1, по моему разумению.

— Я пришла к нему на кафедру, не зная зачем. Привезла несколько текстов лекций по курсу «Введение в теорию журналистики», который совершенно неожиданным для себя образом получила возможность читать на только что открывшейся кафедре журналистики в Тольяттинском университете. Эти лекции были написаны безо всякой опоры на имеющиеся учебники по данной дисциплине (в том числе и на классическое учебное пособие Прохорова). Принакось, в тот момент я даже не читала современных изданий этих учебников. Сейчас мне самой трудно объяснить свою дерзость. Но Евгений Павлович подробно расспросил меня о том, чем я занималась в профессии, чтобы точнее понять, зачем и почему после 20 лет практической работы в СМИ я пришла в университет. И совершенно неожиданно предложил:

— Вам надо написать диссертацию о роли журналистики в формировании гражданского общества в России. Понимаете

смыслов профессии, судя по Вашим лекциям, у Вас серьезное, а эмпирический опыт просто уникальный.

— Но я работаю в университете всего лишь один семестр, — удивилась я, имея в виду, что еще ничего толком не понимаю ни в учебной, ни тем более в научной работе.

— Да, я представляю себе, что у Вас сейчас нет времени на диссертацию, — сказал Евгений Павлович, повернув разговор в иную плоскость. — Много работы по организации новой кафедры; в городе выборы, а Вы во всем этом, в силу сложившейся для Вас обстановки, не можете не участвовать. Конечно, года два Вы точно не будете думать о науке. Но я подожду: мне очень хочется, чтобы работа на эту тему появилась.

Я не могла верить в то, что мои скромные научные попытки столь существенны и могут повлечь за собой такое серьезное предложение. Но ответственность почувствовала. Сейчас, когда я читаю и постоянно перечитываю феноменальную книгу Е.П. Прохорова «Исследуя журналистику», я понимаю, что ее автор обладал уникальной способностью ухватить, вычленив и сформулировать актуальные темы, исследование которых принесет много пользы. А описанный им методологический аппарат научного исследования поражает своей комплексностью.

Эта книга стала для меня настольной, когда я писала кандидатскую диссертацию. Точно следуя рекомендациям соответствующей главы, в автореферате я попыталась как можно более полно описать методы, применяемые в исследовании. Эффект получился неожиданным: коллеги сделали мне замечание за излишне подробное изложение этого раздела. «И где Вы только набрались таких названий!» — продолжали меня упрекать в присутствии Евгения Павловича. Я вопросительно посмотрела на него. Он опустил глаза в стол и едва заметно развел руками. Стало понятно, что для многих так и нет пророков в своем отечестве. И я в который раз поразилась скромности такого пророка.

Не могу не вспомнить случай, когда положив печальной догадкой со мной поделился один из старейших университетских коллег Евгения Павловича. Он очень сочувственно сказал, что трагедия Прохорова как ученого заключается в том, что разработанные им представления об основах профессии на

его глазах размываются и утрачиваются. И наблюдать это ему очень больно.

Помню, что у меня возник внутренний протест против этого высказывания. Но тогда я не смогла толково объяснить, с чем не согласна. А некоторое время спустя все произошло, не ведая того сам Евгений Павлович. Это произошло, когда мы сидели и пили чай у него дома, обсуждая последние новости в мире журналистской науки. Он сказал, что посчитал-таки нужным подписаться на новую Большую российскую энциклопедию (в БСЭ он участвовал и как автор) и вот на днях получила очередной ее том, где описаны все понятия на букву «ж».

— «Журналистика» там нет, — с грустной иронией констатировал он.

— Как нет? — удивилась я.

— Вот так. В словнике такого слова больше нет. Наверное, наше дело будет называться как-то иначе, что-нибудь типа «медиа». Посмотрим... Но это пока всего лишь слова.

А дальше мы стали говорить о необходимости по-новому раскрыть и глубоко обосновать функции и миссию журналистики, ее природные возможности и принципы. В этом разговоре ощущалась его твердая убежденность, что природное — вечно и потому оно не может оказаться в прошлом. Только надо прикладывать усилия, чтобы настоящее и, конечно, будущее журналистики стали как можно более соответствующими этому непреложному.

...Мы расстались, но ощущение его правоты осталось и не проходит, ибо не может пройти то, что совпадает с вечностью.

Т.В. Шумилина,

старший научный сотрудник кафедры социологии журналистики факультета журналистики МГУ

ГЛАВНЫЙ АВТОРИТЕТ

Прошло более года с тех пор, как умер Евгений Павлович Прохоров, наш руководитель и наставник, а привыкнуть к тому, что его нет, до сих пор трудно. Принимаюсь ли за новую тему

как исследователь, сажусь ли писать новую научную работу, прежде всего обращаюсь к нему, к его работам, мыслям, советам. За многие годы выработалась такая привычка.

Я стала работать под началом Евгения Павловича с осени 1966 г. Сначала лаборантом социологической группы, которая в тот год только что возникла на факультете журналистики МГУ. Изучение журналистики в социологическом аспекте было делом новым, малоразработанным в нашей стране. Декан факультета Ясен Николаевич Засурский был очень заинтересован в том, чтобы новое научное подразделение быстро встало на ноги, успешно освоило новую науку, которая в то время находилась в центре внимания мировой общественности. Во главе этого нового подразделения Ясен Николаевич поставил молодого, трудолюбивого, мобильного, чуткого к новым веяниям в науке кандидата филологических наук Евгения Павловича Прохорова, справедливо полагая, что новое научное направление должны вести в свои руки молодые ученые. В социологическую группу Евгений Павлович набрал молодых людей, только что окончивших факультет и мечтавших работать в новом научном подразделении, на новом научном направлении. Так сформировался костяк нашей группы, превратившейся в социологическую лабораторию, а потом — кафедру социологии журналистики. Большинство из нас, первопроявдцев, остались верны избранному делу и коллективу. Я думаю, что этому мы обязаны в первую очередь Евгению Павловичу, который сумел создать в коллективе прекрасную атмосферу дружбы, сотрудничества, увлечения работой.

После окончания факультета я сразу же уехала в Египет работать в качестве переводчика с английского языка. Через год, в 1966-м, вернулась домой. Соскучившись по факультету и мечтая об интересной научной работе, я пришла к своему руководителю диплома Ясену Николаевичу Засурскому. Он сказал, что как раз в это время на факультете создается новое научное подразделение — группа, которая будет заниматься социологией журналистики, и предложил мне должность лаборанта. Мне очень хотелось принять это предложение, но сначала нужно было поближе познакомиться с будущим руководителем социологической группы — Е.П. Прохоровым.

Дело в том, что Евгений Павлович работал и защищал диссертацию на кафедре истории русской журналистики, после чего его перевели на кафедру теории и практики печати. Я же специализировалась в международной журналистике, и во время моей учебы наши с ним пути не пересекались. Слышала только, что на кафедре истории журналистики была блестяще защищена кандидатская диссертация, посвященная в том числе известному произведению тюрского купца Афанасия Никитина «Хождение за три моря», содаванному в жанре путевых записок во второй половине XV в. Жанр путевых записок в то время получал все большее признание в журналистике. И конечно, историку журналистики было интересно проанализировать особенности прародителей этого жанра публицистики. Кроме того, в то время у Советского Союза завязывались тесные экономические и политические отношения с Индией и в стране был очень велик интерес к этой удивительной земле. Естественно, что Евгений Павлович, который всегда был очень чуток к запросам современности, согласился с предложением своего научного руководителя и выбрал эту тему для диссертации. Когда я узнала, что он был автором диссертации, требовавшей переосмысления привычных вещей, устоявшихся взглядов, я сразу поверила, что именно с ним можно искать новые пути в науке, овладеть мало еще освоенной областью знаний. И я согласилась, стала лаборантом, а потом научным сотрудником.

Под руководством Е. Прохорова я защитила кандидатскую диссертацию, которая была посвящена новой тогда еще области в теории журналистики — научной разработке методов сбора информации, в частности интервью. В ней объединялись два направления интересов нашего коллектива — теории журналистики и социологии журналистики. Евгений Павлович умело направлял поток исследований в эти два русла, которые дополняли и обогащали друг друга идеями и методами. Несмотря на то что социология журналистики была в то время совершенно новой областью научных разработок и сотрудникам приходилось осваивать ее практически с нуля, процесс шел довольно успешно, наше подразделение, как и уже отметила, росло и развивалось, превратившись в конце концов в самостоятельную кафедру.

Разрабатывалась теория, проводились эмпирические исследования. Евгений Павлович не только руководил теоретическими исследованиями, но и живо участвовал в полевые работы по сбору эмпирического материала. В памяти многих сотрудников осталось его пребывание в Шацке, где студенты под руководством наших аспирантов проводили опрос населения для изучения районной газеты. Итогом этой работы стал объемный коллективный научный труд «Районная газета в системе журналистики».

Тогда Евгений Павлович удивлял нас способностью в неформальной обстановке повести себя непринужденно. Он даже вспомнил, что когда-то увлекался гимнастикой, и показал нам некоторые упражнения, в том числе сальто, которое, правда, сделал неудачно, — упал и, по-видимому, крепко ушибся, но не показал виду. Что же во всем этом удивительного? Наверное, то, что до этого случая Евгений Павлович всегда держался несколько суховатым и казался нам кабинетным ученым, отстраненным от обыденной жизни.

Евгений Павлович относился к Московскому университету с таким почтением, что можно было сказать: он здесь не работал, не преподавал, он в университете служил. Это удивительно шло к нему. Возникал образ Хранителя традиций, настоящего несколько старомодного интеллигента, в том значении слова, которое сегодня почти утрачено. Это проявлялось и в том, что он никогда не позволял себе идти по парадной лестнице факультета в верхней одежде или грязной обуви, сидеть на занятиях в пальто, даже если (такое случалось) в аудитории было очень холодно. Разговаривал со всеми ровным нетрогким голосом, не повышая его, даже когда сердился. Обращался к студентам на Вы, старался называть их по имени и отчеству, иногда прибавляя несовременные обороты типа «голубчик» или «голубушка». Все это было органично, но оттеняло мысль не только о панибратстве, но и о принужденном обращении, поэтому мы и были удивлены, когда наш рофинированный профессор вдруг стал крутить сальто. Позже выяснилось, что кроме гимнастики он любил футбол, классическую музыку и цветы. Кактус, который он подарил мне на день рождения, живет у меня до сих пор...

Сам Евгений Павлович во второй половине 60-х гг. все больше занимался разработкой теории журналистики. В 1969 г. он защитил докторскую диссертацию по проблемам публицистики. Это было не очень просто. Хотя теория постепенно развивалась, но она долго не выходила за пределы ленинской триады, определявшей функции журналистики как пропаганду, агитацию, организацию. Евгений Павлович потратил много сил и энергии в спорах с догматиками, которые никак не хотели признать, что, во-первых, это вовсе не функции, а вид, форма деятельности, во-вторых, что Ленин вовсе не претендовал на абсолютное восприятие этой формулы, относя ее исключительно к партийной журналистике. Помню жаркие дебаты на кафедре теории и практики партийной и советской печати, когда преклонных лет ортодоксы, в основном бывшие военные политработники, шли войной на теоретические положения Евгения Павловича с ленинскими цитатами наперекос. Однако противник был хорошо образован и подготовлен. Он приводил ны в ответ другие цитаты из текстов Ленина, написанные в другое время и при других обстоятельствах, т.е. был противника его же оружием. «Полковники» отступали, но еще долго не хотели мириться с поражением. Тем не менее наступали другие времена, приходили другие люди, и живая наука завоевывала все новые позиции.

Евгений Павлович разработал дисциплину, которая была названа «Введение в теорию журналистики», и стал читать ее на I курсе, сразу погружая недавних школьников в мир серьезных и сложных понятий. Он хорошо логически и структурно выстроил свой предмет и постоянно работал над его совершенствованием. Его учебник «Введение в теорию журналистики» выдержал восемь изданий, и при этом никогда не был абсолютно одинаковым. Автор постоянно его обновлял, изменял структуру некоторых глав и разделов, вносил то новое, что было связано с изменившимися задачами и потребностями времени. Стремление ученого уловить дух современности, не отстать, не задержаться в прошлом было постоянным и проявлялось даже в том, что он, будучи самым старшим из сотрудников кафедры, первым освоил новую современную технику и этим у многих (в частности, у меня) пробудил желание не отставать (я успела

за компьютер, изучила мобильную связь и т.д.). От Евгения Павловича отставать не хотелось.

Единственным, в чем мы так и не нашли полного согласия с Евгением Павловичем, — это сложность стиля и языка, которым он излагал теорию. Об этом мы спорили постоянно. Евгением Павлович, как я уже отмечала, с благоговением относился к Московскому университету и считал, что преподавание в нем должно вестись на самом высоком уровне. Когда же мы высказывали мнение, что недавно окончившие школьную скамью юные студенты еще не могут полноценно воспринимать сложные понятия, которыми оперировал профессор, он отвечал, что аудитория Московского университета не школьный класс и студенты с первых дней обучения должны понять, какой уровень знаний и понимания предмета от них требуется. На семинарских занятиях, которые вели мы, сотрудники кафедры, нам приходилось иногда адаптировать сложные формулы теории к доступному для начинающих студентов пониманию. С течением времени Евгений Павлович хотя и не отрекся от своих взглядов, но все-таки смягчил свою позицию и как в его устных лекциях, так и в учебнике язык стал проще и доступнее. А студенты навсегда сохранили представление о настоящем университетском профессоре, о чем позже не раз говорили мне. Да и логика изложения, четкость структуры не только всего текста в целом, но и глав, параграфов, разделов в учебнике по теории журналистики и лекционном курсе очень хорошо проработаны. Когда я после Евгения Павловича стала читать этот курс на спецотделении, где получали высшее журналистское образование выпускники других, главным образом технических, вузов, я заметила, что они очень высоко ценили именно такую строгую структуру теоретического текста.

Для нас, кто считает себя в науке учениками Евгения Павловича, такая упорядоченность осмысления и изложения знания тоже была хорошей школой. Кстати, Евгений Павлович, несмотря на внешнюю строгость, был очень демократичным руководителем. Он не стеснял нас (в частности, меня) ни в выборе темы, ни в методах ее раскрытия, лишь мягко направлял, давая советы, как лучше достичь цели. А главное, умел заставить и помочь четко сформулировать эту цель и определить

пути исследования. В то же время Евгений Павлович требовал и соблюдения исследовательской дисциплины. Помню, как настойчиво он добивался, чтобы я опросила всех журналистов, которые были внесены в список и качестве источников информации и экспертов. Список я составляла сама, Евгений Павлович только помогал мне его корректировать. Казалось бы, хозяин — барин и в случае недоступности одного журналиста можно заменить его другим, к чему такой формализм? Но Евгений Павлович жестко настаивал на точном исполнении плана. Я думаю, что это было вызвано желанием руководителя приучить молодого исследователя серьезно относиться к своей работе, не пренебрегая какими-либо мелочами.

А сколько раз мне приходилось переделывать анкету, которую я разрабатывала как типовую для прессового опроса аудитории газет! Евгений Павлович добивался, чтобы в анкете не только были представлены самые важные для читателей темы, но и формулировки вопросов, способ заполнения и другие методические детали были продуманы до мелочей, понимались однозначно. Например, такой немаловажный момент, как способ возврата анкеты. В течение нескольких лет я сотрудничала с талдомской районной газетой и отработывала разные варианты того, как добиться большего количества вернувшихся заполненных анкет. Используя нашу договоренность с почтой, читателям не нужно было отправлять анкету в конверте, а достаточно было просто сложить ее и опустить в почтовый ящик — так нам удалось увеличить возврат анкет в два раза. И все эти детали докладывались и обсуждались с Евгением Павловичем. Такая работа не казалась ему пустяковой.

В конце первого периода работы с Евгением Павловичем (до 1990 г.) я читала курс «Социология журналистики» на двух отделениях факультета. Евгений Павлович настаивал, чтобы и теория журналистики, в частности тема «Методы сбора информации в журналистике», не была мною забыта. Он справедливо считал, что два направления научной и преподавательской деятельности кафедры, взаимно обогащая друг друга, приносят уникальный результат.

В 1990 г. я была избрана депутатом Моссовета и на некоторое время оторвалась от жизни кафедры. Евгений Павлович

был не очень этому рад, но никогда не препятствовал и не упрекал меня «в измене». Он уважительно относился к выбору своих сотрудников. Однако позже, когда в конце 1993 г. после досрочного роспуска Моссовета я вернулась на факультет, совмещая научную и преподавательскую деятельность с работой в качестве парламентского корреспондента в Государственной думе и главного редактора газеты «Дума», он часто проявлял недовольство тем, что, как он считал, работа «на стороне» отнимает у меня слишком много времени. В этом была большая доля правды, но бросить работу в Думе я не могла. Она позволяла находиться на острие политической борьбы, что казалось мне очень важным. Я старалась не получать замечаний от руководителя кафедры, как можно точнее и аккуратнее выполнять все его задания, не пропускать ни одного заседания кафедры. Это мало помогало. Я даже просила корреспондентов канала НТВ, которые довольно часто показывали меня в кадрах о работе Государственной думы (их начальник был моим однокурсником), больше меня не снимать: «...я так заведующий кафедрой говорит, что чаще видит меня по телевидению в Думе, чем на кафедре». Съёмки прекратились, а потом я оставила Думу, целиком переключившись на научную работу.

В 2010 г. вышла в свет очень дорогая для меня монография «Журналистика и устойчивое развитие». Работа над ней длилась долго. Тема была придумана Евгением Павловичем и сначала казалась мне несущественной, слишком далекой от реальной жизни, от тех жестких процессов разрушения, которые происходили в стране и мире. Мне никак не удавалось нанюхать для нее ту реальную почву общественной пользы, на которой, по моим представлениям, и должна базироваться наука. Я читала работы, которые мне рекомендовал Евгений Павлович, отыскивала все, что имело хоть малейшее отношение к теме, — концепция работы не приходила; писала статьи, делала научные доклады, но структура монографии рассыпалась, цельный труд не получался. И только после того, как я оставила работу в Думе, полностью сосредоточилась на монографии, обдумывая ее и днем и ночью, количество перешло в качество. Монография сложилась, и разрозненные до сих пор статьи и доклады обрели свое место.

Евгений Павлович был рад, что дело сдвинулось. Он внимательно прочитал первый, еще сырой вариант, сделал множество замечаний, составивших несколько страниц. Я хлебушка горю, разбираюсь с их текстом, и не потому, что Евгений Павлович требовал невыполнимого, — у него был очень неразборчивый почерк. Иногда он и сам затруднялся прочесть свои строки, а уж мы просто мучались с их расшифровкой. Приходилось звонить, встречаться, просить пояснений. Тем не менее работа была закончена и опубликована. Она оказалась актуальной, поскольку в разгар кризиса содержала анализ того, как может журналистика участвовать в его преодолении, предотвращении глобальной катастрофы. Евгений Павлович как истинный ученый обладающий даром прозрения, уловил дыхание времени и настроил меня на волну современности. И за это я ему очень благодарна.

После окончания работы над монографией я почувствовала пустоту. Чем заняться теперь, какую тему выбрать?

В это время мы вели у первокурсников семинарские занятия по дисциплине «Введение в теорию журналистики», которую, как говорилось, Евгений Павлович разработал и долгое время читал сам. В процессе занятий стало ясно, что раздел «Принципы журналистики» нуждается в более подробной и тщательной разработке. Мне не хотелось вторгаться в область научных интересов профессора без его согласия, поэтому я решила спросить, не будет ли он возражать против того, чтобы я занялась этой темой, предупредив, что у меня несколько другое видение этих проблем. Он, как мне показалось, даже обрадовался: «Конечно, Татьяна Валентиновна, займитесь ею, я давно ждал, чтобы кто-нибудь проявил к ней интерес. Желаю успехов!» Первый свой доклад на эту тему я назвала дерзко — «Принципы журналистики. Фантом или реальность?» Евгений Павлович предоставил мне слово на заседании секции, которую вел, и одобрительно отнесся к моему изложению.

И теперь, принимаясь за новую работу, я перечитываю труды Е.П. Прохорова, вдумываюсь в тему и как будто слышу его слова: «Желаю успехов!» Он навсегда останется для меня Главным авторитетом, Руководителем.

**ПОРТРЕТ ЕВГЕНИЯ ПАВЛОВИЧА
В ИНТЕРЬЕРЕ, ИЛИ «БИОГРАФИЯ
В ФОТОГРАФИЯХ» И ДОКУМЕНТАХ
ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА**

Никогда не думала, что буду писать воспоминания об отце после его смерти. Конечно, с 2004 г., когда при мне в Институте крови отцу окончательно поставили диагноз «хронический лимфоплейоз», я все время помнила о его неизлечимой болезни, зная, что, постепенно убывая иммунитет, она лишает организм возможности бороться с любыми инфекциями. И, когда в последние годы отец все больше болел, а у входа на факультет все чаще случалось видеть некролог кому-либо из давно знакомых преподавателей, иногда в моем сознании, как молния, мелькала страшная мысль: когда-нибудь вот так со стены из черной рамки на меня посмотрит и самый родной на свете человек. Но такую мысль всегда можно было отодвинуть, прося судьбу быть милостивой к нам, и вернуться к реальной на тот момент беде, к воспоминаниям о том, кто нас возмутил... Во всяком случае, о чем я точно не думала — это о воспоминаниях, посвященных Е.П. (так по-домашнему я с детства любила называть отца в письмах и записочках ему по разным поводам). Тем более о статье для Книжки памяти отца, когда пройдет совсем немного времени после его ухода. Не думалось, наверно, отчасти и потому, что жанр воспоминаний дочери (а в моем случае и коллеги по факультету) достаточно ритуализирован и изначально предполагает большую долю родственного славословия — того, что в нашей семье, особенно вне узкого домашнего круга, всегда старались шептать даже в адрес старших.

А когда Е. П. не стало и я прошла (не одна, спасибо за помощь родным, друзьям, факультету!) тяжелый путь, уготованный каждому в подобной ситуации, — от сообщения прагматрианиматолога о смерти отца ранним утром 16 ноября 2011 г. и похорон до обустройства могилы и поминков на годовщину его смерти, — я поняла, что еще не готова написать сколько-нибудь развернутую мемуарную статью. Ведь в таких воспоминаниях, которые будут достойны Е. П., убеждена, мне должно по возможности максимально полно рассказать о нем, о нашем общении, но... рассказать в «прошедшем времени». А для меня, несмотря на долгий путь прощания с отцом, он по-прежнему в настоящем, где-то рядом, но не осязаем. Заказывая художнику портрет и надпись на памятнике Е. П., я попросила на задней стороне камня выбить известные слова В. А. Жуковского «Не говори с тоской: *мг нем, но с благодарностью: быль»*. Сколько раз я цитировала их на лекциях, рассказывая об особенностях мироощущения поэта-романтика, глубоко верующего человека XIX в.! Но когда памятник был готов, выяснилось, что эти проникновенные слова не вполне передают мое сегодняшнее чувство к ушедшему из жизни отцу. Для меня он продолжает быть рядом...

Поэтому вместо воспоминаний (их время, возможно, и наступит — подруге) в этой статье я ограничусь представлением нескольких документов из семейного архива и подборкой фотографий Е. П. — уже не только из нашего собрания, но и любезно переданных мне друзьями. Конечно, публикация всех этих документов подразумевает комментарии, так что вовсе без воспоминаний и в этой Книге памяти отца я не обойдусь.

Среди многочисленных материалов архива я постаралась отобрать те, благодаря которым, если всмотреться в них внимательно, становится яснее, как, в какой исторической и семейной атмосфере, на какой основе сформировался столь же похожий на другие характер отца. Эти документы и фотографии помогают воссоздать его *парирет в киверьере, домашним и рабочим, в движении времени, в окружении родных и близких, коллег и учеников. И лучше понять его «лица вообще выраженья»,* которое проявлялось и в его внешнем облике, в его манере поведения, общения, и в его научной и преподавательской дея-

тельности, в семейной жизни и которое к нему столь многих привлекало, но, не будем лукавить, кого-то и отталкивало.

Первый из документов поистине уникален. Он представляет историческую ценность, полагаю, не только для нашей семьи и даже не только для тех, кто знал Евгения Павловича и кому интересна его биография. Речь идет об открытке, найденной мной среди аккуратно сохранившихся Е.П. документов его родителей. Эту открытку он получал от своего отца, Павла Васильевича Прохорова, с фронта под Сталинградом незадолго до его гибели в 1942 г.

Не знаю, почему Е.П. никогда не показывал мне эту последнюю весточку от моего деда, которого я, понятно, знала лишь по довоенным фотографиям и рассказам отца и бабушки, Надежды Никитичны Биткиной (в нашей семье женщины после замужества часто оставляли девичью фамилию). Дочь рано умершего слесаря Путиловского завода, после революции переехавшего с семьей в Москву, она прожила долгую трудную жизнь, никогда больше так и не выйдя замуж, хотя к красавице-вдове и сватался не раз, но, как говорили ее братья и сестры, она решила, что Женя, хорошо помнившему отца, не нужен отчим. И каждый год 9 Мая она обязательно сдвигала положить цветы, почтить память мужа к Могиле Неизвестного Солдата у Кремлевской стены. Ведь Павел Васильевич Прохоров, как значилось в выданной ей справке, умер от ран и был похоронен в неизвестной братской могиле где-то в районе Сталинграда в декабре 1942 г.; тогда ценой огромных потерь советским войскам все же удалось обеспечить начало перелома в решающей битве на Волге.

Родные рассказывали мне о том, что Павел Васильевич в сорок один год добровольно (он, ровесник века, кстати, так и остался беспартийным) в первые же недели войны вступил в московское ополчение. И о том, как во доходявших от него коротких письмах остававшаяся в столице семья узнавала, что после участия в параде на Красной площади 7 ноября 1941 г. он, рядовой 298-го отдельного пулеметного батальона, сразу оказался среди защитников Москвы. И о том, что, когда фашистов отогнали от столицы, его направили на курсы младших командиров в Малоярославец. Тогда решительная Надежда

Никитична, взяв с собой 11-летнего сына, даже отправилась туда, чтобы повидаться с мужем, — к сожалению, безуспешно (об этом случае Е.П. часто вспоминал, в том числе и интервью С.С. Распоповой, опубликованном в книге «Беседы с Учителем» (М., 2012)). Летом 1942 г. часть, в которой служил Павел Васильевич, снова перебросили на фронт. Он успел привлечь еще несколько писем, в которых, по словам моих родных, писал о тяжелых фронтных буднях.

Как ни странно, никто из них не сказал мне о том, что одно такое письмо-открытка сохранилось! Возможно, потому что слишком больно было бы им его показывать, беречь старые незажившие раны. Недаром ведь отец не решился съездить в Волгоград ни вместе с бабушкой в конце 70-х, ни в 90-е, когда там побывали мы с мамой! Хотя небольшая копия заметки «Родина-мать зовет!», привезенная бабушкой с Мамына кургана, стояла у него в кабинете. И открытка, написанная Павлом Васильевичем тонким простым карандашом, хранилась очень бережно.

Сегодня, спустя более 70 лет, на лицевой стороне «почтовой карточки» хорошо читается имя и адрес получателя: Евгений Прозоров — Москва, 31, Кузнецкий мост, № 9/10, кв. 7, и отправителя: Прозоров Павел Васильевич — Полевая почта № 2193, часть № 94. Различимы и почтовые штампы, причем поражает скорость доставки открытки в тяжелейшее для страны военное время: первая отыетка (полевой почты) относится к 4 ноября, а в Москве ее приняли уже 15 ноября. Само письмо датировано Павлом Васильевичем 1 ноября 1942 г., через 5 дней после прибытия, по его словам, в «район Сталинграда». Как свидетельствуют историки, это было время, когда для защитников города сохранялась критическая ситуация, шли затяжные кровопролитные бои.

Вообще, поражает в открытке многое. Это и удивительный для немолодого мужчины почти каллиграфически красивый и четкий почерк, тем более удивительный для бойца, вынужденного с фронта, в буквальном смысле слова под пулями. Это и литературные достоинства письма. Особенно если учесть, что образование у деда, как указано в его официальном «Трудовом списке» (тоже сохранившем в нашем семейном архиве), было только

«вешнее»: в 12 лет ему пришлось пойти работать. К 1941 г. он уже «дослужился» до должности «оптика», специалиста по изготовлению очков, но откуда у него такой хороший русский язык? Благодаря семейному архиву удалось выяснить из свидетельства об окончании делом начального городского училища, что сын крестьянина села Сенково Каширского уезда Тульской губернии (теперь это уже Московская область) Павел Прохоров именно по русскому языку и сочинению имел «отличную» оценку, а не просто «очень хорошую», как по другим предметам. Очевидно, его филологические способности и передалась Е.П.

Вот что писал Прохоров-старший с фронта 11-летнему сыну:

Здравствуй, дорогой Жень!

Тебе, вероятно, уже известно из предыдущих моих писем, что я нахожусь в районе Сызданаграда, куда прибыл 26-го октября. Живу и здравую. Это письмо пишу под мужьям армянским артиллерийским снарядом, стрельбы из минометов и пул которых слышны. Так здесь «весело» крутые сумки. Сегодня здесь исключительно хороший день, светит ярко солнце, тепло. Пока что сухо, дождей нет. Хорошо бы так продолжалось и дальше.

Как живете вы с мамой? Что нового в Москве? Какие у тебя успехи в учебе?? [Так в письме для вопросительных знака.] Жду от вас писем. Пишите подробнее обо всем. Мой адрес: Пятая почта № 2193, часть № 94 — Прохоров Павел Васильевич. Привет всем. Обнимаю и крепко целую тебя и маму. Твой папа.

Как я уже говорила, при жизни Е.П. я не видела этого коротенького письма (впрочем, «почтовая карточка» больше вместить не могла: и так автору пришлось ужимать последние строчки). Не знаю, отыскали ли и что тогда написали родные Павлу Васильевичу на фронт. Черновиков никаких в семейном архиве нет. Но, судя по тому, как аккуратно Е.П. отвечал на все приходившие ему письма, трудно предположить, чтобы он немедленно не сообщил отцу об их с Надеждой Никитичной жизни в Москве. О том, что мама редко бывает дома, пошла

работать шофером, а сам он, несмотря на официальный перерыв в школьных занятиях, старается заниматься самостоятельно и много читает, ходит в Ленинскую библиотеку...

Когда я впервые вышла в руки дядю открытку, в глаза бросилась еще одна деталь: знакомое мне по отцовским письмам повышенное внимание к тому, как ребенок учится. Бесспорно, внимательное отношение к успехам детей в учебе — норма для всех родителей во все эпохи. Но у Прохоровых это внимание явно «повышенное». И оно неизменно в *любых* обстоятельствах. У дяди — во время войны, когда, казалось бы, есть проблема важнее: ребенку надо выжить, пережить военное лихолетье. У Е.П. — в принципиально иной ситуации, когда, выходясь на каникулах, и взрослые, а тем более дети мечтают хотя бы некоторое время не думать об учебе, наслаждаться возможностями отдыха.

О такой позиции моего отца свидетельствуют многие его письма нам с мамой из Москвы в Крым. В конце 60-х — самом начале 70-х гг. каждое лето нам приходилось довольно долго ралучаться. Е.П. тогда в отпускные месяцы усидчиво работал, в том числе над докторской, занимался социологическими исследованиями, а меня, с моими частыми простудами, врач рекомендовал вывозить на все лето на море, что было «поручено» не связанной работой маме. Она и сохранила письма Е.П., посланные в разные годы, в разные дома отдыха. Ведь даже если отец адресовал послание лично мне, там всегда была информация и для нее, поэтому после прочтения письма много она забирала его себе и решала, кто будет сочинять ответ. Правда, наши письма Е.П. не сохранил. Но мамин сборник, после ее смерти, мы с отцом решили присоединить к хранившейся у него части семейного архива.

Е.П. писал нам, как правило, непространным, но и, как говорили в старину, «не пропускал почты», не реже раза в неделю. Напечатанные на пишущей машинке на листе бумаги формата А4 (иногда его половинке, но тоже целиком занятой текстом) письма только подписаны были от руки. Так оформленные, они всегда привлекали внимание отдыхающих, вынужденных перебирать всю выложенную в специальном месте корреспонденцию в поисках им адресованной. Любопытство их объяснимо: даже адрес был заполнен на машинке, как будто это официаль-

ное... или какое-то «законспирированное» послание. А «старик просто открывался»: неразборчивость почерка Е. П., которая могла не позволить почтальонам выполнить свою работу, да и нам хотя бы заочно пообщаться с отцом.

Публикуемое ниже письмо датировано 14 августа 1970 г. В то время мы жили в Ялте, точнее в Массандре в доме отдыха «Донбасс», и ждали Е. П., уже защитившего докторскую и первый раз за долгое время собирающегося последние две недели лета провести с семьей на море. Но тут в Крыму заговорили об эпидемии холеры, власти стали принимать разные карантинные меры. В Ялте, например, запретили купаться, но, как бывает в таких случаях, тут же поволокли самые «страшные» слухи, чуть ли не о трупах на улицах города. Отцу в Москве не продали билета ни на поезд, ни на самолет — ему пришлось остаться в городе. Получить достоверную информацию о положении дел в Крыму было практически невозможно. Мама заволновалась, и на первой почте не могла ничего есть в столовой — тошниво. Когда же маме не удалось на месте поменять обратные билеты на более близкое число, она позвонила отцу (на переписку уже не было времени), чтобы он в Москве нашел возможность поскорее вывезти нас из Массандры. В такой тревожной ситуации пришло весьма типичное для отца спокойное (с нескрываемой целью успокоить и нас) и деловое письмо, отправленное, правда, еще до мамного звонка.

Дорогой мой мальчик, здравствуй. [Так в тексте — зная в конце приветствия, но это не простая опечатка, поскольку опечатки в письме отец исправлял от руки синей шариковой ручкой, кстати, выканди и название на английском языке. Зная здесь — проваление принципиальной нелюбви Е. П. к восклицательным знакам, к акцентированно-эмоции и на письмо. Правда, в других посланиях следующее предложение в таких случаях не начиналось с заглавной буквы.]

Здравствуй в самом прямом смысле. Надеюсь и уверяю, что ничего плохого у вас не происходит. Сегодня в «Известиях» статья замечательная, в которой говорится,

как хорошо и спокойно в Крыму. И тем не менее — будь осторожна и слушайся маму во всем.

Сегодня купи тебе учебник по русскому языку, а маме методичку по арифметике. Может быть, маме понадобится, как называть тебя хорошо [имеется в виду только на «5», не на «4», что мои родители считали и меня приучали считать «плохой» оценкой для их дочери] учиться арифметике? «Прародословение» видел два раза — и все подержанные, как у тебя. Значит, останется «История»? Но ее все никак нет.

Мама начинает говорить твоей английской [я училась в одной из наиболее сильных английских спецшкол Москвы — в них язык преподавали со 2-го класса, и здесь отец с самого начала желал видеть меня не просто среди лучших учеников, но среди круглых отличников]. Я думаю, что, когда приеду к вам, познакомитесь с тобой, посмотрим, продвинулась ли чуть-чуть вперед. Но, как ты знаешь, не пускают маму в Крым. Так что ты сама немного познакомься — просто почитай старые тексты и упражнения, чтобы чисто все было. Как только приедешь, познакомься с тобой по книге и — по пластинкам. Я купил тебе набор пластинок и книжку к ним. Называется «Do you speak English?». Надеюсь, купишь не зря. Если ты не будешь учиться по маме — плачь. Купил еще тебе сборник Бориса Житкова. Ведь ты ничего его не читала (мы читали только два-три рассказа)?

Хожу в библиотеку — теперь уже в зал для двести и полдюжины. Там даже летом кондиционер и чайная (не от болезни, а по старости). Но зато всегда есть место, нет очереди получать и сдавать книги.

В Москве жарко. Только сегодня чуть похолодало после дождя, а потом снова. Но сейчас — необычайный случай — видел рубашку дома. А так даже в майке было жарко.

Ну, будь здорова. Не забывай. Набирайся сил: скоро работать.

Поцелуй маму. Пока.

Хорошо, что вслед за этим письмом Е.П. мы получили большую посылку от бабушки Иры, маминной мамы, со спасительным печеньем — им я и питалась (книжкильные и чай с сахаром мы всегда возили с собой из Москвы), сидя в комнате дома отдыха, пока отец, поняв серьезность положения, вызволил нас из массандровского «плена». Когда он наконец радостно встретил нас в аэропорту Внуково, мы, конечно, обнимались, делились впечатлениями по-русски, но уже наизусть Е.П. вспомнил о намерении совершенствоваться мой английский. Шли последние дни летних каникул...

Основная часть еще одного документа, который хотелось бы здесь представить, уже публиковалась в факультетской газете «Журналист» (номер от 10 марта 2011 г.). Но формат учебного издания не позволил публикации получить то внимание, которого, думается, она заслуживала. Это интервью, взятое у Е.П. в дню, когда отмечалось его 80-летие, в дополнение к которому тогда же были напечатаны мои ответы на вопросы о юбиляре. Отец, с характерной для него скромностью и лаконичностью, рассказал в интервью о важнейших моментах своей жизни, которая, по сути, неотделима от истории факультета журналистики (как, впрочем, и наоборот). Подготовленный к печати А. Еремшиной и А. Пащенко (тогда студентками I курса, только что освоившими дисциплину «Введение в теорию журналистики») материал был очень точно озаглавлен цитатой из сказанного Е.П.: «Факультет для меня — это жизнь».

Человек говорил, что «надо не любоваться собой, а работать, работать». Эти слова как нельзя лучше характеризуют Евгения Павловича Прохорова, доктора филологических наук, заслуженного профессора факультета журналистики МГУ, создавшего и бессменно возглавлявшего кафедру социологии журналистики, члена Международной академии информатизации. 7 марта Евгений Павлович отпраздновал свой юбилей: ему исполнилось 80 лет. В интервью по случаю своего дня рождения он поделился своими размышлениями о жизни, работе, журналистике. Мы поздравляем Евгения Павловича с праздником и желаем ему долголетия и творческой энергии.

— *Вы являетесь выпускником факультета журналистики МГУ. Расскажите, пожалуйста, почему Вы решили поступать на факультет журналистики? Что Вас тогда привлекло? Какими Вы заполнили свои студенческие годы?*

— С 1942 г., когда в Ленинке открыли детский читальный зал, я стал усердным читателем книг и газет. Живя на Неглинной улице, по дороге в библиотеку я каждый раз проходил мимо МГУ. Втуне думалось после школы поступить туда. Книг в те годы выпускали мало — я покупал сборнички статей и очерков И. Эренбурга, К. Симонова, Б. Горбатова. Думаю, желание после школы учиться в МГУ и любовь к публицистике, соединившись, привели меня в 1949 г. на филфак университета. Серебряная медаль давала мне право поступить без экзаменов. Выбор отделений на филологическом факультете был велик — в конце концов я оказался на отделении журналистики, открытом в 1947 г.

Студенческие годы были радостно-рабочими. В нашей группе были три «части» — бывшие фронтовики, девочки из городов практически со всего СССР и мы, москвичи, — сильные ребята и девчата, в том числе и трое медалистов. Негласное соревнование давало хорошие результаты. И стремление побыстрее «показать пороха». Уже очень скоро я оказался под руководством А. Аджубей в газете «Московский университет», которая тогда располагалась в комнатке Клуба МГУ (теперь там церковные помещения). То был клуб, где мы проводили все свободное от занятий время. И многому научился, в том числе от С. Гуревича, бывшего в газете ответственным секретарем. Он нас беспощадно школил, за что ему сердечное спасибо.

А учились мы вместе с филологами русского отделения — и это тоже была школа высокой культуры. Незабвенные годы, воспоминания о которых греют все сильнее.

— *Скажите, пожалуйста, что для Вас факультет журналистики?*

— Факультет для меня — это вся жизнь. И борьба тоже: ведь после окончания меня и еще нескольких выпускников оставили работать на факультете. Начал я с истории журналистики (написал кандидатскую), но очень скоро оказался на

кафедры теории и практики печати. И сразу пришлось работать со студентами, на ходу формируя азы знаний о науке, чего нам крайне недоставало в учивших нас. Это проходило в дискуссиях и разного рода столкновениях.

Написал первые товенькие книжечки, одна из которых вызвала резкое восприятие. Но обошлось. А декан «пребросил» меня «на социологию», только зарождающуюся в стране. Это был 1966 год. Тогда зародилась и кафедра социологии журналистики, на которой изучалась также и теория журналистики. Работы было много, но все мы радовались ей, хотя трудностей было не перечислить. Многие прошедшие тогда работают и сейчас — кандидаты и доктора наук.

— *Вы бесценно возглавляете кафедру социологии журналистики с момента ее создания и являетесь ее основателем. Как создавалась кафедра?*

— Кафедра возникла в соответствии с велениями времени: без социологического обеспечения трудно двигаться, в наше время особенно. А мне пришлось заняться и социологией, и теорией, волею декана заполняя возникшую в 60-е гг. нишу знаний в сфере журналистики — знаний и теоретических, и эмпирических.

— *А видите ли Вы разницу между студентами того времени и нынешними?*

— В студенческом «корпусе» год от года идут динамические процессы. И как всегда, одни — радуют, другие — огорчают. Радует свобода, раскованность, «экзотичность» поколения нынешнего. Хорошо, если бы за этим стояла и лучшая образованность, дисциплина ума и поведения, искренность в овладении перспективными знаниями, а не верхушечными умениями, нужными только «здесь и сейчас», часто не в лучших СМИ и их подразделениях... Но и ныне есть студенты, устремленные в будущее, из которых, надеюсь, вырастут лидеры быстро меняющейся журналистики.

— *Вы автор многочисленных научных трудов, а по одной из Ваших книг — «Введение в теорию журналистики» — обучаетесь I курс факультета. Расскажите, пожалуйста, про процесс создания этого учебника.*

— Теорией жанров, потом — публицистики в целом я занялся с самого начала, ощущая пробелы в «литературе вопроса» и преподавании. А теорией журналистики пришлось заняться опять-таки волею декана в результате «провалов» лекций тех преподавателей, которые вели занятия в начале 60-х гг., в годы оттепели. И при создании этого курса не обошлось без драматических эпизодов. Собирая я целостный курс по крупицам, из самых разных источников, изучал реалии журналистики того времени. А первое *небольшое пособие* (1973 г.) вызвало рядом положений неприятие в руководстве и, хотя прошло цензуру, осталось лежать на полке. Через несколько лет доработанный текст все же увидел свет. Потом, с участием преподавателей других кафедр в коллективной работе, удалось издать достаточно подробное пособие. А затем и учебник — в 1988 г. Драматические события в стране и перемены в журналистике начала 90-х гг. побудили к пересмотру ряда идей и положений. В результате с 1995 г. одно за другим стали выходить издания моего учебника «Введение в теорию журналистики». В каждом последующем издании неизбежны были поправки и дополнения. В 2011 г. вышло восьмое издание. Но дальше над курсом будут работать уже другие люди...

— *Что вы считаете своим самым главным достижением в жизни? Какие качества в себе цените?*

— На эти вопросы ответить практически невозможно... Главное — контакты на лекциях и занятиях со студентами, приносящие (если приносили) пользу делу. И, естественно, несколько книг, которые, хотелось бы надеяться, не затеряются на полках библиотек.

— *Как вы любите проводить свободное время?*

— Отдыха всегда не хватало. Но если выдавались часы досуга — чтение и музыка. И в том и в другом предпочитаю классику.

— *А какие печатные издания и телевизионные программы предпочитаете?*

— Сейчас много времени провожу за компьютером. Нужны по делу «Известия», «Московский комсомолец» и временами «Российская газета». На ТВ, когда отдыхаю, предпочитаю спорт, на радио — «Орфей».

Ну, а лучше всего о человеке могут рассказать, как известно, его близкие. Именно поэтому мы попросили Ирину Евгеньевну Прохорову, кандидата филологических наук, доцента кафедры истории русской литературы и журналистики, члена Союза журналистов Москвы, тоже немного сказать о своем отце-абилдаре.

— Как Вы считаете, какие качества в первую очередь привлекли к Вашему отцу?

— Романтик-идеалист, каких крайне мало во все времена, тем более в наше прагматично-рыночное, «профанное». Но кто-то всегда должен пытаться проповедовать «любви и правды чистые учения»...

— Не могли бы Вы вспомнить историю из Вашего детства, которая была бы самым ярким воспоминанием о Евгении Павловиче?

— Одна из самых привлекательных черт отцова характера, на мой (конечно, не вполне беспристрастный) взгляд, — это истинная интеллигентность, безупречное чувство «времени и места». Никогда не забуду такой случай. Как-то, отдыхая в Пищуле, наше семейство вечером, когда спала жара, пошло на берег подышать перед сном уникальным пищудским воздухом. Разговор, как почти всегда в присутствии Е.П., даже на отдыхе касался каких-то довольно серьезных тем. Видимо, привлеченный этим, к нам подошел один из только что приехавших отдыхающих и представился: профессор такой-то (не буду называть фамилию весьма известного тогда врача, ныне уже покойного). В ответ отец, к тому времени тоже давно уже профессор МГУ, скромно произнес: «Прохоров».

— Вы любили в детстве бывать посеткой на отца? В чем?

— Естественно, знание качества отца хотелось бы носить в себе... если уж не получается просто унаследовать. И упоминающуюся уже интеллигентность, и конечно, собранность, умение игнорировать «не главное».

— Евгения Павловича можно назвать трудоголиком?

— Да, бесспорно. И еще однолюбом — и в работе, и в личной жизни. Причем личная жизнь, даже семья, никогда не ставилась им, насколько знаю, на первое место.

— Что бы Вы пожелали Еленино Павловичу в день его юбилея?

— Эго-ро-шь!!! Ивинните за неоригинальность пожелания. Но такие «базовые ценности» неизменны для всех и всегда.

Мое тогдашнее пожелание оказалось не очень бытовым, что гораздо печальнее его неоригинальности. Конец земного пути отца был уже близок: физических сил у него оставалось всего на восемь с небольшим месяцев. Так что весьма точно воспроизведенные начинающими журналистами слова юбиляра (я, по профессиональной привычке историка, сверила газетный текст с авторским вариантом ответов, который сохранился в архивном файле и приведен мною выше) можно считать своего рода подведенным итогом жизни.

Вместе с тем, судя по найденному мной в архиве документу, в газетный текст по каким-то причинам (наверно, формальным — из-за ограниченности объема) вошли не все ответы Е.П. Сегодня, думается, один из не появивших в печать его ответов стоит воспроизвести. Эта реплика Е.П. существенно дополняет опубликованное, показывая, что написанное тогда юбиляром было не только подведенным итогом жизни, но в известной мере и его Заветам.

Я не знаю, как точно был сформулирован вопрос (архивный файл вопросов к Е.П. не содержит). Судя по ответу, речь шла о том, чему в первую очередь нужно научиться нынешним студентам журфака и о чем всегда должно помнить журналисту. Е.П. написал об этом так: *«Главное — это неустанное стремление к росту профессионализма, который должен основываться на понимании гуманистической миссии журналистики, правдиво осмысленной свободе духа с ответственностью перед обществом и человеком. И конечно, человечеством — ведь мир все более взаимосвязан в свои частях при драматическом росте противоречий и сложностей. Причем журналисту мало иметь в факсированном это — ему надо своими журналистскими средствами помогать становлению подлинного левополитического единства. Тогда можно вернуть журналистике то социально ориентированное лидерство, что*

раньше называлось быть "пластителем дум". Хотелся надеяться, что эта раз СМН не умерла безвозвратно». Сейчас, спустя почти два года после того, как были написаны эти слова, они, безусловно, воспринимаются в качестве Завещания Евгения Павловича — своего рода «Поучения чадам». В нем и очень актуальное для журналистов сегодня напоминание об исторической традиции как опоре и, в определенном отношении, ценностном ориентире для настоящего и будущего профессионального журналистского сообщества. В нем есть ноты и предостережения, и, конечно, умеренного оптимизма — очень по-прохоровски.

Права великие: «не все прекращается смертью» человека. И рукописи не горят...

А еще, как известно, человек после смерти продолжает жить в своих портретах. В том числе и в фотопортретах, «с чувством, с толком» сделанных даже не профессионалами. К счастью, отца фотографировали часто и нередко удачно, чему, кстати, способствовала его фотогеничность. Но главное здесь, конечно, чтобы фотограф понимал своего героя и, замечатель в его крупным планом или среди множества других лиц, в какой-то важный момент его жизни или в самый обычный день, сумел «схватить» его живой взгляд, характерное выражение лица, настроение, позу, жест. И таких фотографий Е.П. немало. Имена их авторов я не всегда могу восстановить, да они едва ли рассчитывали на это. Важно то, что созданные ими изображения отца сохраняют для нас его образ. Даже если сами снимки не очень хороши с точки зрения мастерства, техники съемки или состояния старых фотографий оставляет желать лучшего (все это, бесспорно, заметно и при их сканировании для перевода в цифровой формат и публикации в книге).

Богатство архива затрудняло выбор фотографий для печати: глаза разбегались. Помогло то, что изначально задача сформулирована довольно четко: воссоздать портреты Е.П. в различные времена. Поэтому фотографии подобраны так, чтобы наиболее ярко показать разные периоды жизни и творчества Евгения Павловича, и представлены они соответственно в хронологическом порядке.

Такая вот получилась «биография в фотографиях» (см. вклейку).

В заключение хотелось бы напомнить одно из любимых высказываний Е.П. о том, что умному человеку мало уметь логически мыслить – ему необходимо понимать логику другого (очного или заочного собеседника). Надеюсь, эта моя статья и, главное, в целом подготовленная с участием многих и многих коллег, друзей, учеников Евгения Павловича Книга его памяти поможет всем нам лучше понять логику его жизни и творческих исканий.

Второе издание

**КНИГА ПАМЯТИ
ПРОФЕССОРА Е.П. ПРОХОРОВА**

Математические системы. Воспоминания

Отв. редактор доцента М.Е. Прохорова

Редактор Т.М. Ильенко

Художественный редактор В.М. Добрянская

Художник В.А. Чернышев

Технический редактор Э.С. Кондратьева

Корректоры Г.Л. Селезнева, Т.М. Ильенко

Верстка Е.Н. Берлова

Подписано в печать 17.10.2013 г. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Офсетная печать.
Изд. лис. а. 20,8 + илл. 1,8. Ул.-изд. а. 13,33 + илл. 0,68.
Тираж 600 экз. Заказ № 8962. Заказ №

Издательство Московского университета
125080, Москва, ул. Б. Никитская 5.

Тел.: (495) 628-20-91, факс: (495) 697-66-74
(495) 939-34-03 (info@izdatelstvo.ru)
E-mail: secretary-mosru@yandex.ru

Сайт Издательства МГУ:
www.msu.ru/depart/MSU/Pub/1005

Интернет-магазин: <http://mosru/ibooking.ru>

Адрес службы реализации:
Москва, ул. Холмова, 11 (Воробьевы горы, МГУ).
E-mail: ros-mgu@yandex.ru
Тел.: (495) 939-34-03

Отпечатано в типографии МГУ.
119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы,
д. 1, стр. 15

Павел Васильевич Прохоров
(1900–1942)

1931 г.
Жена Прохорова на руках у матери, Н.Н. Китыловой

1938 г.
В первый класс!

1949 г.
Школа закончена с серебряной медалью,
завтра — поступил на факультет МГУ

1958 г.
Наталья Георгиевна Лялина (1932–2005),
жена Е.П. Прохорова в тот же самый

1959 г.
Первый раз на Черном море — после защиты
кандидатской диссертации

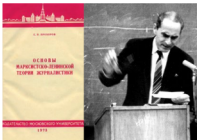
1960 г.
На кафедре теории и практики журналистской печати;
выборки «ключи» к новой дисциплине – теории журналистики

1950-е гг.
Экзотические схемы на лекциях по «пропорциональности»
(вдохновение много лет вносило в домашнюю кабину Евгения Павловича)

Это фото было опубликовано 16 апреля 1971 г. в газете «Московский университет» вместе с заметкой студента журфака С. Сидорова об участии в социологических исследованиях под руководством Е.П. Прохорова

1970-е гг.
 Свой курс Евгений Павлович читал всегда академически строго и вместе с тем эмоционально, истинно журналистски. Притом долгое время в условиях, когда уже изданным учебным пособием (1973 г.) студенты пользоваться не могли (на втором плане — фото этой «запрещенной» книги)

1983 г.
Фото из серии, запечатанной
издательством «Советский писатель»
для книги Евгения Павловича
«Искусство публицистики»

1989 г. г.
Пензенка. Дом творчества классикографистов и журналистов. По часу
обладала Евгений Павлович и там встал в 7.00, зарядка, утреннее купание,
завтрак, работа над книгой на балконе номера, дневное купание, обед,
семейные посиделки на балконе, опять работа, вечернее купание, ужин,
классикографистов или поезда на номере классической музыки, футбол в 21.00

Первая половина 1990-х гг.

Евгений Павлович иногда отлучался рюмкой гостеприимства и готовность обсуждать серьезные проблемы в своем домашнем кабинете, за чашкой чая, кофе (а не водки)

1994 г.

У Главного здания МГУ с аспирантом из Вьетнама Нгуен Ван Зангом, ныне деканом факультета журналистики университета в Ханое

1996 г.

Сергей Прохорович на кафедре истории русской литературы и журналистики корфакса на празднике по случаю заветы Иркиной кандидатской диссертации

1998 г.

На завете Г.В. Пруцкая: «У меня, как всегда, при вопроса к автору...»

1998 г.
Ректор МГУ академик В.А. Садовничий вручает Евгению Павловичу диплом аспирантского профессора МГУ

1999 г.
Контсевича Прохорова – отличника и в детстве

Вторая половина 1990-х –
начало 2000-х гг.
Шуточный портрет – презент
Евгению Павловичу от его учеников

2000-й гг.
Я.Н. Засурский и Е.П. Прохоров на очередном заседании
Диссертационного совета

27 декабря 2000 г.
Встреча Нового года в Независимом институте коммуникалистики:
Е.П. Прохоров, С.В. Восторжца, А.К. Сивков, Н.М. Дольцовский

2000-е гг.

Во главе праздничного стола на семейном торжестве у дочери

2002 г.

Кафедра сочинения журналистики — команда, как любит называть
своих сотрудников Евгений Павлович (слева направо): Т.В. Шумилина,
А.А. Шарыгина, А.Н. Вертольская, Н.Д. Фомичева, О.В. Устинова,
Г.М. Пашенников, Д.В. Пытконова, В.М. Хрущ и Е.П. Прозоров

Конец августа 2002 г.
В составе делегации факультета журналистики Евгений Павлович
побывал в США, в частности, в Вашингтоне на Капитолийском холме

Второй половина 2000-х гг.
Как часть тематич.
Евгений Павлович у входа
в 201 аудиторию

2008 г.
Хлопкаты и работа дачника...

2010 г.
Дачные вечера у друзей -соседей:
Евгений Павлович
и В.Л. Артемьев

Вторая половина 2000-х гг.
На одной из факультетских научных конференций

Вторая половина 2000-х гг.
Научный диалог продолжился и в провинции: Н.М. Дюжонский
в гостях у Евгения Павловича

7 марта 2011 г.
Отмечаю 80-летие с дочерью

15 августа 2011 г.
«Дочь сплела...»: последний вечер Евгения Павловна на даче

16 ноября 2012 г.

У памятника в годовщину смерти Евгения Павловича